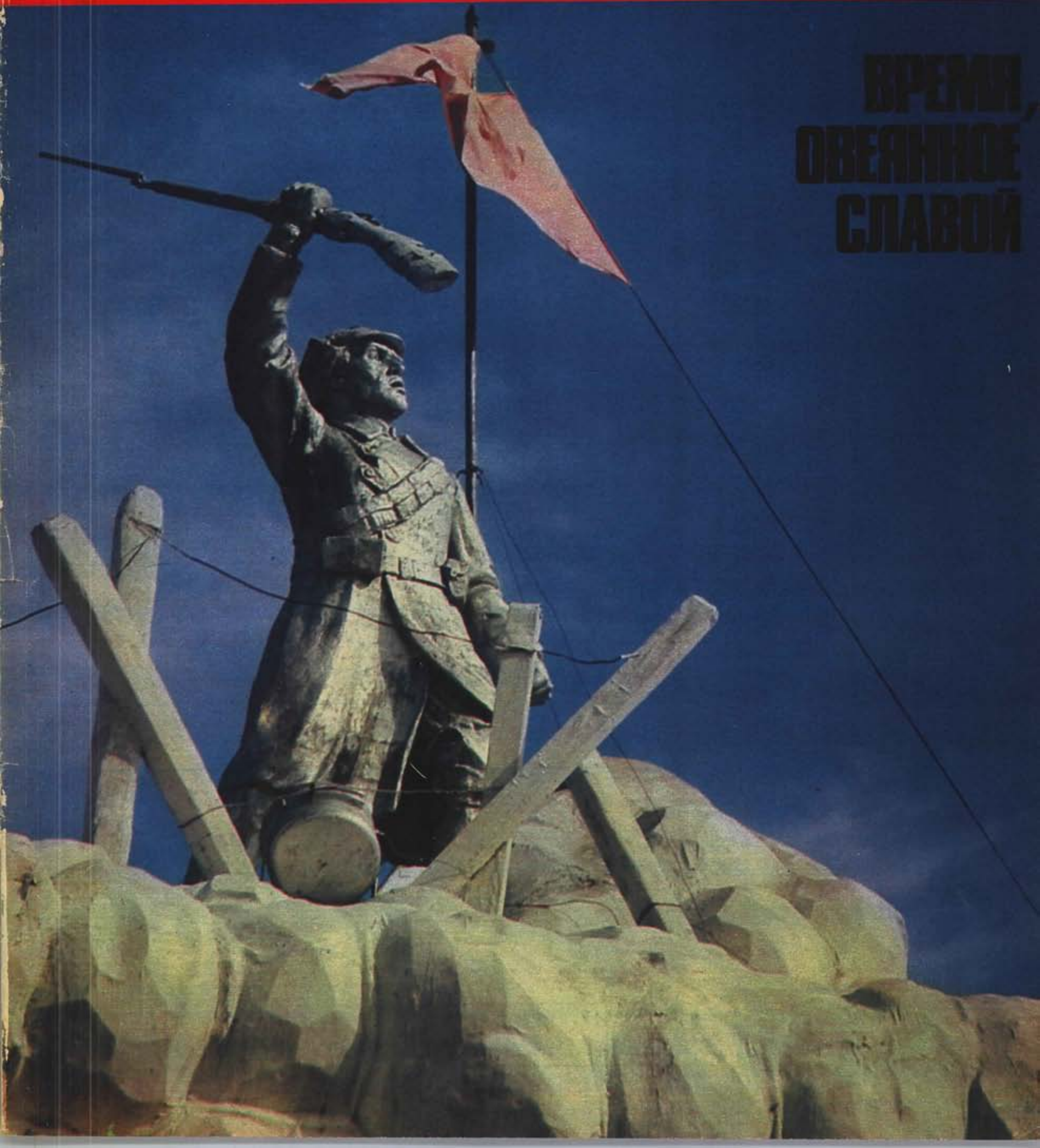

СМЕНА

№ 23 ДЕКАБРЬ 1977

ВРЕМЯ
ОБЕЯННОЕ
СЛАВОМ

ДЕЛО ОКТЯБРЯ ЖИВЕТ И ПОБЕЖДАЕТ!

Октябрь!

Светосное это слово дорого каждому советскому человеку. С Октября семнадцатого началось новое летоисчисление.

Было время, когда праздник наш отмечали почти лишь мы одни. Окруженная злобным оскалом врагов, страна наша верила, придет час, когда у Советской России станет много друзей, когда те, кто сочувствует нам, кто может быть другом, скинут собственное ярмо, чтобы, взявшись за руки с нами, строить новый мир. Переустривать мир старый.

1917 год. Мы одни. 1921 год. Победа революции в Монголии. 1944—1945 годы. Разгром фашизма, и возникновение стран народной демократии.

Убедительная вещь—статистика. И вот о чем с поразительной доказательностью говорят цифры. Весь мир занимает 135,8 миллиона квадратных километров. Из них социалистические страны занимают 35,4 миллиона. Из 4045 миллионов человек, населяющих, как говорит Маяковский, «земшар», в странах социализма живет теперь 1317 миллионов человек. Доля стран социализма в мировой промышленной продукции с 3 процентов в 1917 году возросла более чем до 40 процентов в 1976-м.

Мир переустривается. Как бы ни злобился враг социализма, «земшар» не желает жить по-старому. Эти изменения объективны—они есть

требование, диктуемое прогрессом. И не напрасно в обращении «К народам, парламентам и правительствам всех стран мира», принятом ЦК КПСС, Верховным Советом СССР и Советом Министров СССР на совместном торжественном заседании ЦК КПСС, Верховных Советов СССР и РСФСР, сказано:

«Те, кто шел за партией коммунистов, за Лениным в октябре 1917 года, были последовательными интернационалистами. Они боролись за счастье не только своего народа. Октябрьская революция круто повернула ход мировой истории. Вслед за Страной Советов дорогу социализма и социалистической ориентации избрали и другие страны—в Европе, Азии, Латинской Америке и Африке. Крупных политических и социально-экономических успехов добились международное рабочее и национально-освободительное движение. Разбита колониальная система. Большие и малые народы обрели веру в свои силы, в неотъемлемое право быть хозяевами собственной судьбы. Ширится, крепнет общедемократическое движение. Все громче слышен голос миролюбивых сил, прогрессивной молодежи и женщин.

Мы сердечно, по-братски приветствуем народы социалистических стран, с которыми нас соединяют общность целей и идеалов, узы нерушимой дружбы. Мы горячо привет-

ствуем народы, освободившиеся от колониализма и вставшие на путь национального возрождения и социального прогресса. Мы глубоко солидарны с народами, продолжающими героическую борьбу за свою свободу и независимость. Мы шлем привет нашим братьям—трудящимся капиталистических стран, борющимся за свои жизненные права и интересы».

В яркую, торжественную манифестацию светосных идей Октября вылилось это совместное заседание, на котором выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Леонид Ильич Брежнев.

Окидывая мысленным взором путь, проделанный нашей страной, Леонид Ильич подчеркнул:

«На великих стройках нашего времени с особой силой проявились стойкость, созидательный порыв, идейная закалка советской молодежи. Продолжая славные традиции своих дедов и отцов, комсомольцы, девушки и юноши идут в первых рядах строителей коммунизма, мужают в труде, учатся управлять хозяйством, руководить делами общества и государства. В их руках—будущее страны. И мы уверены—это надежные руки».

Надежные руки. Да, молодежь, комсомольцы не раз оправдывали доверие партии своим самоотверженным трудом, своими делами.

Вот несколько—взятых наугад—рекордов Всесоюзных ударных комсомольскихстроек.

Караганда: досрочно пущена коксовая батарея № 7.

Усть-Илим: работает 15-я турбина. БАМ: по участку Беркамит—Тында прошел первый поезд.

Патриотический порыв комсомола всегда отличается массовостью. Миллионы, тысячи. Это не только единицы измерения киловатт-часов, тонн угля, экзотических рублей. Это единицы измерения людских рук и сердец—того, что называется коллективной волей народа.

Пятнадцать миллионов юношей и девушек приняли участие во Всесоюзном смотре научно-технического творчества. На октябрьской вахте славно потрудились 55 тысяч комсомольско-молодежных коллективов села. 120 тысяч выпускников школ остались работать в сельской хозяй-

МОСКВА.

КРЕМЛЕВСКИЙ ДВОРЕЦ СЪЕЗДОВ.
2 НОЯБРЯ 1977 ГОДА.

ПРЕЗИДИУМ СОВМЕСТНОГО
ТОРЖЕСТВЕННОГО ЗАСЕДАНИЯ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КПСС,
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
И ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР,
ПОСВЯЩЕННОГО 60-ЛЕТИЮ
ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ.

МОЛОДЫЕ ПОСЛАНЦЫ
МОСКВЫ, ЛЕНИНГРАДА,
ВСЕХ БРАТСКИХ
РЕСПУБЛИК ОТ ИМЕНИ
36-МИЛЛИОННОГО
ЛЕНИНСКОГО
КОМСОМОЛА,
СОВЕТСКОЙ МОЛОДЕЖИ,
ЮНЫХ ПИОНЕРОВ
ПРИВЕТСТВУЮТ
УЧАСТНИКОВ
ТОРЖЕСТВЕННОГО
ЗАСЕДАНИЯ.

У СВЯЩЕННЫХ СТЕН
КРЕМЛЯ КОМСОМОЛЬЦЫ
ГОРОДА-ГЕРОЯ МОСКВЫ
В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ
ВЛКСМ—29 ОКТЯБРЯ
РАПОРТОВАЛИ
О СЛАВНЫХ УСПЕХАХ
В ТРУДЕ, УЧЕБЕ
И ОБЩЕСТВЕННОЙ
РАБОТЕ, ПОСВЯЩЕННЫХ
ЮБИЛЕЮ
СТРАНЫ СОВЕТОВ.

ПАРТИЯ ВЫСОКО ЦЕНИТ ТРУДОВОЙ
ЭНТУЗИАЗМ СОВЕТСКОЙ МОЛОДЕЖИ,
ВИДИТ В ЛЕНИНСКОМ КОМСОМОЛЕ
СВОЙ БОЕВОЙ РЕЗЕРВ
И НАДЕЖНУЮ СМЕНУ.
Л. И. БРЕЖНЕВ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 23 (1213) ДЕКАБРЬ 1977

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
Памятник
героям
Волочаевки.

Фото
Владимира
ЧЕИШВИЛИ.

- 1 ШЕСТЬДЕСЯТ ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.
- 6 Стихи Сергея ОРЛОВА.
- 8 Владимир ДЕСЯТЕРИК. «ЛЕНИН. ОКТЯБРЬ. МОЛОДЕЖЬ». Хроника.
- 12 Генрих ГУРКОВ. «ТВОЕ ДЕРЕВО В ПАЛАСОВКЕ».
- 14 Рассказ Виктора ПОТАНИНА «ПОЗДНИЙ ГОСТЬ».
- 19 МОЛОДЫЕ МАСТЕРА ИСКУССТВ. «ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА». Рассказ об актрисе Елене ПРОКЛОВОЙ, лауреате премии Ленинского комсомола.
- 22 ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНИ». Повесть Жоржа СИМЕНОНА «САМЫЙ УПРЯМЫЙ КЛИЕНТ НА СВЕТЕ».
- 25 КРАСОТА РОДНОЙ ЗЕМЛИ. «АМУР». Фотоочерк Михаила БЕЛОВА и Владимира ЧЕИШВИЛИ.
- 26 Стихи Рустема КУТУЯ.
- 30 КОНКУРС ЧИТАТЕЛЬСКИХ ПИСЕМ. «КАЖДЫЙ ИЗ НАС ВЫРАСТЕТ НАСТОЯЩИМ ЧЕЛОВЕКОМ, ПРЕДАННЫМ ВЕЛИКОЙ СТРАНЕ СОЦИАЛИЗМА».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. АБАШИН, Б. Л. ДАНИШЕВСКИЙ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), Г. Л. НЕМЧЕНКО, В. Г. ПОБЕДНОСЦЕВ (ответственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. В. СЕМЕНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантросов. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

© Издательство «Правда», «Смена», 1977 г.

ЛУЧШИЕ КОМСОМОЛЬЦЫ, МОЛОДЫЕ ГВАРДЕЙЦЫ ПЯТИЛЕТКИ
УДОСТОВЕРНЫ ПРАВА СФОТОГРАФИРОВАТЬСЯ
НА ЛЕГЕНДАРНОМ КРЕЙСЕРЕ «АВРОРА».

стве Нечерноземья. 50 тысяч выпускников ПТУ награждены значком «За отличную учебу».

Торжественное заседание, посвященное 60-летию Октября. Под звуки фанфар входят в зал участники приветствия молодежи и пионеров.

Московский рабочий, ивановская ткачиха, механизатор из Оренбуржья, украинская актриса, студентка из Узбекистана, учащийся профтехучилища с Урала с высокой трибуны рассказывают о себе, и из этих рассказов складывается биография молодого поколения семидесятых годов.

Н. СУДАРИКОВ:

— Я—московский рабочий. Молодые москвичи показывают образцы самоотверженного труда, в едином строю с коммунистами выполняют поручение Леонида Ильича Брежнева—превратить столицу нашей Родины—Москву в образцовый коммунистический город! Вся советская молодежь подхватила родившееся в цехах ЗИЛа патриотическое движение «Пятилетке эффективности и качества—энтузиазм и творчество молодых!».

Отмечать праздники успехами в труде—наша комсомольская традиция. Три миллиона юношей и девушек страны, 200 тысяч молодежно-комсомольских коллективов к юбилею революции выполнили план двух лет пятилетки. Прими, Родина, наш трудовой подарок!

В. ГОЛУБЕВА:

— Я—ивановская ткачиха. Год 60-летия Октября для меня по-особому знаменателен. Я стала членом Коммунистической партии. Удостоена звания Героя Социалистического Труда, лауреата премии Ленинского комсомола. Мне посчастливилось получить вдохновляющее приветствие Генерального секретаря ЦК КПСС, главы нашего государства Леонида Ильича Брежнева в связи с достигнутыми мною успехами в труде.

Докладываю вам, что к празднику Октября я выполнила шесть годовых заданий с начала пятилетки.

Г. ЧЕРДИНЦЕВ:

— Я родился и вырос в оренбургском селе, стал механизатором. В

НИКОГДА НЕ ПОГАСНЕТ ФАКЕЛ ПАМЯТИ О ТЕХ, КТО СОВЕРШИЛ ВЕЛИКУЮ ОКТЯБРЬСКУЮ СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ РЕВОЛЮЦИЮ.

ЦВЕТЫ К МОНУМЕНТУ «БУЛЫЖНИК—ОРУЖИЕ ПРОЛЕТАРИАТА» В ПАМЯТЬ ОБ УЧАСТИИ ПРЭСНЕНСКИХ РАБОЧИХ В ДЕКАБРЬСКОМ ВООРУЖЕННОМ ВОССТАНИИ 1905 ГОДА.

наших молодых руках—хлебная нива Родины. Страна высоко ценит труд земледельца. Многие молодые сельчане, в том числе и я, удостоены высоких наград. Полновесный колос, золотое зерно в закромах государства—вот наша главная забота. Нелегкой была страда этого года, но труженики села сделали все, чтобы подарить тебе, Родина, юбилейный октябрьский каравай!

И. ШЕВЧУК:

— Дорогие товарищи! Я—с Украины. В год юбилея Великого Октября молодая творческая интеллигенция испытывает особый подъем. Героический путь, пройденный страной за 60 лет, служит источником вдохновения для молодых мастеров искусств. И мы с этой высокой трибуны обещаем нашей партии, что весь свой талант, все свое мастерство отдадим служению советскому народу.

М. ЮЛДАШЕВА:

— Я—студентка из Ташкента. Ленинский завет учиться мы, студенты, воплощаем в творческом походе за знаниями, в научно-техническом по-

иске, активной общественной работе. 300 тысяч студентов, учащихся техникумов—отличники учебы, ленинские и именные стипендиаты. Мы стараемся и в студенческие годы работать на «отлично». В юбилейном году 700 тысяч бойцов Всесоюзного студенческого строительного отряда имени 60-летия Великого Октября освоили на стройках пятилетки миллиард 300 миллионов рублей капиталовложений.

В. СУХАЧЕВ:

— Я—с Урала. Нас, учащихся профтехобразования—3 миллиона. Мы—трудовой резерв пятилетки. Прославленные рабочие и колхозники, конструкторы и космонавты, писатели и ученые—вот кого воспитали трудовые резервы! Партия и правительство поставили перед нами новые задачи, ждут от нас новых достижений, поиска и мастерства. Молодая смена рабочего класса и колхозного крестьянства не подведет!

Волнующий для каждого комсомольца момент. Бригадир комсомольско-молодежной бригады ленинград-

ского производственного объединения «Кировский завод» Ю. Иванов передает в президиум заседания Рапорт Ленинского комсомола Центральному Комитету КПСС. В рапорте—итоги ударной вахты советской молодежи к 60-летию Октября. Подписать его удостоились—своим ударным трудом, своей ударной учебой—2 миллиона 200 тысяч комсомольцев и комсомолок.

Седьмое ноября. В этот день, по традиции, земля наша одевалась в кумач предпраздничных демонстраций. Будто вновь поздней осенью приходит весна и расцветают над страной алые цветы знамен и транспарантов.

Осенние алым цветом знамен, идут в колоннах демонстрантов тысячи юных людей. Тех, кто начинает свою жизнь. Тех, кто уже сумел подтвердить первыми победами право идти рядом со старшими. Тех, кто молод летам, но уважаем за высокие, добрые дела.

Преемственность—вот понятие, которым поверили свои дела в день 60-летия Октября многие и многие миллионы юношей и девушек.

Преклоняясь перед именем Владимира Ильича, поклоняясь подвигу героев революции, гражданской и Великой Отечественной войн, перед подвигами героев первых пятилеток, творчески воспринимая плодотворный опыт отцов, они стремятся во всем походить на старших, продолжая великие традиции, завоеванные предыдущими поколениями.

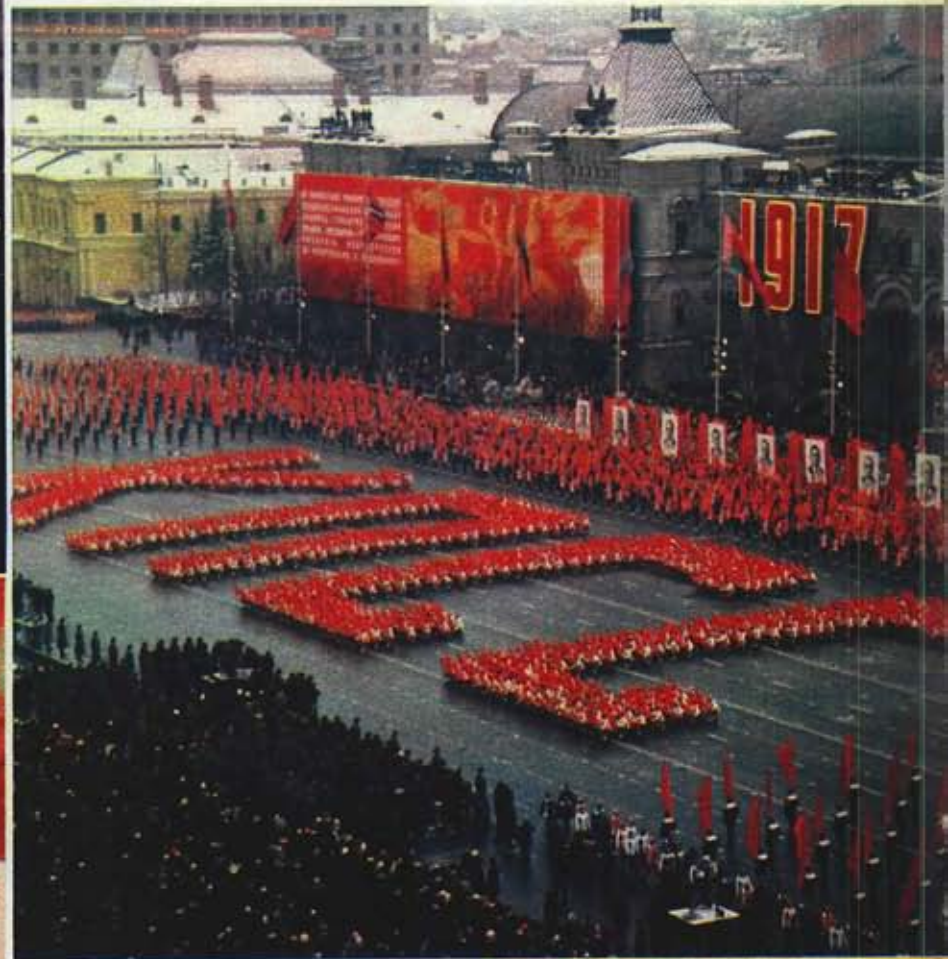
Вот почему обращение ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР «К советскому народу» комсомолия страны воспринимает как новое задание, как призыв партии к новым вершинам:

«В день славного юбилея мы обращаемся к рабочему классу, колхозному крестьянству, народной интеллигенции, к женщинам-труженицам, к доблестным воинам Советских Вооруженных Сил, к нашей молодежи с горячим призывом и впрямь достойно продолжать дело Октября, неустанно крепить могущество великой Родины, дружбу и братство народов Союза ССР!

Мы призываем еще выше поднять знамя всенародного социалистического соревнования за успешное вы-

7 НОЯБРЯ 1977 ГОДА.
ПО КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ ОКТЯБРЬ ЧЕКАНИТ ШАГ.

полнение планов десятой пятилетки, за повышение эффективности производства и качества работы!

Мы призываем всех трудящихся настойчиво добиваться неуклонного роста производительности труда, ускорения научно-технического прогресса, шире внедрять опыт передовиков производства, бороться за рациональное использование земли, сырья, топлива, электроэнергии, металла, оборудования, всех материалов, каждой минуты рабочего времени!

Мы призываем всех граждан крепить и развивать социалистический образ жизни, воспитывать у каждого советского человека высокую идею, коммунистическое отношение к труду, советский патриотизм и интернационализм. Неукоснительное соблюдение Конституции СССР, все более широкое участие трудящихся в делах своего общенародного государства, органическое сочетание прав и обязанностей, свободы и ответственности граждан перед обществом — залог наших новых побед.

Центральный Комитет КПСС, Верховный Совет СССР и Совет Министров СССР выражают твердую уверенность в том, что советские люди, тесно сплоченные вокруг ленинской Коммунистической партии, добьются новых успехов в коммунистическом строительстве!»

Осенние знамена Октября, согреты светом новой Конституции, юноши и девушки Страны Советов полны готовности выполнить наказ партии, достойно пронести по жизни эстафету народного подвига, жить и бороться по-октябрьски, по-ленински, по-коммунистически.

Доказательство тому — демонстрация преданности молодежи в дни 60-летия Октября.

Доказательство тому — дела Ленинского комсомола.

Фото Дмитрия БАЛЬТЕРМАНЦА, Алексея ГОСТЕВА,
Юрия УСТИНОВА, Владимира ЧЕИШВИЛИ и Льва ШЕРСТЕННИКОВА.

„К ПОТОМКАМ, К БУДУЩЕМУ, К ЗВЕЗДАМ...“

Сергей ОРЛОВ

Партии

На всех языках всех земных народов,
Бушующая, как всемирный океан,
Гремит неумолимой год от года
Твой лозунг «Пролетарии всех стран...».
Как ураган, дышащее миллионами —
Уже не страны, а материи
Твой лозунг «Вставай, проклятьем
заклейменный...»

Поют до заключительной строки.
Истории решающая сила,
Потемки лет бесстрашно осветив,
Ты миллионы душ в боях сплотила
И повела по верному пути.
Я знаю, как, юны и неречисты,
Где пули пели, а не соловьи,
«Прошу считать отныне коммунистом...» —
Лисали кровью сверстники мои.
Им так и не вручили партбилетов
Партийные собрания полков.
Но если б не они, то вся планета
Согнулась бы под тяжестью оков.
Уже стучит о ребра двух Америк
Марксизма побеждающая страсть,
Все больше мира старого потери,
Все меньше в мире капитала власть.
Ни тюрьмы не спасут ее, ни пули,
Солдатам Маркса в мире нет числа,
Какие б силы в битвах их ни гнули —
Бессмертны их идеи и дела.

У Спасских ворот

Над Москвой в колокольном небе
В красный праздник, в далекий год,
Кувыркаясь, белый, как лебедь,
Одиноким плыл самолет.
Молодой, но вполне бесстрашный
В небе петли крутил пилот
Так, что ахал, задрав фуражки,
Возле Спасских ворот народ.
И глядел в небосвод осенний
Не с трибуны, а с мостовой
На него из-под кепки Ленин
Вместе с праздничною Москвой.
А страна вокруг не богата,
Не велик, не громок парад,
Иностранные дипломаты
Признавать страну не спешат.
Но летит над землей осенней
Самолет, как державный флот.
Но глядит, улыбаясь, Ленин
В небеса у Спасских ворот.
И фотограф принес треножник,
Чтобы это запечатлеть.
И спокойно с тех пор не можем
Мы на этот снимок смотреть.
Потому, что в то утро Ленин
Видел в небе над головой
Не один самолет, как лебедь
Пролетающий над Москвой:
Крылья Родина поднимала,
И он слышал уже тогда,
Как звенит она от металла,
Устремляясь вперед в года.

Мы предлагаем вниманию читателей нашего журнала стихи выдающегося русского советского поэта, лауреата Государственной премии РСФСР имени М. Горького Сергея Сергеевича Орлова.

Он принадлежал к тому славному поколению советских поэтов, чья творческая биография началась в годы Великой Отечественной войны.

Танкист Орлов дважды горел в своем тяжелом «КВ». Солдат и поэт, верный долгу жизни, он создает замечательные строки, облетевшие всю нашу страну:

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,

Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.

Более тридцати книг, одухотворенных любовью к Родине, наполненных глубоким гражданским пафосом, созданы Сергеем Орловым. Они навсегда останутся в советской литературе, как памятник нашему великому времени.

В поэтической подборке Сергея Сергеевича Орлова вы познакомитесь со стихами разных лет: некоторые из них созданы в годы Великой Отечественной войны, другие — незадолго до смерти.

Эти стихи еще и еще раз доказывают, что путь поэта был прав, как правда.

Всю ночь обрушивались наземь
Разгневанные небеса.
Всю ночь ракетами за Назией
Враг освещал в упор леса.

Он разглядеть упрямо силится
Чего-то в темноте не зря.
Всю ночь тянули пушки «виллисы»,
Разбрызгивая лихо грязь.

Пехота шла в траншеи длинные,
Промытая дождем насквозь...
Накапливалась в первой линии
Траншей уверенная злость.

И день пришел полоской узкою
Рассвета, как приказ вперед,
Тогда обрушилась русская
Земля на немца в свой черед.

В шинелях серых с автоматами
Пошла в атаку напролом...
И впереди нее раскатывал
Из раскаленной стали гром...

Над моим родным краем,
Посреди недвижных вод,
В небе красным караваном
Солнце медленно встает.

И как будто бы с обрыва,
Чей — не вспомнить, как волна,
С лодки крик летит счастливым:
«Люди, кончилась война!»

Подчистую комиссован,
Не убитый, молодой,
Над сиреневой, лиловой,
Над рассветною водой.

Я от солнца глаз не прячу,
В гимнастерочке стою,
Я стою, смеюсь и плачу,
Белый свет не узнаю.

А у нас в зеркальной шире —
Белый, розовый рассвет.
Тишина. Начало мира.
И войны на свете нет.

Там, где из вороненой стали
Летит по берегу шоссе,
Там сосны бронзовые встали
У синя моря на косе.
У синя моря с кромкой белой,
С пустынной далью золотой,
Где чайка солнца круг задела
Серебряною запятой,
Три дерева, как три солдата,
Как три зеленые поста,
Там держат в сучьях узловатых
Просторы неба — и ветра.

Самое тихое время суток,
Кажется, в мире даже дорог нет.
Воздух, как спящий ребенок, чуток,
Ладонью ударь — и он сразу вздрогнет.

Дальнее эхо пойдет по плесу,
На лес, на дома, на холмы натываясь,
Вскрикнет спросонок в кустах и подбросит
Уши, как столбики света, заяц.

Где-то дергач приоткроет дверцу,
Петли немозганные тревожа
В тереме травяном,
И сердцу
Нет ничего, ничего на земле дороже.

Комсомольский билет

Наши комсомольские билеты
С датами годов сороковых
Сохраняют памятные меты,
Жаркий отсвет пламени на них.

Синие поблекшие чернила,
Подписи комсогов полковых
Воскрешают незабвенных милых,
Русых, синеглазых, молодых —

Тех дружков, с которыми делила
Молодость заправки и табак,
Тех дружков, с которыми ходила
Молодость на смерть в огне атак.

На снегу нетающем, приметом —
Русые, огнистые чубы,
Юные безмолвные солдаты.
Со звездой фанерные столбы.

А по горизонту свет холодный,
Свет ракет, текущих в вышине,
И вперед зовущий строй походный
Танков на дороге в стороне.

Наши комсомольские билеты...
Трость страницы, и года встают.
Все в сукно армейское одеты,
И опять товарищи поют —

Молодые верные ребята,
Так и не узнавшие дружки,
Как ромашкой, дождем и мятой
Веют руки миллой у щeki.

Наши комсомольские билеты...
В них не меркнут жаркие костры,
В них плывут и падают рассветы
У железной Пулковской горы.

В них гремит по европейским странам
На Берлин катящейся волной
Гром победы, радостный, желанный,
В сорок пятом — памятной весной.

В них цветы и слезы той минуты,
Что пришла, как свет, наверняка
И огнем московского салюта
Землю озарила на века.

Земля землей не мелковата.
Двадцатый век, двадцатый год.
Я, забыв, что был солдатом,
Хожу по ней не без забот.
За тридевять земель от дома
Февраль меня встречал жарой,
Банановым аэродромом
И пальмами в тиши ночной.
А по бокам летящей трассы,
Спросил я: что такое там?
И мне сказали: ананасы.
И я глазам не верил сам.
Ведь ананасы — как крапива
У нас в России вдоль дорог.
Крапива? Что это за диво?
А что я им ответить мог?..

Пал туман на море синее,
Горы скрыл и море скрыл,
Смысл сверкающие линии,
Растворил бесследно Крым.
И сижу и жду в тумане я,
Словно бог во мгле веков,
Что возникнут очертания
Гор, деревьев и цветов.
Я им дам сперва названия,
Перепробовав на звук
Мне известные заранее —
Кара-даг, Кая-сюрюк.
Отделю от моря сушу я,
На ладонь туман солью,
Разгляжу я и послушаю
Даг-кара, Сюрюк-каю.

Двадцатого столетия ямщики

Посвящая ленинградским таксистам

Двадцатого столетия ямщики
Как таковые в песнях

не воспеты.

Обвиты лентой в шашку облочки,
Кареты серебристы, как кометы.

Им безраздельно отданы

во власть

Нарядами таксомоторных парков—
Храпят полсотни лошадей, ярься,
Дыша бензином и простором
жарким.

И Охта любит быструю езду,
Она садится и на всю пятерку
Летит, как будто в космос,

на звезду,

Покачиваясь на рессорах гордо.

С супругой в гости к теще раз

в году—

И на вокзал в далекую дорогу.
Ей говорит ямщик: «Не подведу!»
И верно, гонит, гонит, слава богу.

Звонит и рвется воздух на куски,
Свистят по камню шины, как подковы.
Двадцатого столетия ямщики,
Общительные парни, острословы.

Вам скучно белой ночью в тишине
Одним в машинах с огоньком

зеленым—

Куда на Петроградской стороне
Спешить сейчас туристам
и влюбленным?

Закрываются рестораны и кино,
Окончены концерты и спектакли,
А белой ночи светлое вино
Звонит в крови, хмелит себе

по капле.

И, на баранки руки положив,
Без пассажиров по проспектам лета
Они неспешно едут под мотив
Заполненного музыкой рассвета.

Как древний Рим во время оно,
А может быть, поверх времен,
В бетонной чаше стадиона
Ревет и плачет стадион.

Молчит, грохочет, свирепея,
Свистки вонзает в небеса,
Сто тысяч легких не жалея,
Возносит к небу голоса.

Живучей, яростнее веча
Вздыхает он, смеется он.
Какие мысли там и речи?
Он только чувством наделен.

Утрами травы розовеют в росах,
Дымятся реки и шумят сады,
И на лесных заброшенных покосах
Отчетливы сохатого следы.

Он рвал осоку влажными губами,
Валялся в травах и ушел в леса,
Покачивая медными рогами,
Прислушиваясь к птичьим голосам.

Там в чаще дикой, в прошлогодней прели
Кровь костяники, черепа грибов,
И колокольни голубые елей
Гудят над ним и без колоколов.

Ведет тропа к заброшенным озерам,
Горит на поймах изумруд-трава,
Там скрыт от мира древний Китеж-город
На зыбких, будто морок, островах.

С утра в субботу электрички
Полным-полны, как поезд в ад.
В них анекдоты, шутки, стычки
И песни новые звучат.

А я, больной и бородатый,
В последний втиснутый вагон,
Качу, соседями зажатый,
— За оснеженный горизонт.

Там, словно в старых добрых сказках,
Творятся всюду чудеса,
Там мир на лыжах и салазках
Впал в детство и ушел в леса.

Восходит лось к широкому простору,
Глядит, не пьет, тревогой обуян.
Пред ним сосновый возникает город,
Окутанный в сиреневый туман.

Он окружен высоким частоколом,
Светлиц и звонниц острые верхи,
Но вот за сотню верст в далеких селах
Вдруг запевают третьи петухи.

И постепенно Китеж-город тает,
С востока ветер, зыблется дома,
И с ключьями тумана улетают
Неведомой постройки терема.

А с морды зверя тихо по шерстинкам
Стекают капли, и уходит он,
Меж сосен выступая по тропинкам,
Как будто между бронзовых колонн...

Мне кажется, что это было так,
Что шли к Земле тяжелые ракеты
Сто лет подряд в багровых вспышках света,
Не возвращаясь никогда назад,
Покинув навсегда свою планету.
Встречала их Земля гремучим адом,
Потоками, низвергнутыми с неба,
Гигантскими деревьями, жаром,
Слепящим светом, бронейбойным градом.
Над ней струился пар, клубились гады,
Железный воздух рвал грудные клеточки,
И тяжесть разрывала сухожилия,
И от избытка влаги жгло сердца.
Но как они при этом были рады
Земному урагану изобилья—
Здесь жизни может и не быть конца.
Переплывая огненные реки,
Сражаясь с мастодонтами в чащобах,
Перелетая с полюса на полюс,
Они решились жить на ней вовеки,
Они остались здесь, на доброй, злобной,
Скупой и щедрой девственной Земле.
И где-то посредине океана
Огромный остров отвоеван был,
Как центр цивилизации урана.
И город здесь впервые воспарил.
О, белое виденье Атлантиды
В бездонной глубине памяти людской,
Всякие сады Семирамиды,
Воображенья с неземной тоской.
Как трудно отвоевывалось счастье,
Не уступал и не сдавался воздух,
От необычного пришельца гасли,
Но не было уже пути назад.
И Землю в руки брал творец и мастер,
Уран был добыт, поднят город-сад.
Но в ночь одну погибла Атлантида.
Мне кажется, что это было так.

Публикация Виолетты ОРЛОВОЙ

Рисунки Валерия БОДРОВА

Люди веруют в поезда,
Люди веруют в города,
Люди веруют в реки серые,
В море синее и в суда.
Люди едут, летят, плывут,
Их все время дали зовут,
Люди счастья на свете ждут—
До ста лет на земле живут.
Поезда грохочут во мгле,
Города шумят на земле,
Горы синие, ветры сильные.
На кострищах угли в золе.
По морям плывут корабли,
Люди в воздухе— короли,
Не хватает людям Земли,
Люди в космос уже вошли.
А Земля, как бубен, кругла,
А моря, как небо, пусты,
И от города до села
Дальше, чем до ближней
звезды.

Бездна черная на пути,
Ни кола на ней, ни двора,
А они говорят, летим,
А они говорят, пора!
Люди думают: есть звезда.

Все будет, только нас не будет,
Не будет нас наверняка.
Пусть нас потомки не осудят,
Как мы не судим те века,
Что на земле без нас сменялись,
Творя историю земли.
Без сожаленья и печали
Себя они в себе сожгли.
Идет борьба со мглой света,
И, оставляя жар векам,
Жизнь, словно пламя над планетой,
Бушует по материкам.
Сменяются одежды, лица,
Державы, страсти, голоса.
И вновь куда-то мир стремится,
Захлебывая небеса.
И мы, как искры, в этом грозном
Ревущем пламени летим—
К потомкам, к будущему, к звездам.
И наш полет необратим.

Во мне по ночам просыпается страх,
Брюхатый, жилистый, черный, как деготь.
В сутане, сжигающий мир на кострах,
В погонах и в ките: Ты против бога?
И блещет в руке у него пистолет,
А может, мушкет, а быть может, секира.
Но я-то давно уже знаю, что нет,
Нет бога, хотя мне и днем не до жиру.
А быть бы, как сказано, живу и днем.
И страх— он понятен, и я не фанатик,
Так с богом ли, с чертом ли, днем ли с огнем,
Во имя спасения, может, поладим?
А может быть, сам он боится меня,
Что мы не поладим. И вот из пещеры,
Поднявшись на лапы, в сиянии дня
Идет он, глазищи уставив, как жерла.
Он чувствует, видно, что я человек,
А я по ночам еще все забываю,
Что мною был начат, как песня, мой век,
Когда я поднялся, людей созывая,
Таких же, как сам я, всех стран и всех рас,
Что солнце, схватив, я поднял на ладони.
И звезды на шлемах в сиянии глаз
Несли на полсвета в дыму мои кони.

Мне этот город с кирхами, с костелами
Собой ракетодром напоминал.
Он странные рассказывал истории
И смутные догадки подтверждал.
Как снег из неразгаданного прошлого
В неведомой для разума дали,
На Землю из иных миров заброшены,
Стояли храмы, словно корабли.
Сейчас они начнут, встречи первые
С землей человека на Земле.
Пути назад отрезаны, и верные
Товарищи молчат в звездной мгле.
Встают моря, ревушие, зеленые,
Планета холодна и горяча,
С секретками, с загадками, с законами,
Не разрубить которые сплеча.
Чтоб жить на ней, родиться надо заново
В крови и муках стигнь и вновь родись,
Все потеряй. Земля— планета странная,
Все отобрав, оставит только жизнь.
Она в дугу здесь гнула их. Заставила
Одеться в шкуры, и в какой-то час,
Когда решила вдруг, что переплывила,
Она сама с милостью им сдалась.
Все начали с азав владельцы разума,
Костер открыли, собрались в стада.
И все, что было им на ней отказано,
Бесстрашно возродили в час труда.

17 декабря Владимир Ильич отправляет записку А. В. Луначарскому, М. Н. Покровскому и Е. А. Литкенсу: «Прошу сообщить мне, для моего доклада на съезде Советов, краткие данные, кои могли бы охарактеризовать наглядно рост жажды знания, тяги к учению, прогресса в этом деле (2—3 цифры, не более, о числе студентов, числе библиотек и т. под., самое рельефное)».

Этот документ (автограф В. И. Ленина) послужил основой для следующего письма руководителям Наркомпроса: «Я прошу дать мне самые краткие от-

по телефону замечания по проекту резолюции XI конференции РКП(б) о чистке в партии. Говоря о приеме в партию красноармейцев, В. И. Ленин подчеркивает: «...это, во-первых, большей частью не рабочие, а крестьяне, а во-вторых, это люди слишком молодые, которых надо еще проверить на опыте». Что касается намеченного плана работы среди комсомольцев, он предлагает «установить более строгие условия и проверку того, что включаемые в партию члены комсомола, во-первых, действительно серьезно учились и кой-чему научились и, во-вторых, что они проделали длительный стаж серьезных практических работ (хозяйственных, культурных и т. п.)».

дня и т. п. Виновные понесли заслуженное наказание. И В. И. Ленин, сообщая об этом, добавляет: «...Мы число этих примеров умножим, строго карая попытки нарушения наших законов господами частными предпринимателями».

Во второй половине года Владимир Ильич советует при новом издании речи «Задачи союзов молодежи» напечатать фамилии комсомольцев, набравших и печатавших книгу. Это пожелание было выполнено. Так появилась брошюра, на последней странице которой можно прочитать: «Набрана и напечатана в порядке трудовых субботников членами ячейки РКСМ при 26-й типолитографии следующими т. т.: Мельниковым, Киселе-

интервентами и эсерами. В обосновании, которое приводится в записке, говорится о том, что занимаемая тов. Колесниковой комната «...очень мала и главное очень сыра...». А в скобках указан главный аргумент: «У Колесниковой двое детей, один хворает малярией». На документе сохранилась резолюция о выдаче Н. Н. Колесниковой ордера на комнату.

17 января Владимир Ильич обращается в Секретариат ЦК РКП(б) с просьбой принять участие в судьбе двух детей. В ленинской записке говорилось следующее:

«1) Дочь Маргариты Васильевны Фофановой, 15 лет, больна тяжелой формой костного туберкулеза. Прошу отправить ее (если окажется необходимым, с матерью) в Ригу, в наш санаторий. Средств, конечно, не имеют».

«2) ...Прошу устроить в показательную школу Наркомпроса Нину Котович-Саммер, 14 лет. Определить ее надо в 1-й класс 2-й ступени».

В. И. Ленин сообщает также, что он хорошо знал и знает родителей этих детей, как людей, преданных большевистскому делу, указывает их адреса.

Спустя несколько дней В. И. Ленин сообщили из бюро Секретариата ЦК РКП(б), что Н. Котович-Саммер устроена «живущей воспитанницей» в опытно-показательную школу Наркомпроса, а первого февраля было принято постановление Секретариата ЦК о направлении дочери М. В. Фофановой для лечения за границу, в случае необходимости с матерью.

«...Уже через много лет, в Ленинском сборнике, прочла я письмо Ленина, с которым он обратился в ЦК партии и о котором я тогда и не подозревала...—вспоминала впоследствии М. В. Фофанова.—Галя моя лечилась, вылечилась, у нее самой теперь трое детей, которые знают, что их мать спас Ленин...»

6 марта Владимир Ильич обращается со следующей запиской к секретарю ВЦИК А. С. Енукидзе: «Если можно, прошу Вас распорядиться насчет ускорения выдачи дров А. И. Елизаровой. С ней живет мой брат, у которого теперь приращение семейства, так что приходится позаботиться о большем тепле».

12 марта Владимир Ильич в статье «О значении воинствующего материализма» сообщает, что недавно молодым коммунистом ему был прислан первый номер за 1922 год журнала «Экономист», издававшегося промышленно-экономическим отделом Русского технического общества в Петрограде. Адресат отозвался чрезвычайно сочувственно об этом издании. В скобках В. И. Ленин замечает, что, вероятно, товарищ не имел времени ознакомиться с его содержанием. «На самом деле,— пишет Владимир Ильич,— журнал является, не знаю насколько сознательно, органом современных крепостников, прикравившихся, конечно, мантией научности, демократичности и т. п.». И доказывает это на примере помещенной там статьи П. Сорокина «Социологические исследования автора не только не отражают реальной картины предпринятых Советской властью мер в области семейных отношений, положения женщины и детей, но более того, можно предположить, что автор преднамеренно искажает правду в угоду реакции и буржуазии».

Подчеркивая необходимость вести войну против подобного рода идейных противников нового строя, Владимир Ильич задается вопросом: «Вероятно, немалая их часть получает у нас даже государственные деньги и состоит на государственной службе для просвещения юношества, хотя для этой цели они годятся не больше, чем заведомые растлители годились бы для роли надзирателей в учебных заведениях для младшего возраста». Статья заканчивается ленинским выражением уверенности в

Владимир
ДЕСЯТЕРИК

ЛЕНИН. ОКТАБЕРЬ. МОЛОДЕЖЬ.

ХРОНИКА.
Часть девятая.

веты, в одну или самое большее две страницы всего-навсего, на некоторые вопросы для того, чтобы я мог точнее изложить соответствующие части своего доклада на съезде Советов и вставить кое-какие наиболее показательные цифры».

Прошу сообщить мне, для моего доклада на съезде Советов, краткие данные, которые могли бы охарактеризовать наглядно рост тяги к просвещению и некоторые успехи в этой области за 1921 г. (например, число учащихся, число изб-читален, число библиотек, число студентов, число технических учебных заведений и т. п.)».

19 декабря Е. А. Литкенс посылает В. И. Ленину справку, в которой приводятся данные по просвещению на 1 апреля 1921 года сравнительно с 1 октября 1920 года.

22 декабря Владимир Ильич диктует

Окончание. Начало в №№ 1, 7, 8, 10, 12, 15, 17, 22.

Ранее 23 декабря Владимир Ильич набрасывает план доклада о внутренней и внешней политике на IX Всероссийском съезде Советов. Он отмечает, в частности:

«Жажда ученья и в школе и вне школы и ученье хозяйственному подъему».

И далее приводит конкретные цифры, отражающие огромное стремление молодежи республики к знаниям. По сравнению с предыдущим годом рост учащихся в профтехнических школах составил сто процентов (95 тысяч в 1921 году против 47 тысяч в 1920-м), а рабфаковцев— даже на 143 процента (41 тысяча против 17 тысяч в двадцатом году).

23 декабря Владимир Ильич в докладе на IX Всероссийском съезде Советов упоминает о суде, состоявшемся за несколько дней до этого в Москве над 35 частными предпринимателями, собственниками чайных-столовых, хлебопекарен, сапожных мастерских, которые обвинялись в нарушении Кодекса законов о труде, эксплуатации малолетних подростков, удлинении рабочего

вым, Беликовым, Митькиным, Пискуновым, Князевым и Удаловым в пользу голодающих детей Поволжья».

Комсомольцы давно уже добивались переиздания ленинской речи. Однако, пишет библиотекарь В. И. Ленина Ш. Н. Манучарьянц, «на все просьбы Владимир Ильич отвечал отказом, говоря, что он хочет расширить материал брошюры, чтобы она полнее отвечала на вопросы, волнующие молодежь». Занятость важнейшими государственными делами и болезнь не позволили ему осуществить свои планы. И он согласился на переиздание речи— в порядке трудовых субботников.

Год 1922-й

2 января Владимир Ильич обращается в управление Домами Советов с просьбой перевести в другую комнату ответственного работника Н. Н. Колесникову, жену одного из 26 бакинских комиссаров, расстрелянных английскими

**ЛЕНИН ПРОИЗНОСИТ РЕЧЬ НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ В ДЕНЬ ПРАЗДНОВАНИЯ
I ГОДОВЩИНЫ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.**

Фото Петра ОЦУПА.

том, что завоевавший власть рабочий класс России научится бороться с «подобными преподавателями и членами ученых обществ».

18 марта Владимир Ильич пишет предисловие к книге И. И. Степанова «Электрификация РСФСР в связи с переходной фазой мирового хозяйства». Рекомендую эту работу коммунистам, В. И. Ленин высказывает сожаление по поводу того, «...что почти пять лет спустя после завоевания политической власти пролетариатом в его, пролетариата, государственных школах и университетах учат (вернее, развращают) молодежь старые буржуазные ученые старому буржуазному хламу». Он выдвигает как социальный заказ требование — подготовить учебники «...по всем без изъятия общественным вопросам» и советует, чтобы книгу Степанова «...каждый народный учитель в каждой школе... не только прочел, понял и усвоил сам, но умел бы пересказывать это просто и понятно ученикам школы и крестьянской молодежи вообще».

На следующий день, 19 марта,

В. И. Ленин направляет автору свое предисловие и вновь очень тепло отзывается о книге: «...От этой книги я в восторге».

21 марта Владимиру Ильичу направляет письмо редактор литературно-художественного и научно-публицистического журнала «Красная Новь» А. К. Воронский. Он прилагает к письму второй номер журнала за 1922 год и дает объяснение по существу ленинских замечаний, которые, очевидно, были высказаны накануне. Позднее А. К. Воронский в своих воспоминаниях писал: «Не скрою, что у меня был случай, когда он пожурил меня за помещение воспоминаний о Февральской революции Суханова и за статью Базарова о Шпенглере»...

В начале письма редактор журнала сообщает В. И. Ленину, чем было вызвано помещение данных материалов, а дальше подробнее останавливается еще на одном вопросе, который, как видно, также был предметом его бесед с Владимиром Ильичем. «...Несколько слов о «литературщине», «перегружен-

ности беллетристикой» и пр.— пишет А. К. Воронский.— В противовес «старикам», почти сплошь белогвардейцам и нытикам, я задался целью дать и «вывести» в свет группу молодых беллетристов — наших или близких нам. Такая молодежь есть. Кое-каких результатов я уже добился. Дал Всеволода Иванова — это уже целое литературное событие, ибо он крупный талант и наш. Есть у меня С. А. Семенов, Зуев, Либединский, Н. Никитин, Федин и др. Все это молодежь — самый старый В. Иванов, 27 лет, все они из Красной Армии, из подлинных низов, с красноармейскими звездами. Твердо уверен, что через год-два эта зелень совсем окрепнет и займет места Чириковых и прочих господ, и займет с честью. Против «стариков» я организую молодежь. Это нужно; обстоятельства складываются так, что беллетристика в ближайшее время будет играть очень большую роль — такие времена. Таланты из низов прямо прут — им только надо дать ходу и организовать идейно. Вот почему я ушел теперь в «литературщину» и почему ей я так много уделяю места... Вот что мне хотелось сказать

Вам. Простите за длинное письмо, но я давно собирался о «литературщине» написать Вам».

28 марта Владимир Ильич в заключительном слове по политическому отчету ЦК РКП (б) на XI съезде партии, говоря о необходимости создать новые учебники по общественным дисциплинам, подчеркивал особую важность разрешения этой задачи, так как «основное дело сейчас — воспитание молодого поколения...». И добавлял: «...А его не на чем воспитывать. В самом деле — на чем оно учится общественным наукам? На старом буржуазном хламе. Это — позор! И это тогда, когда у нас сотни марксистских литераторов, которые могут дать учебники по всем общественным вопросам, но не дают потому, что не тем заняты, не туда устремляются».

В речи затрагивается также вопрос об ошибках, допускаемых рабфактовцами в отношении к профессорско-преподавательскому составу.

«Говорят, — подчеркивает В. И. Ленин, — правильная линия была рабфактов и комячек, а не тех, которые гово-

рили: «Поосторожнее, поумереннее будьте с этими спецами». Что комячейки есть прекрасные комячейки и рабфаки есть прекрасные рабфаки — это так, но они не застрахованы от ошибок, они не святые.

Да, комячейки есть представители нашей партии, а рабфаки есть представители нашего класса, но что они делают ошибки и мы должны их исправлять, это — азбучная истина. Как тут поправлять, я не знаю, потому что лично в собраниях ЦК, где обсуждался этот вопрос, не участвовал. Но я знаю, что пересол у нас имеется в смысле линии рабфаков и комячек против профессоров. Но когда ЦК, рассмотрев дело со всех сторон, увидел, что тут был пересол и что по отношению к этим профессорам, чужим, представителям не нашего класса, нужно взять линию поосторожней, тогда является Преображенский, вынимает программу и говорит: никаких политических уступок этому слою, иначе это — нарушение программы.

Если так начать управлять партией, то это приведет нас, наверное, к гибели».

Высказанные В. И. Лениным соображения были вызваны тем обстоятельством, что в связи с назначением 6 апреля 1921 года в Московском высшем техническом училище нового правления и сменой ректора там разразилась своего рода «профессорская забастовка». Положение усугублялось тем, что у комячейки и рабфака училища установились, как писал А. В. Луначарский, прямо-таки «ужасающие отношения с профессурой». ЦК РКП(б) вынужден был вмешаться в это дело. 14 апреля 1921 года этот вопрос обсуждался на Политбюро, а спустя пять дней в «Правде» было опубликовано сообщение, в котором преподавателям МВТУ, прекратившим занятия, был вынесен выговор, указывалось на недопустимость и беспартийность студенчества, которые бы способствовали налаживанию нормального учебного процесса в высшей школе.

19 мая Владимир Ильич в письме Ф. Э. Дзержинскому обращает внимание на журнал «Экономист», издаваемый в Петрограде враждебно настроенной к Советской власти буржуазной технической интеллигенцией. Он настаивает решительно пресечь их пагубное влияние на молодежь. «Это, по-моему, явный центр белогвардейцев», — пишет Владимир Ильич. — В № 3 (только третьем!!! это nota bene!) напечатан на обложке список сотрудников. Это, я думаю, почти все — законнейшие кандидаты на высылку за границу.

Все это явные контрреволюционеры, пособники Антанты, организация ее слуг и шпионов и растлителей учащейся молодежи. Надо поставить дело так, чтобы этих «военных шпионов» изловить и излавливать постоянно и систематически и высылать за границу». В июне 1922 года журнал «Экономист» был закрыт.

21 мая Владимир Ильич пишет записку наркому здравоохранения Н. А. Семашко: «Еще просьба. Я обещаю В. Н. Розанову помочь фельдшернице Грешновой, которая возилась со мной много дней после операции извлечения пули.

Розанов просит дать ей очередной отпуск нынче летом вместе с девочкой сироткой, которая у нее на руках.

Должно быть, это «вместе» составляет изъятие из правил, не разрешаемое без Вашего приказа?»

Будьте любезны, закажите Вашему секретарю справку об этом и черкните мне или поручите черкнуть несколько слов, можете распорядиться на этот счет или нет».

Уже 26 мая Н. А. Семашко сообщил В. И. Ленину о том, что фельдшерница К. М. Грешнова с девочкой в июле поедут отдыхать в Крым. А позднее, в статье «Незабываемый образ», он тепло рассказал подробнее об этом эпизоде: «...Владимир Ильич умел помогать трудящимся не только тогда, когда они просили о помощи, но и тогда, когда скрывали нужду. Он, например, выпытал у ухаживающей за ним фельдшерницы Грешновой, что у нее большое горе: у нее больна туберкулезом дочка, но она боялась отправить девочку на лечение одну, хотела бы поехать с ней. А по общим правилам пребывание родителей в детских санаториях не допускалось...»

В августе Владимир Ильич беседует со студентом Московского института инженеров путей сообщения С. Бузановым. «Владимир Ильич весьма обстоятельно интересовался учебной студентом, — вспоминал тот позднее содержание своего разговора с В. И. Лениным, — их бытом, спрашивал о деталях студенческой жизни, в чем студенты нуждаются, как можно им помочь, о чем спорят на собраниях (в группах, в кружках) и т. д. Может быть, частично в результате этого разговора вскоре студентам была увеличена стипендия за счет наркоматов, командировавших студентов на учебу (хозстипендия), налажено питание в столовых...» В. И. Ленин предложил своему молодому собеседнику тщательно изучить решения VI Всероссийского электротехнического съезда, план ГОЭЛРО, где говорилось также и об электрификации железных дорог. «В переходе на электрическую тягу Владимир Ильич видел будущее железнодорожного транспорта, вот почему он и мне посоветовал, как будущему инженеру-путейцу, заняться этим вопросом», — писал С. Бузанов.

Летом Владимир Ильич беседует в Горках с заведующей отделом охраны материнства и младенчества в голодающей Поволжье Т. Вишневской. Речь шла об организации яслей. В. И. Ленин спросил свою собеседницу:

— Как помогали детям во время голода? Много ли открыли детских домов для сирот?..

Во время этой беседы Владимир Ильич заметил:

— Детей надо беречь как зеницу ока. Они наше будущее, наше богатство... Самое ценное богатство!

5 сентября Владимир Ильич в письме И. В. Сталину вновь настоятельно рекомендует шире привлекать молодых работников во все комиссариаты. «...Секретариату надо подбирать людей», — пишет он. — По десятку молодежи на каждый комиссариат; для обучения и для выбора «сановников». Систематично и обязательно».

Позднее 10 сентября Владимир Ильич пишет рецензию «Ложка дегтя в бочке меда» на книгу О. А. Ерманского «Научная организация труда и производства и система Тейлора». К достоинствам этой работы Владимир Ильич относит прежде всего то, что автор подробно изложил сущность системы Тейлора, осветив и ее положительную и ее отрицательную стороны. По мнению В. И. Ленина, на первых порах книга эта вполне годится для того, чтобы быть учебником для профшкол и для всех школ 2-й ступени вообще.

6 октября Владимир Ильич направляет приветствие редакции газеты «Путь молодежи» — органу Бауманского района РКМС столицы. За три дня до этого комсомольцы обратились к Владимиру Ильичу с посланием, в котором говорилось: «Дорогой учитель, во время твоего отдыха, каждый день, приносивший восточку о твоём здоровье, вносил радость и энергию в наши юные сердца. Твое возвращение мы встречаем с радостью, как и вся Рабочая Россия, как

весь мировой пролетариат. Ты отдохнул, и снова сильный, бодрый вернулся к рулевому колесу и взял в твердые руки управление величайшим кораблем — коммуной. Мы от лица рабочей молодежи даем тебе наказ: беречь себя во имя счастья рабочих всего мира». Свое письмо Владимиру Ильичу комсомольцы опубликовали в газете «Путь молодежи» 3 октября. Этот номер был передан вождем. Владимир Ильич ответил: «Дорогие друзья! Горячо благодарю вас за привет. Шлю вам, с своей стороны, лучшие приветия и пожелания. Ваш В. Ульянов (Ленин)». Его ответ был опубликован в газете «Путь молодежи» 30 октября 1922 года под заглавием «Владимир Ильич нашей газете».

11 октября Владимир Ильич пишет приветственное письмо пятому Всероссийскому съезду РКМС. «Дорогие друзья, — обращается он к комсомольцам. — Очень жалею, что не могу лично приветствовать вас. Желая работам вашего V съезда всякого успеха. Уверен, что молодежь сумеет развиваться так успешно, чтобы ко времени назревания следующего момента мировой революции оказаться вполне на высоте задачи».

На первом заседании съезда ленинское приветствие было оглашено делегатам. Обращаясь к Владимиру Ильичу, они писали, в свою очередь: «Съезд просит Вас, Владимир Ильич, и твердо надеется на то, что Вы эту просьбу выполните: следить за работой нашего отряда коммунистической армии и помогать ему советами в его трудном деле — коммунистическом воспитании широчайших масс молодежи. Привет славному вождю международного пролетариата. Комсомольская Россия будет всегда готова по Вашему призыву «штурмовать небо»!»

13 октября Владимир Ильич принимает американского художника Оскара Чезаре, который рисует с натуры его портрет. На этом рисунке В. И. Ленин ставит свой автограф на английском языке. Когда Чезаре обращался с просьбой о разрешении ему писать ленинский портрет, он указывал, что «выручка от продажи специального издания литографического оттиска с портрета товарища Ленина, нарисованного мною, пойдет исключительно в фонд помощи голодающим детям в России».

27 октября Владимир Ильич пишет записку заместителю наркома просвещения В. Н. Максимовскому, в которой, ссылаясь на постановление Политбюро ЦК РКП(б) от 26 октября 1922 года о сокращении государственных субсидий Пролеткульту и академическим театрам, рекомендует пересмотреть сметы Наркомпроса, «сократить ненужное» «...для увеличения ассигнований на школы и на ликвидацию безграмотности». «...Знал он и то, что искусство нам нужно и как пропаганда образами, и как отдохновение...» — писал позднее А. В. Луначарский. — Знал он, что искусство дает глубокое и высокое наслаждение, глубокий и хороший отдых. Но он знал, что сейчас это менее своевременно и насущно, чем учебник, чем карта, менее важно, чем букварь».

В октябре — ноябре на последних заседаниях Совнаркома и Совета Труда и Оборон, прошедших под председательством Владимира Ильича, неоднократно обсуждались меры, способствующие более быстрому проведению мелоративных работ в Муганской степи, необходимых для развития хлопководства в Азербайджане и Армении. Наряду с ассигнованием дополнительных средств, закупкой тракторов, решением многих других практических вопросов В. И. Ленин ставил задачу широкого привлечения к этой работе комсомольцев и молодежи. Зимой 1922/23 года, рассказывая в своих воспоминаниях работник Наркомзема тех лет В. З. Есин,

«набрали 250—270 добровольцев, в основном молодежи, и направили их на Мугань поднимать целину. Весной 1923 г. было уже подято 5000 гектаров целины. Так по заданию В. И. Ленина молодежь Москвы, Ростова-на-Дону и других городов положила начало освоению целинных земель и организации интенсивного сельскохозяйственного производства».

13 ноября Владимир Ильич в докладе на IV конгрессе Коминтерна «Пять лет российской революции и перспективы мировой революции» говорил: «...Мы должны работать в течение многих лет, чтобы усовершенствовать аппарат, изменить его и привлечь новые силы. Мы это делаем довольно быстрым, может быть слишком быстрым, темпом. Основаны советские школы, рабочие факультеты, несколько сотен тысяч молодых людей учатся, учатся, может быть, слишком быстро, но, во всяком случае, работа началась, и я думаю, что эта работа принесет свои плоды. Если мы будем работать не слишком торопливо, то через несколько лет у нас будет масса молодых людей, способных в корне изменить наш аппарат».

25 ноября Владимир Ильич в письме И. В. Сталину предлагает сократить программу ремонта и строительства военно-морских судов и провести за этот счет дополнительные ассигнования на нужды школы. Политбюро ЦК РКП(б) обсуждало 30 ноября этот вопрос и постановило сократить общую сумму расходов на ремонт судов до восьми миллионов рублей, а сэкономленные средства, согласно предложению В. И. Ленина, ассигновать Наркомпросу.

26 ноября Владимир Ильич в письме делегатам IV Всероссийского съезда союза работников просвещения высказывает пожелание: «...справиться с большой и ответственной задачей, лежащей на вас, — подготовить молодое поколение к строительству новой жизни».

4 декабря Владимир Ильич направляет послание делегатам III конгресса Коммунистического Интернационала молодежи.

В Большом театре 121 делегат конгресса и более чем две тысячи юношей и девушек Москвы бурной овацией встретили слова своего вождя: «Дорогие товарищи! Сожалею, что не могу приветствовать вас лично. Шлю вам самые лучшие пожелания успеха в вашей работе. Надеюсь, что, несмотря на высокое звание, вы не забудете самого главного — необходимости деловым образом двинуть вперед подготовку молодежи и ученье».

6 декабря Владимир Ильич поручает Л. А. Фотиеву запросить для него сведения о количестве хлеба, необходимого для обеспечения учащихся и учителей всех школ.

6 или 7 декабря Владимир Ильич пишет дополнения «К проекту постановления Политбюро ЦК РКП(б) об докладе комиссии Госнабжения». «Обеспечить сверх приведенного расчета полностью потребность в хлебе всех школ, как учащихся, так и учащихся...» — подчеркивает он, — рассчитать, какая именно сумма хлеба для этого должна быть отложена...»

Добавить еще на расходы на школы 1 миллион рублей золотом».

Ленинское предложение вошло в постановление Политбюро ЦК РКП(б) от 7 декабря 1922 года, которым Совнаркому предлагалось ассигновать Наркомпросу два миллиона рублей золотом из средств, сэкономленных по судоремонтной программе.

7 декабря Владимир Ильич поручает Л. А. Фотиеву запросить у сотрудницы Наркомпроса В. Н. Яковлевой о работе комиссии, назначенной Политбюро

для подготовки данных об обеспечении хлебом учащихся и учителей школ.

В конце года Владимир Ильич в записке к А. И. Ульяновой-Елизаровой просит проследить, чтобы ее приемный сын, шестнадцатилетний Г. Лозгачев, быстро прочитал книгу, которую необходимо вернуть тотчас же в библиотеку Социалистической Академии. В тоне ленинской записки звучит искренняя обеспокоенность, вызванная тем, что нарушается установленный порядок пользования библиотечной книгой.

Он пишет: «Дорогая Аня! Вышло вот что:

Оказалось, что книга эта из «Соц. Академии», откуда книги запрещено давать на дом.

Для меня сделали исключение! Вышло неловко,—по вине моей, конечно. Надо теперь особенно строго присмотреть за тем, чтобы Гора быстро и дома книгу прочел и вернул.

Если надо, я могу поручить поискать в другом месте,—чтобы книгу эту мне достали в собственность».

Год 1923-й

2 января Владимир Ильич пишет статью «Странички из дневника», которая спустя два дня была опубликована «Правдой». Каждую строку статьи пронизывает ленинская обеспокоенность тем, что работа в области народного образования ведется в республике пока недостаточно эффективно. Важно поднять на должную высоту авторитет народного учителя, надо вводить повсюду более жесткую экономию средств, чтобы «передвинуть весь наш государственный бюджет в сторону удовлетворения в первую голову потребностей первоначального народного образования». Коснувшись положения дел в Наркомпросе и Главпрофобре, Владимир Ильич резко критикует ведомственное тяготение к излишнему раздуванию штатов. Так, он пишет: «Далеко не все в Главпрофобре оправдывается законным желанием поднять сначала и придать практическое направление образованию нашей фабрично-заводской молодежи. Если просмотреть внимательно штаты Главпрофобра, в них многое и многое окажется вздутым и фиктивным с этой точки зрения, подлежащим закрытию».

2 марта в статье «Лучше меньше, да лучше» Владимир Ильич адресует молодым людям еще один важный совет. Говоря о развитии культурного строительства в стране, он особо подчеркивает: «В вопросах культуры торопливость и размахистость вреднее всего. Это многим из наших юных литераторов и коммунистов следовало бы наматывать себе хорошенечко на ус».

5 апреля делегаты VII съезда Коммунистического союза молодежи Германии, состоявшегося в Хемнице, обращались к Владимиру Ильичу со следующим посланием:

«Дорогой товарищ Ленин! С глубоким беспокойством мы следим за ходом твоей болезни. Теперь мы работаем и боремся в надежде увидеть тебя скоро здоровым и бодрым во главе борющегося рабочего класса всего мира.

Нам, рабочей молодежи Германии, предстоят тяжелые испытания. Борьба против нагло поднимающегося всюду свою голову фашизма и мобилизация пролетарской молодежи против своего порабощения требуют всех наших юных боевых сил. Но в нашей борьбе мы учимся отвечать ударами на удары врага. Наш дух поддерживается следующей мыслью:

«Привлечь рабочую молодежь на свою сторону, под наши знамена, под знамена мировой революции, передового боевого авангарда рабочего класса

Германии и воспитать ее для грядущей последней битвы с капитализмом».

В твердом убеждении, что наши успехи послужат великой цели, которой ты нас научил, мы обещаем удешевить нашу энергию и нашу волю на пути через борьбу к победе».

В мае Владимир Ильич получает подарки, сделанные руками пионеров Вятки. Выступая на II Всероссийском съезде по ликвидации безграмотности, делегат от Вятской губернской дружины юных пионеров рассказывал об этих подарках: «Вот эта работа тоже сделана детьми детского дома имени дорогого нам Ленина—сандалии, сапожки и туфельки. Вот эта картина сделана нашей седьмой группой пионеров детского дома имени Крупской... Вот эта стенная газета детского дома при школьном городке издана самими детьми, они просят, чтобы эта газета висела в кабинете Ленина и всегда напоминала ему, как хорошо живут пролетарские дети. Мы очень просим президиум съезда передать все эти вещи». Вскоре Надежда Константиновна Крупская ответила ребятам: «Большое спасибо за привет. Картины повешу у себя в комнате, а газету—у Владимира Ильича».

Из воспоминаний Н. К. Крупской известны и другие подробности: «...Пионер Вятки, родины Сергея Мироновича Кирова, прислала в Горки Владимиру Ильичу, тогда уже тяжело больному, свои первые пионерские подарки—рисунки, цветы, разные поделки.

Я поставила их в большой комнате верхнего этажа рядом с комнатой Ильича, и Ильич, когда проходил мимо, взглянет, бывало, на них и улыбнется. Очень хотелось ему, чтобы наши советские ребята выросли в сознательных коммунистов, в умелых, убежденных строителей социализма».

В декабре 1923 года—первой половине января 1924 года, находясь в Горках, тяжело больной Владимир Ильич с большим интересом смотрит через проекционный киноаппарат специальный хроникальный выпуск «Международный день молодежи».

Год 1924-й

7 января, несмотря на тяжелый недуг, Владимир Ильич присутствует на новогоднем ребячьем празднике в Горках. «По его желанию была устроена большая нарядная елка для крестьянских детей окрестных деревень,—вспоминала Л. А. Фотиева.—Владимир Ильич ласково улыбался, сидя в кресле и любуясь радостью ребят».

Их собралось человек десять—двенадцать. Они водили хоровод, пели не только детские, но и революционные песни—«Варшавянку», «Мы кузнецы». В конце праздника вместе с Владимиром Ильичем смотрели веселый фильм.

Перечитываешь документ за документом и воочию убеждаешься в том, насколько близко к сердцу принимал вождь революции все, что касалось жизни, борьбы, учебы молодого поколения, как глубоко верил он в творческие силы «кипящей, бурлящей, ищущей молодежи». Каждый раз ловишь себя на мысли, что ленинские слова обращены и к тебе, ко всем твоим ровесникам, перед кем партия открывает новые горизонты созидания, революционного преобразования в технике, науке, экономике, на стройках пятилетки.

День ото дня растут масштабы дел, планов советских людей, своим самоотверженным трудом строящих коммунистическое общество. И чтобы быть на уровне этих исторических задач, молодым современникам важно помнить всегда ленинское предупреждение—не забывать главного: двигать вперед подготовку молодежи и учебу.

НАСЛЕДИЕМ РЕВОЛЮЦИИ

Сергей МИХАЛКОВ,
Герой Социалистического Труда,
лауреат Ленинской премии,
председатель Правления
Союза писателей РСФСР.

Хроника «Ленин. Октябрь. Молодежь», которую «Смена» печатала на протяжении всего 1977 года, читается не просто с интересом—она захватывает. Да иначе и быть не может: ведь автор Владимир Десятерик по крупицам собрал и представил нам систематизированно, последовательно все известное о деяниях и мыслях Ильича по поводу детей и молодежи.

Все мы, советские люди, с детских лет знаем, что Владимир Ильич Ленин был величайшим гуманистом, что он горячо и требовательно любил молодежь, видел в ней строителя коммунистического будущего, неустанно заботился о детях страны, помогал и оберегал их, как мог, в трудные годы войны и разрухи.

Да, все это мы знаем с детства—с октябрятских звездочек и пионерских отрядов, знаем из учебников истории и из множества прекрасных книг.

Но когда благодаря хронике вот так—месяц за месяцем и даже день за днем—прослеживаешь факты (только факты!), связанные с ленинской заботой о молодежи и детях, нельзя не поразиться еще раз огромности личности Ильича, колоссальной глубине его мысли, неиссякаемости его организаторской энергии, действенности, и бы сказал, деловитой конкретности его гуманизма, нельзя не преклониться перед величием подвига его жизни, без остатка отданной во имя счастья грядущих поколений.

А ведь в хронике показана лишь малая часть повседневной работы Владимира Ильича как руководителя Коммунистической партии и Советского правительства, лишь та ее часть, которая непосредственно связана с проблемами детей и молодежи. Но как гигантски широк диапазон этой деятельности—от организации бесплатного питания детей во Всероссийском масштабе до специальной материальной поддержки молодых дарований и от разработки программ преподавания общественных дисциплин в вузах до устройства в школы, больницы, санатории детей товарищей по партии.

Как определить жанр этой публикации? Честно говоря, не знаю. Может быть, ее следует назвать документальным повествованием, а может быть, хроникой из жизни В. И. Ленина... Да и не в жанровой принадлежности секрет необычайно сильного воздействия этой публикации на читателя.

Многолетняя кропотливая собирательская и исследовательская работа автора поможет юным читателям еще яснее представить себе Ильича, который, как сказал Владимир Маяковский, «...к товарищам милел людскою лаской», а «к врагам вставал железа тверже».

СССР КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ МИРОВОЙ СИСТЕМЫ СОЦИАЛИЗМА, СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОДРУЖЕСТВА РАЗВИВАЕТ И УКРЕПЛЯЕТ ДРУЖБУ И СОТРУДНИЧЕСТВО, ТОВАРИЩЕСКУЮ ВЗАИМОПОМОЩЬ СО СТРАНАМИ СОЦИАЛИЗМА НА ОСНОВЕ ПРИНЦИПА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМА, АКТИВНО УЧАСТВУЕТ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ И В МЕЖДУНАРОДНОМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ РАЗДЕЛЕНИИ ТРУДА.

ИЗ КОНСТИТУЦИИ СССР.

...ПРОЙДУТ ГОДЫ, НО РАЗВЕ ЗАБУДЕШЬ ЭТУ СТРОЙКУ?

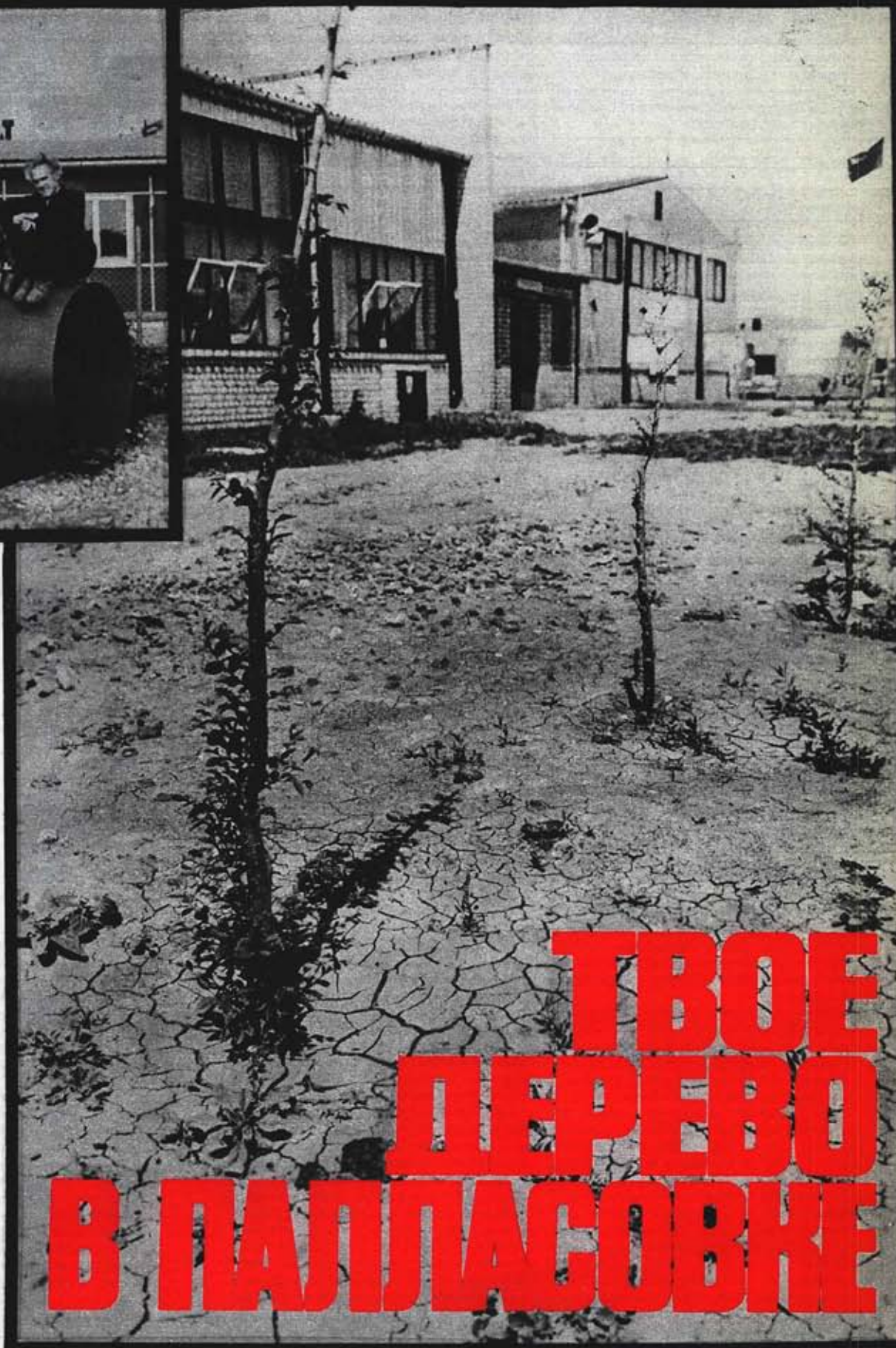

Генрих ГУРКОВ.
Фото Юрия УСТИНОВА.
Специальные корреспонденты
«Смены».

Солнце, песок, ветер. И всего этого несколько больше, чем требуется человеку. Земля потрескавшаяся, морщинистая. Вцепится в нее молодое деревце — и пока набирает силу, становится сердитым, колючим. Вода соленая, как в море. Еще солонее. И заспанный верблюд лениво шамкает старческими губами, напоминая всей своей высокомерной отрешенностью, что столетия выбирали для житейских бурь и радостей другие географические адреса, подальше отсюда, от этой растворившейся в зное однообразной и тяжелой блекло-рыжей бесконечности.

Или другое. Ночь, пронзительно-нежная, наполненная звездами и тишиной. Ветер вкрадчиво просит прощения за дневное злое безрассудство. И уже совсем иной, философски-мудрой и вселенски щедрой представляется бесконечность степи.

Такая она, Палласовка. На большинстве карт первые буквы этого названия укладываются в границы Волгоградской области, а последние, проявляя полное пренебрежение к административно-территориальному делению, разместились уже в Казахстане. Ученый муж Петер Симон Паллас, берлинец на русской службе, изучавший в конце XVIII века по поручению Петербургской Академии наук здешние места, оставил им собственное имя и безжалостный приговор: жить здесь невозможно. Впрочем, разве мало на карте территорий, которым в прошлые времена авто-

**ТВОЕ
ДЕРЕВО
В ПАЛЛАСОВКЕ**

ритетно и доказательно выносился такой приговор? А потом приходили туда люди. И не спорили — не до этого. Жили. Работали. Пустыня превращалась в цветущий сад... Журналистика относит такие дела в разряд банальностей. История относит такие дела в разряд подвигов.

Осталась в блокаде и на фотопленке память о нескольких деревцах, которые появились в Палласовке в дни, что я там провел. Буду откровенен: перспектива превращения этого края в цветущий сад — вопрос не одного года. Но эта перспектива неизбежна. И вот в чем тут дело...

Одно из деревьев посадил Сережа Максимов, комсорг бригады, возглавляемой знатным строителем Иваном Шамбером. Деревце возле бытовки, бытовка возле больницы, которую строит бригада. В служебные обязанности Сергея озеленение не входит, в человеческие, считает он, да. Сверкнув улыбкой, сообщил:

— Я воткнул эту веточку в землю — смотрю, она корни пустила. Обложил вокруг шифером, чтобы меньше соли попадало.

Вода здесь жесткая, агрессивная. Даже арматуру бетонных фундаментов съедает, приходится усиленную изоляцию применять.

Именно этим — битумной гидроизоляцией — и занимался весь рабочий день бригадир Павел Стеглик. А потом, когда пришел с работы, тоже деревце посадил. Они с Сергеем не договаривались — просто есть у них что-то общее. В биографии? Сергей — детдомовец. Павел из благополучной семьи. Во внешности? Нет, пожалуй. Только разве то, что оба стройны, сухощавы. В манерах? Один мягкий, сдержанный, даже стеснительный вроде бы. Это Павел. Ну, а Сергей азартный, стремительный, решительный. И все-таки что-то удивительно похожее в обоих. Деликатная внимательность? Искорка доброты в глазах? Наверное.

Друг друга они хорошо знают, встречаются чаще по работе, реже по рыбалке. Павел и товарищи из его бригады вместе со всеми шамберовскими ребятами праздновали свадьбу Сергея. Принесли огромный торт — «тризатный», как сказал Павел. По-русски он говорит с легким певучим акцентом. Родился далеко от Палласовки, в городе, который называется Ухерске градиште — это на Мораве. Сюда привела стройка — одиннадцатая на его личном счету (в двадцать четыре года!), первая по размаху и важности.

Бригадир молодежного коллектива Павел Стеглик — среди тех чехословацких рабочих, техников, инженеров, которые участвуют в одной из великих строек XX века — сооружении грандиозного газопровода Оренбург — Западная граница СССР. Стройка интернациональная, решение о ней принято на высшем уровне в Совете Экономической Взаимопомощи. Социалистическая интеграция в действии — часто говорят об этой стройке. Как это выглядит на практике в заволжских степях?

Ну, во-первых, о фронте работ. Чехословацкой «сборной», приняв эстафету от болгарских строителей, работающих на старте газопровода, предстоит пронести ее по территории Волгоградской и Ростовской областей, соорудив пять мощных компрессорных станций. Одна из них (та, которая в Палласовке) поручена

заботам Павла Стеглика и еще двухсот человек. Приехали они в голую степь. И все нулевые циклы начинали в самом прямом смысле с нуля.

Сама по себе строительная площадка будущей компрессорной станции особо импозантного впечатления пока еще не производит. Бетонные монолиты фундамента — вот и все. Требуется некоторое воображение, чтобы представить себе, как все здесь будет выглядеть. Для этого несколько слов о трубе. Ее диаметр — 1420 миллиметров. Протяженность — 2750 километров. Чтобы в год «прогнать» по этому стальному туннелю 28 миллиардов кубометров газа, необходимы 22 компрессорные станции. В сущности, это гигантские цеха, где предстоит занять место великанам-компрессорам с богатырскими «легкими», работающими день и ночь. Оборудование сложнее, в высшей степени трудное для транспортировки и установки, требующее при многометровых габаритах и многотонном весе микронной филигранности монтажа. Все это еще предстоит.

Сегодня поблескивают на солнце металлические плоскости уютных домиков стройгородка, сооружены склады, сделан отвод железной дороги с разгрузочной площадкой, поставлены опреснительные установки, котельные и прочее и прочее, чего требует крупная стройка.

Иван Шамбер и Сергей Максимов со своей бригадой к трубе прямого отношения не имеют. Их привела сюда другая Всесоюзная ударная комсомольская стройка — мелиорация степей Заволжья. Объекты бригады — жилье, соцкультбыт. Короче говоря, завтрашняя Палласовка.

Вот тут-то и начинаются вопросы: кто к чему имеет какое отношение — прямое ли, косвенное ли... Скажем, договор о социалистическом соревновании двух молодежных коллективов — Стеглика и Шамбера — был подписан в Доме культуры, который возводили шамберовцы и на строительстве которого безвозмездно работали ребята Павла Стеглика. Чехословацкие строители готовили площадку для компрессорной, а субботники на этой площадке проводили комсомольцы Палласовки. Как крепости, высятся на фоне плоского степного горизонта величественные машины двух палласовских элеваторов. В трудную пору урожая, когда так хотелось, чтобы в сутках было не двадцать четыре часа, а по крайней мере вдвое больше, ночью после всех обычных смен на «собственной» стройке из чехословацкого городка выходили во внеочередные рейсы мощные «татры». Тысячи и тысячи тонн отборной пшеницы, выращенной в совхозе имени Чапаева, доставили эти «татры» к элеваторам, туда, где в тревожном свете прожекторов гремели заключительные аккорды битвы за хлеб. А кто из шамберовских ребят спал в эти ночи? Потом, когда все было уже позади, вместе с наслаждением тянули ледяное пиво «Радегаст» в столовой чехословацкого стройгородка. Называется столовая «Космос», и если кто-то захочет увидеть портреты всех советских космонавтов, тот может их там увидеть. Сразу всех. Разве плохо придумано?

Побратались бригады. Побратались, можно сказать, две ударные комсомольские стройки. И польза от этого немалая для всех. Возьмем, к примеру, со-

вместный конкурс профессионального мастера — провели его на строительстве подсобных объектов чехословацкого городка.

— Мы делали быстрее, они — чище, качественнее, — откровенно подвел итог Иван Шамбер, бывший военный строитель, человек по-армейски немногословный и прямой.

Признали победителями ребят из бригады Стеглика. Через некоторое время прозвучало «эхо» того конкурса. И вот уже стегликовские парни стали частенько наведываться на стройплощадку, где работает бригада Шамбера: хотят перенять метод «липецкой кладки»... Это самое «мы — вам, вы — нам» действует в палласовском прочтении не по формуле примитивной арифметики, а по законам высшей математики. И подведение итогов соревнования отнюдь не становится торжественным актом как таковым, скорее это приглашение к общему разговору: что еще интересно можно придумать и сделать?

Земля волгоградская... Побывали в городе-герое на Волге члены бригады Стеглика, постояли перед Вечным огнем, перед памятником погибшим комсомольцам, прошли по ступеням мемориала к монументу Матери-Родины. И уж не знаю, как, не говорил с ними об этом, но думали, должно быть, ребята о великой диалектической связи тех будничных квадратных метров, которые строят в степи под Палласовкой, со святыми квадратными метрами Мамаева кургана, залитыми металлом, метрами, на которых жизнь и цивилизацию, право строить и любить, право дышать и быть счастливым защитили советские парни, многим из которых в сорок втором было что-то около двадцати лет... Когда вернулись, то и дело вспоминали о той поездке. Две записи из бригадного дневника... «Сдали кровь в Палласовской больнице»... «Попросили присвоить бригаде имя солдата Великой Отечественной». Так они стали бригадой имени В. А. Серогодского, летчика, Героя Советского Союза, уроженца Палласовки...

Каждому ясно: основная ячейка интеграции — ячейка производственная. Идут поиски вариантов: как, сплосовав опыт, знания, возможности одних братских стран с опытом, знаниями, возможностями других, не просто получить эффект сложения, а умножить что-то на что-то... Производительность труда — и это тоже не нужно никому растолковывать — во все времена играла ключевую роль в общественном прогрессе, особенно в эпоху НТР. И вот о чем думалось в Палласовке: лучшие чехословацкие предприятия, готовившие «десант» на трубу, отправили в Советский Союз самых талантливых и инициативных работников. У них есть чему поучиться. И технологическим «изюминкам», и профессиональной виртуозности, и отточенной организации труда и отдыха.

Один пример. К самым заметным фигурам в чехословацком городке относится Антонин Грабанек. Шумный, подвижный, вечно что-то изобретающий. Его молодежный коллектив занят тем, что кормит и поит строителей. В столовой агитируют не плакатами, призывающими к повышению качества, агитируют самим качеством, а ведь люди-то живут в степи и очень далеко от дома...

— Моя проблема, — считает Грабанек, — среди самых важных. Мы должны создать ребятам хорошее настроение. Работа трудная — и она тогда будет ладиться, когда каждая мелочь напоминает человеку, что о нем думают, о нем заботятся.

Колдуют над меню помощники Грабанека. В субботний и воскресный вечера шеф, выходя в зал, надевает смокинг. В рабочей столовой, да. Не обязательно? Возможно. Но, поверьте, на людей, вернувшихся со смены — а она бывает адски тяжелой, — это отнюдь не действует отрицательно...

...История заводов может насчитывать многие десятилетия. История современных строек редко перешагивает срок в несколько лет: время торопливо. «Финишная прямая» в Палласовке уже обозначилась. Октябрьский ударный график спрессовал сроки. «60 сверхплановых часов 60-летию Великого Октября» — предложил комитет Чехословацкого социалистического союза молодежи. Строители одобрили предложение — и сделали значительно больше.

Кто-то из ребят возвращается на родину. Павел Стеглик мечтает о стройках Сибири. Есть конкретные соображения... У Ивана Шамбера и Сергея Максимова еще хватит дел здесь — город будет застраиваться современными зданиями. Вдоль Островской улицы — а такая теперь есть в Палласовке — появятся дома, спроектированные в Острове. Ну, а когда придет вода... Будущее Палласовки сомнений не вызывает. К нему уже приложены крепкие, надежные руки.

Останется то, что построено. И останется то, что посажено.

Твое дерево тоже, Павел...

бывают дни ранней осенью—совсем тихие, прозрачные дни. И солнца много еще, но оно уже спокойное, ровное, без жарких лучей. А если набегит дождь, дотронется до земли, то земля вздохнет опять благодарно, и все живое тоже задышит по-летнему: и цветы, и деревья, и трава. И задышит, распустится самой последней невиданной красотой. А если дождь этот в городе, то совсем картина веселая: вначале дождь стоит над асфальтом, качается, потом тучи уходят, и вот уж струится улица, как речная излучина, и такой же пар над ней, те же тени—движение луча. А деревья! Они прямо вздрагивают на глазах, распрямляются, и сама листва тоже светится, тянется, и непонятно, куда стремится она—то ли к солнцу еще, то ли к земле. Ведь сентябрь уже—время прощания, и пора светилу нашему успокоиться, но не выходит никак. «Ну и хорошо, ну и ладно. Видно, лето нынче надолго. Пускай...»—думаешь ты с тихой радостью и открываешь окно. А потом стоишь у шторы и куришь, и дым от сигареты проходит прямо на улицу, и ты рад опять и взволнован, а почему рад—не знаешь. А потом вдруг за стеной просыпается пианино—и ты уж совсем счастлив. А почему, отчего? И вот уж кто-то подбирает на клавишах грустную музыку, и ты куришь и улыбаешься, и тебе совсем хорошо. Но все равно боишься себе признаться, покаяться, что этот кто-то—соседка Леночка, и еще боишься сказать себе что-то последнее, главное, но все равно хорошо, хорошо...

И в этот миг постучали...
Я вздрогнул и повернулся. На пороге стоял человек в тяжелом черном костюме и в таком же парадном галстуке, и вся фигура эта была большая, веселая. Я вглядывался в человека, не понимал...

Особенно на черном выделялось лицо. Оно было белесое, круглое, какое-то радостно-виноватое, а глаза смотрели прямые, зеленые—такие глаза бывают у рыжих.

— Не признаешь?..
Я не признавал. Но особенно оттолкнули волосы. Они были гладко причесаны и смазаны чем-то липким, пахучим, запах от них обнял всю комнату—и сразу кончился мой праздник, и душа напряглась.

— Так, так, Севастьян не признал своих крестьян.— Он усмехнулся, и в глазах исчезло зеленое, потухли они, поскущели. На лоб легла усталая ниточка, а нижняя губа чуть припухла, и тут я узнал:

— Мартюшов? Яша?
— Ну вот, познакомились. Для кого будет Яков Васильевич, а для тебя, ладно, Яша...

А я смотрел на него, и радовался, и узнавал все больше, и вспоминал. Я и в школе-то рядом с Яшей сидел—на одной парте, из класса в класс. Он и тогда был

Потом закинул ногу на ногу, отодвинулся, и появилось в этой позе что-то хозяйское, почти угрожающее—я улыбнулся: «Да ты ли, Яша? Ты ли это?»—спросил я кого-то и потихоньку на него взглядывал, но он не замечал—сидел строго, приподняв голову.

— Почему не пишешь про земляков? Печать—великая сила...—Он смотрел теперь в упор на меня, не мигая.

— Я ведь в школе работаю, Яша. Пятый год уже. Вот и комнату дали...

— А в газетах—твоя фамилия? Или, может быть, не твоя?...—Он смотрел опять грозно, сердито, словно прокурор какой, следовательно, и мне стало смешно.

— Моя, моя! Успокойся... Но это по настроению. После работы. Сижку дома, и что-то найдет...

— Ну, вот и сознался. А то крутишь голову—не пойму. А когда-то вместе кашу ели. Из одного котелка...

— Вместе, вместе,—успокоил я его, а самому опять стало весело: куда он клонит?

— Ну, давай подведем черту,—прервал меня Яша, и в глазах его мелькнуло злое, зеленое, а лицо опять покраснело.—Кто-то работает, а кто-то пописывает. Но без нас-то вы никуда...

— Без кого, Яша?

— Без нас, Федорович, без Якова Мартюшова. Я-то работаю, а ты статью составляешь. Давай поменяемся?—Он засмеялся, заерзал на стуле, и опять был этот смешок со значением, словно я стащил у него чего-то, а он дознался.—Ну ладно, ладно. Я тебя уважаю! Все шутим, гыркаем—понимать надо. Но все ж ты, землячок, подзависал. Нельзя, нельзя отрывать от масс.—И он опять засмеялся, а я опешил. «Да ты ли, Яша? Откуда тон такой, откуда в нем снисхождение?» И, чтоб успокоиться, я к окну отошел, отдернул штору. Сразу обхватил меня свежий воздух. Внизу, на клумбах, росли цветы—табак и фиалки,—и сейчас, под вечер, они пахли буйно, прощально, и эти свежие, счастливые запахи захватили меня, отвлекли. И почему-то представилось, что, может быть, поведение моего одноклассника—просто розыгрыш, а я не понял ничего и поверил. Ну, конечно, поверил! А сам Яша теперь хохочет в душе. С этой мыслью и подошел к нему.

— Яша, хочешь пивка? Приглашаю...

— Не туда зовешь, землячок. Не по адресу! Я уж бочку свою давно выдул, а теперь не могу, завязал. И не мани—не пойду...

— Ох ты! Не мани...—Я усмехнулся и головой покачал. Он заметил мое удивление:

— И тебе не советую.

— Пиво-то разрешается.

— Разрешатся волков стрелять.

Виктор ПОТАНИН

РАССКАЗ

ПОЗВОДНИ

упругий и кругленький, все думали: росту потом не хватит, а он взял да и вымахал, да и весом бог его не обидел.

— Один живешь, не женился?—Яша оглядывал мою комнату и все время устало щурился, как будто был близорукий.

Он и в школе вот так же щурился, и часто дремал, и позевывал на самом скучном уроке—на математике, а если замечал учитель, то не выдерживал: «К доске, Мартюшов! Безобразно...» И он шел к доске, как на казнь. И отвечал Яша так же занудно и медленно, и голосок был с хрипотцой, как у старичка,—и учитель опять страдал.

Зато теперь какие с ним перемены! Я разглядывал Яшу и радовался: и костюм новый, и галстук, и рыжий волос причесан и, видно, лаком прибит в парикмахерской, да и ботинки дорогие на нем, тупоносые, и сам он свеж, как жених. Яша тоже меня разглядывал, и глаза его опять оживали, тайлось в них нетерпение.

— Я к тебе, землячок, надолго. Может, и заночую. У тебя хозяйева не сердиты?—И он прислушался к пианино.—Пооди, сидят да играют, а зарплата где-то идет? Так оно?

— Не знаю...

— И я не знаю, и ты не знаешь, никто не знает.—Он засмеялся натянуто и присел на стул. И сразу начал поправлять галстук, вертеть головой, может, галстук мешал, сдавил шею.

— Я к тебе с горем, Федорович. В ноги падаю—не гони...

— Ну ладно, Яша. Я не начальник...—Он смутил меня, и я растерялся. Глаза у него изменились. Они смотрели уже сердито, и нижняя губа напряглась.

— Еле нашел тебя. Через паспортный стол. Ты еще холостуешь?

Я кивнул, а он рассмеялся.

— Времена пошли, одному—и квартиру!

— Нет, это жильё на троих, в той комнате—другие хозяева... Там мать живет с дочерью,—зачем-то добавил я и покраснел, но он не заметил. А пианино все томилось, страдало, и эта чудесная музыка пропадала зря. А Яше она даже мешала.

— Пооди бы хватит—побрякали... Ну, вот что, Федорович, почему земляков забываешь? Интеллиго стал, заделался... И мы можем, можем,—повторил он точно для устрашения и расстегнул пиджак. Галстук вывалился вперед—широкий, тяжельший.

— Зря, Яша. Зря ты,—попробовал я защититься себя, но он посмотрел лукаво, произительно, как будто что-то обо мне знал, чего-то недоговаривал.

— В городе-то привык? Не надоело?

— Нет, Яша, не надоело. У каждого свое место, и надо держаться.

— Было б за что держаться.—Он усмехнулся, поправил галстук, рука у него была тяжелая, пухлая, под ногтями—остатки солирки. Рука эта вызвала уважение, и я заторопился с вопросом.

— Что, Яша, случилось? Рассказывай.

— А ты не жми на скорости. Вечер наш—не уйдет...—Он на стуле откинулся, подергал скулами,—и вдруг лицо стало краснеть и краснеть на глазах и скоро превратилось в большое пунцовое яблоко. И кожа стала гладкая, чистая, как будто после бани лицо. И я опять вспомнил про школу. Тогда мы дразнили Яшу—Огурчик. Но он не сердился...

И пока я вспоминал, напрягался, он вынул из пиджака авторучку и рассматривал ее долгим, пристальным взглядом, и был в этом взгляде непонятный намек.

— При чем тут волки...—и еще что-то хотел добавить и возразить ему, но он смотрел так произительно, что я глаза опустил и смешался.

«А какой был добрый, податливый. Бывало, хоть в телугу запрягай, хоть на спину садись к нему. Повезет и не спросит...»—рассказывал про него я кому-то чужому и незнакомому, а сам Яша глядел опять прямо и осуждающе, и у меня замирало дыхание. Потом лицо его посветлело, будто умылось, и та морщинка, устало-скорбная, пропала со лба.

— Я и курить бросил, Федорович. Второй год, как откинуло. И тебе не советую. Нет.—А я видел уже, что он хвастался, ну и пусть, пусть, не жалко мне, подумал я с облегчением. Ведь такой он—хвастливый, взволнованный—был и ближе, роднее, да и прежний Яша в чем-то угадывался, и я решил его похвалить.

— Молодец ты, есть выдержка! А я бросаю, бросаю, опять начинаю. Так уже сотню раз...

— А ты сто первый попробуй—получится! И все бы тебя одобрили. Куренье—яд, привычка—зло. А если бросишь—повезло! А если нет—лети в кювет! Так оно, земляк, получается.—Он глядел уже победителем. И я опять похвалил.

— Хорошие стихи! Не твои?

— А чьи же? Написал в стенгазету. Каждый раз заставляю...

— И пишешь?

— Бывает.—Он замолчал, стал разглядывать ногти. В молчании этом стояла гордость, и он опять ждал каких-то слов от меня. Может быть, похвалы. Потом начал поправлять галстук.

— Тебе жарко в пиджаке-то? Сними...—Я его пожалел, но ему не понравилось.

— Ты меня не раздевай, землячок! Я хочу при параде...

— А зачем? Я в рубашке, и то жарковато...

— Одно ты, а то я!—Он сказал эти слова со значением и вздохнул тяжело.

Нижняя губа опять отошла, и подбородок набычился, и эта строгость, надменность меня забавляла. И я еле сдерживался, помалкивал. Но так и подмывало пошутить, посмеяться. Бывает: смотришь на человека, как он кричит, разоряется, как руки высоко поднимает, а тебе не страшно совсем, только чудно, а он еще больше кричит. Но ты смотришь спокойно и рассудительно, как брови у него плотно сдвинуты, как горят глаза в слепом напряжении, как пальцы сходятся в кулачки. А тебе не страшно, не горько, наоборот, даже весело, потому что знаешь: человек этот добрый, открытая душа. Пройдет час, и он успокоится, а все слова теперь, жесты—одна мгла и туман. Так и Яша. Сидит строгий, нахохленный, а вот я не боюсь. Даже мысли со мной хорошие... И пришло неожиданно, как лет пять назад нагрянул я к матери, в свое родное село. Посидели, поговорили, потом собрался купаться. И только вышел на берег, как увидел смешную фигурку рыбака. В руках у него была удочка, которая то взлетала, то опускалась. А сам он был подсаженный, кругленький, как будто гриб подберезовик. На лоб надвинута шляпа. Я подошел ближе, не вытерпел и сразу признал то лицо. Оно было круглое, белокожее, без определенного выражения. Загар, видно, не приставал, а может, шляпа спасала от солнца, иначе зачем бы она в такую жару.

— Здорово, Яша! Давно не виделись...

Но он даже не повернулся, и на лице ничего не пошевелилось, не дрогнуло, как будто меня и не было рядом.

— Здорово, что ли?

Опять молчание. Я обиделся и сам замолчал. Рядом с Яшей сидел мальчик лет

трех-четырёх. Он был такой же молчаливый, серьёзный, с протяжной худенькой шейкой, которая поднималась над грязной старенькой маечкой. И вот от этой худобы, от серьёзности, от старой, изношенной маечки он казался тоскливым, недовольным и вызывал к себе жалость. У ног мальчика было воткнуто удилице, но смотрел он куда-то вбок, вдоль воды. То ли заметил там стрекозку, то ли задумалась душа над мальками, которые резвились у самой поверхности, то ли просто оцепенела. У воды так бывает, не объяснить... Вдруг старший рыболов векинул удочку, засмеялся. На крючке трепыхалась рыбка, но мальчик даже не шевельнулся. «Надо ж так, вот дает пацан!» — подумал я с восхищением и закашлял громко, призывая к себе. Но никто даже не обернулся. А рыболов-старший снял рыбку, подул ей в рот и бросил обратно.

— Не та попала.— Он сказал потихоньку, но я услышал.
— Прокидаешься, а на уху-то?— спросил я громким, веселым голосом, но он не ответил. Тогда я присел на корточки и стал наблюдать. И вот опять Яша рыбку подбросил— и маленький красноперый окунек забился на песке и затих. Окунек лежал удивленный, растерянный, он только жадно открывал жабры и не стремился в воду. Уже другая рыбка мелькнула в воздухе и ударила о песок. Яша сник, улыбался. Но второй окунек лежал так же смиренно, не двигался.

— Они что, померли?— спросил я снова, желая разговорить его, раскатать.
— Кто умер?
— Да рыба-то?
— Не знаю...
— Жарко, Яша... Давай купаться!
— Вспугнем рыбу, не буду я...— Эта вялость его, покорность передавалась и мальчику по каким-то невидимым проводам.
— Как сына-то величают?
— Да Сашка...

И пока я сидел рядом с ними, этот Сашка не сказал нам ни слова. Правда, несколько раз посмотрел на меня, потом снова глаза уводил подальше. Там, на желтенькой камышинке, все билась, пыталась взлететь стрекозка. Да так и не могла поднять себя, видно, крылья подмокли. И сам Яша походил на эту стрекозку. Он то взмахивал удилицем— и тогда оживлялся,— то опять потухал надолго, если поплавок замирал. Иногда мне казалось, что возле меня совсем пусто,— так они прилежно молчали...

И вдруг меня отвлек голос... Я повернул голову и точно очнулся от сна. Но стоял я не на берегу, а в своей собственной комнате, и у меня что-то спрашивал Яша. Я улыбнулся, провел по глазам ладонью— интересно, что со мной было-то...
— Не понимаю, Федорович! То ли спишь ты, то ли оглох?
— Прости, Яш. Я размечтался...

то, Федорович, что ты жизнь у него устраивашь, возмывашь человека. Жил-жил простой конь да коняга и вдруг— орловского рысака из тебя!.. Хорошо! Тут не только деньги отдашь, тут родню мать позабудешь. Лишь бы пропечатали да повысили. Так оно, землячок! Слава нынче дороже денег...— Он опять разволновался, покраснело еще больше лицо, и выступил пот.

— Нет, Яша, никто мне не платит. Это мое увлечение, а в газете я рабкор...
— Кто, кто?.. Да ты не скажешь, не выдашь. Секрет фирмы, аха? А я с горем к тебе, с большим горем. Ты уж послушай, не прогоняй...

— Да брось ты, Яша... Дело есть— говори...
Но он даже не пошевелился. Маленькая скорбная бороздка опять прошла через лоб. И вдруг спросил неожиданно, точно кулаком стукнул:

— Ты давно меня знаешь?
— Давно, Яша, с самого детства.
— Ну и как он, Мартюшов Яшка? Хороший он человек?— И Яша захохотал, поднял голову, но смеялся он через силу, как будто выступал в самодеятельности. И я это понял и перебил:
— Хороший ты, Яша! Себе бы взял, да други просят, выманивают.
— Кто они— други-то?..

А мне уж было смешно, чудно, весело. «И никакой он не шизик, просто сидит передо мной, ломает комедию. Не может же человек в пять лет измениться. Не может!»

Яша дышал теперь глубоко, запаленно, точно прошел сорок верст и без отдыха, и теперь сбилось дыхание, и сердце ноет, колотится. И голос прерывистый стал:

— Ты смеешься все, надрываешься... А мне, земляк, не до смеха. Не до смеха мне, понимаешь... Неуж бы в город к тебе потащился да от уборочной... Это надо бы понимать...

— Понимаю, Яша, все понимаю. Можешь во всем мне довериться, чем смогу—помогу...— Я сделал серьезные глаза и перестал улыбаться, а он опять говорил, говорил.

— Вот-вот, Федорович, поддержи меня. Помоги Яшке— не прогадашь...
— Ты не Яшка, а Яков Васильевич,— поправил я назидательно и опять улыбнулся. Но он воспринял улыбку по-своему и сразу обиделся; лицо надулось, точно припухло, а ладони дрожали, как от волнения,— видно, снова мучился, а может, гордость томила. Наконец, не сдержался, пошел на меня:

— Ты не смейся, землячок, и не гыркай! Заработано у меня отчество— ох, как оно заработано...
— Ты не понял.
Но он даже не слушал.

И ПЛОТЪ

— Ну вот, а я давно дожидаюсь.— Он уже отмяк, глаза были добрые. И у меня отлегло...

— Как, Яша, нынче с рыбалкой? Окуньки попадают?
— Пустяками не занимаюсь!— Он ответил зло, с раздражением, видно, я затронул что-то болезненное. Но эта злость была ненадолго. Вскоре он опять подобрел— глаза разглядывали пишущую машинку.

— Сам печатаешь?
— Нет, нанимаю... Сам, конечно!— Я похвастал, не удержался— на все пойдешь ради старых друзей. Да и машинку свою я любил, как близкого человека, а может, и больше. И у Яши глаза тоже блестели, он оживился, поднялся со стула и мерил теперь комнату большими шагами.

— По сколько в день лупишь?
— Чего?
— Статей-то?— уточнил Яша и стал смотреть изучающим взглядом. А я смеялся, душа ликовала: «Нет, ты, Яша, не исправим. Но куда же ты клонишь?»

И я похвастался снова, чтобы его подразнить:
— Каждый день по статье! Вот так, Яша, надо уметь... Да в школе— такая работа!

Но он почему-то сник, погрузился. Опять сел на стул и стал внимательно смотреть на машинку. То ли приценивался, то ли залюбовался. И сказал тихо, чуть слышно:

— Худо работам, Федорович! Я бы тебе премию на праздник не выписал. Надо норму-то вдвое, втрое— тогда еще можно жить... Ну, а как у других?

— У других-то? За неделю статья, только одна статья.— Опять я придумал и даже не рассмеялся, но очень уж хотелось его подразнить, да заодно и выпытать понемножку— чего он хочет, зачем разыскал меня?

— А если машинка сломается?— спросил он тихим, сдавленным голосом, и опять покраснело, набрякло лицо. Он страдал, волновался, а почему страдал— я не знал и терялся в догадках. Да и зачем ему эта машинка?

— Она и сейчас, Яша, поломана. Буква «о» отвалилась, заедает каретка. Но у меня есть мастер...

— Мастер-то мастер,— повторил Яша и покачал головой. Щеки у него стали напряженные. Он притаился, как для прыжка.— Значит, ты теперь на простое?
— Почему, я в школе работаю.

— Да зачем твоя школа?.. Значит, в эти дни ты не пишешь?— И Яша поднял высоко голову и весь обратился в слух.

— Пишу, пишу обязательно! Я уж так в это дело втянулся— даже во сне лезут строчки, как мураши. Погибаю, Яша, спасай меня от писательства. Увези на рыбалку!...— Я засмеялся и распахнул створки. Последние лучи солнца выглядывали из-за крыш. На улице было тихо, свежо, как в деревне. Я вздохнул глубоко и зажмурился— хотелось встать ногами на подоконник и полететь.— Хорошо, Яша, жить! Хорошо...

— Постой, Федорович, не договоришь. Тебе люди-то платят?..
— Какие люди?

— Ну, которые в статьях у тебя?
— А за что?!— Я поразился, и все мое настроение пропало. «Может, он уже усмешдший? Я не знаю, не ведаю, а он уже... Нет, не похоже...»

— За что, за что...— заворчал Яша, и губа его еще сильнее оттопырилась.— За

— Думаешь, Яшка— человек сорной, случайной? Нет, дорогой, не получится. Вот бери да читай...

Он достал из пиджака целую кипу газетных вырезок и положил осторожно на стол. Вырезки пронумерованы, заделаны скрепкой. Я начал быстро листать, но Яша отстранил мою руку.

— Не спеши, начнем с первой, вот с этой.— Он отцепил газетный листочек и положил сбоку, отдельно.

— Начиная с заголовка и не спеши. Скоро, знаешь, кого делают...— И он захохотал, нижняя губа отвисла от удовольствия. А я ушел в чтение.

Заголовок— «Морозы— сильным не помеха!» Первые абзацы прочел с какой-то внешней игривостью, как будто не читал, а развлекал себя посторонним, но прошла минута, другая, и я увлекся— забыл про Яшу. Мой далекий собрат из районной газеты подробно расписывал: «Зима пришла с метелями, с трескучими морозами, вот уже январь на носу, а мы про это забыли. А скот-то взял да напомнил— в ряде колхозов начался падеж. А почему? Недоглядели? Нет, вопрос здесь сложнее— он в кадрах. Да, товарищи,— в кадрах! Где на фермах у нас молодежь?— с такими словами мы обратились к председателю колхоза имени Пушкина Сергею Павловичу Скляруку. И вот что ответил нам председатель: «Все случаи нарушения по скоту были в прошлом. Сейчас на фермах— молодежный призыв. Хотя и молодых у нас мало, зато каждый человек— за троих. А примеры? А что примеры! Вот скотник Сосновского отделения Мартюшов Яша. Для нас он, конечно, Яша, а для всех давно— Яков Васильевич. А давно ли ходил еще незаметный и скромный, но вот написали о нем в газете— и парень преобразился. Теперь он настойчивый, крепкий, и от своего не отступит.»

Его портрет мы поместили на Доску славы. И не ошиблись. Мартюшов все время работает над собой. Его упрямую, волевою фигуру часто можно видеть в красном уголке фермы, где находится наша библиотека. Здесь он читает специальные книги, шлифует свою профессию. А недавно мы его наградили ценным подарком— преподнесли совершенно новый транзистор. И сейчас каждое дежурство на ферме он скрашивает себе музыкой и песнями на всех языках. Скотник значительно вырос в культурном отношении, да и в семье у него полный порядок. Его жена, учительница начальной школы, Фаина Нечухина-Мартюшова помогает мужу во всех начинаниях, во всех делах, и больших и малых. Ее помощь— дружеское слово, поддержка, а порой и простая человеческая ласка— не проходит никогда даром. Ведь мужья— тоже люди,— и она об этом не забывает. Вот какие у нас прекрасные кадры! И теперь мы смело встречаем морозы и твердо знаем: все тяготы текущей зимы, конечно, преодолеем, и поручкой такие люди, как Мартюшов».

— Такие люди...— повторил я вслух машинально и отложил статью. На душе стало легко. За стеной соседка играла Шопена. Эти чудные, печальные звуки, эта радость, что Леночка где-то рядом, что вот сидит сейчас, грустит и ни о чем не знает, не ведает, этот воздух, который смешивался с цветами и вечерней прохладой, и наплывал теперь из окна, и подымал грудь,— все это делало меня почти счастливым. И хотелось продлить мгновение, но помешал опять Яша.

— Да-а, Федорович... Таки люди, как я, не валяются. Возьми еще, почитай.— И он подвинул мне новую вырезку.

Но я достал сигарету. Глаза у Яши сияли, наверно, радовался за статью. И пока я разминал сигарету, он с готовностью зажег спичку и наклонился ко мне близко-близко, почти задел головой. В этом было что-то угодливое, не простое, и я

отодвинулся, но он не заметил. Глаза его все так же сияли, и от всей его сильной фигуры несло телесным жаром и напряжением, и дыхание снова было тяжелое, как будто за ним гнались. «Да что с ним? Как все-таки изменился... Ничего не осталось от прежнего, но почему?» И еще что-то я себя спрашивал, потом поднялся со стула и подошел к подоконнику.

Звуки пианино здесь были резче, слышнее, — музыка тянулась к людям, на волю. Внизу шли прохожие и смотрели на окна. А солнце, краешек солнца все еще цеплялся за крыши, как будто не хотел сдаваться, но это было уже недолго — всего минута, и вот уж нет той минуты — и сразу погасли крыши. А потом в небе поднялась зорька. Она поднялась в том месте, где только что еще было солнце, и свет от нее был такой нежный, пушковый, как кожура помидора, нажми сильней — брызнет сок. Но Яша снова отвлек меня:

— Нехорошо, Федорович! Неладно делаешь...

— Чего?

— Того! Носом крутишь да бегаешь к окошку, кого там... А я комбайн бросил, приехал, все газеты собрал... — Его глаза смотрели опять в упор, осуждающе, а руки волновались, подрагивали, и он не мог это скрыть. Потом достал расческу, причесался старательно и вдруг машинально извлек сигарету, но сразу сломил ее, выбросил. И опять — глаза на меня. В глазах плавало злое, зеленое, наверное, они меня ненавидели. И горько и забавно...

— Не сердись, Яша. Я немного задумался.

— Кого думать — читай давай! — Он показал глазами на газетный листочек. И я подчинился.

Статья называлась «В земле — наши корни». Заголовок набран высоким шрифтом — герольдом, и все слова в статье такие же высокие, гордые: «В колхозе имени Пушкина — горячие дни. И всюду тон задают молодые. По ним равняются, сверяют задания. И зерно течет непрерывным потоком. А как же иначе! Возьмем только Якова Мартюшова. В последние годы он освоил массу профессий: он и скотник, и шофер, и комбайнер. Золотые руки у парня! Вот сейчас он до винтика изучил свой комбайн «СК» и проникся к нему уважением. Парень знает: все на нынешней страде решают машины. Потому, наверное, комбайн Мартюшова побил все рекорды. И еще одно событие покоряет в судьбе этого человека. Нынешней весной он стал преподавателем на Сосновском отделении колхоза. Мартюшов Яков стал отвечать за подготовку механизаторов — и справляется, надо сказать, хорошо.

Среда и суббота отданы для занятий. Двадцать человек садятся за парты, а он смотрит в эти молодые серьезные лица, слушает нескладные пока что ответы и думает: «Есть догадливые ребята! С такими не пропадешь!»

Так было еще недавно, а теперь эти ребята — на первом фланге. По их просьбе недавно по областному радио прозвучала хорошая песня. Что за песня? — спросите вы. Называется она «В земле наши корни». Так и есть — в земле и нигде иначе!»

Я отодвинул статью, закурил. И опять Яша предупредительно зажег мне спичку. Глаза у него блеснули, прямо горели. Он напоминал теперь бегуна перед стартом — сейчас выстрел — хлопок, и он рванет вперед прямо грудью, подомнет воздух, помчится, и никакая сила не остановит.

— Ну как, Федорович? Здорово он меня расписал, прямо до костей пробирает, аха?

Яша ликовал, играл своим галстуком, усмехался. И сразу появилась в нем небрежность, которая приходит от сознания своей силы, значения да так и остается потом с человеком. И вдруг он как бы от меня отстранился, задумался, затем встал в полный рост и стул отодвинул. Глаза смотрели вниз, словно что-то там потеряли. Так прошла минута, другая — и вот Яша заговорил:

— Успехи ко мне пришли не сразу. Нет, землячок, не сразу... — Последние слова он произнес таинственно, сокровенно и вспыхнул лицом. А я мучился — пианино за стеной молчало. И сразу же надоела комната, захотелось куда-то уйти. И уже злился на Яшу, и все теперь раздражало: и его рыжий затылок, и его дыхание, густое, как у всех толстяков, даже белые сырые ресницы его тоже злили и что-то напоминали. Хотелось на улицу, на свежий вечерний воздух, но Яшин голос встал вдруг громко и властно: — Слушай меня и запоминай! Буду говорить, а ты слушай!.. Фотоаппарат, полагаю, есть?

— А зачем?

Но он поморщился и махнул рукой:

— Ну ладно, потом подошло свою фотографию. А теперь возьми ручку, блокнот! — И опять он сказал с нажимом, как будто приказывал, и я подчинился. Яша нахмурился, посуровел. — На чем мы? Аха, успехи пришли не сразу. Я много над собой работал. Учился на опыте лучших. Часто проснись ночами и пытаю себя, ворожаю: правильно ли я живу, всего ли достиг, что наметил?.. Почему, землячок, не пишешь, не нравится? Вот с мое поработай, повкалывай — тогда понравится...

— Пишу, Яша, пишу, — а сам смотрел на него с удивлением, с испугом — то ли пытается меня, разыгрывает, то ли с головой у него непорядок... И опять мучили вопросы: почему он так изменился, почему не могу узнать в нем прежнего, близкого Яшу, почему он диктует сейчас, приказывает, а я покоряюсь?..

— Бывало, что душу одолевали сомнения: а не податься ли в город, к сложным, умным машинам? Но я себя останавливал: нет, ты у земли нужнее, нет, ты, Яков, неправ... — Он запнулся, и я этим воспользовался, отложил ручку, спросил:

— Ты что, все это читаешь? Где берешь — покажи...

— В голове беру, вот где! — Он сверкнул на меня глазами, и я затих. Я-то думал, что он читает мне какую-то статью или отрывок, но в руках у него не было ни единой бумажки, он говорил от себя и так ясно, отчетливо, как будто по писаному. Все это — чудно, забавно, и я на миг позабыл обо всем и как-то душевно смешался. А он сидел сердитый, как ежик, и словно ждал от кого-то защиты. Но защита не шла, и тогда он заговорил снова. И сразу начал уверенно, бодро, голос звучал, как на трибуне:

— На чем мы записались? Аха, на моей работе. Как манили меня в город, а я не поехал. Тогда и решил: пойду на ферму! Только на ферму! Здесь — главный фронт, направление. И что интересно, запиши обязательно: возле Сосновского отделения много естественных водоемов. И эта дешевая камышовая прибавка вместе с клевером и люцерной дает большой резерв для надоев. И доярки рады, ну и мы — пастухи...

— Сколько же у тебя профессий? И пастух, механизатор, и...

Я еще что-то хотел добавить, но он точно не слышал, не замечал. Мои слова остались внизу, ослабели, а наверху — опять его бодрый, решительный голос. Так и прет напролом, подавляет:

— Пиши быстрее, не отставай! Я не люблю. И вот что, писатель: зимой и летом дом мой — милости просим! У меня много корреспондентов бывает. И записывают меня и обедают. На свежем-то воздухе... — Он вдруг подмигнул, рассмеялся. — Ох, Федорович! Не хочу, а скажу, выдам вашего брата... Для них всегда у

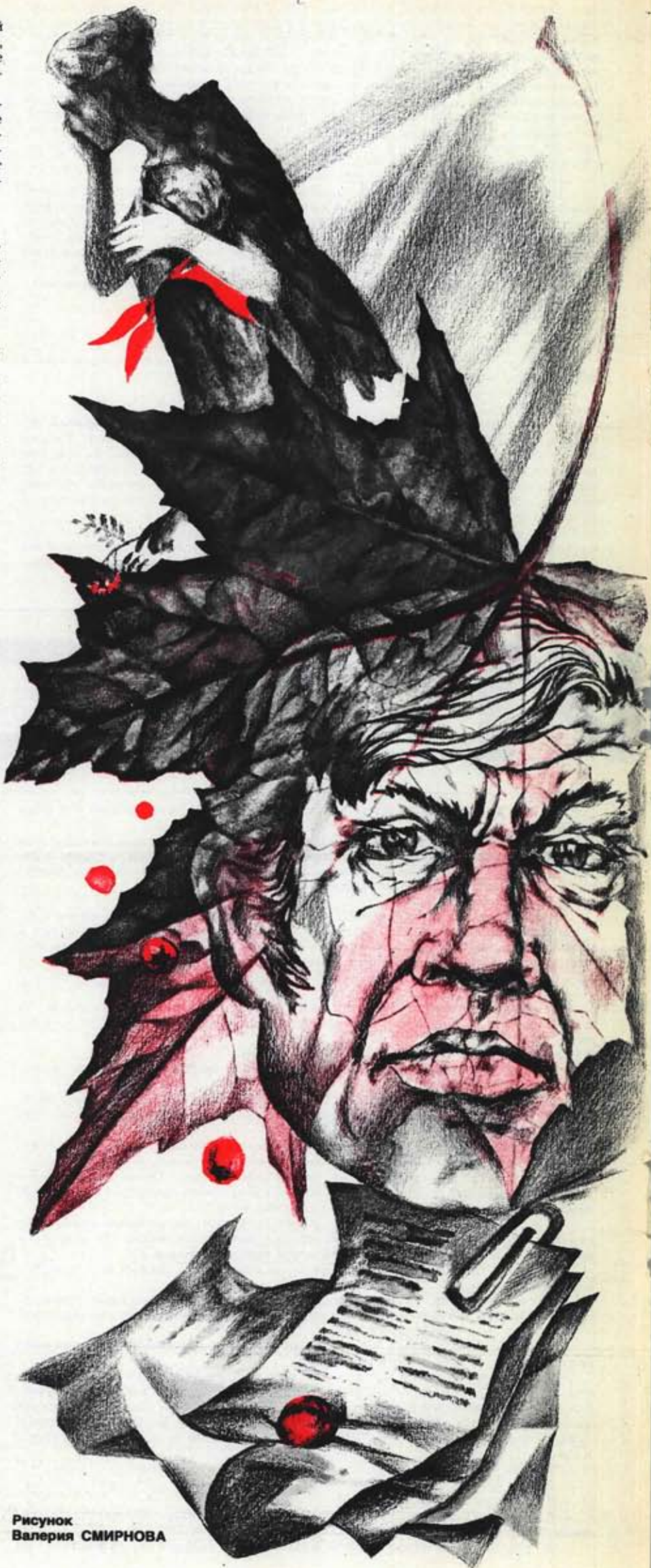

Рисунок
Валерия СМЕРНОВА

меня припасено. И коньяк и огурчики, в холодильник припрятаю, а потом достаю. Они уж знают, уверены — от Мартюшовых так просто не уйдешь. Да и друго что — только свеженько да горяченько. Потому и любят мой дом, не обходят...

— Ты ж не пьешь?

— А для гостей! Гостей уважаю! Кака же статья без смазки?

И он засмеялся, не остановившись. И глаза смеются и щеки, смеется все его большое круглое тело. Я думал: теперь его хватит надолго, но Яша вдруг перестал и посмотрел на меня пристально, как будто увидел впервые.

— Так они и жили: дом продали, а ворота купили. А мы отвлеклись сильно, Федорович. Вот еще почитай. — И он подал мне новую вырезку, и я стал изучать. Вначале увидел большой портрет Яши. Он стоял возле белого столика, раздетый по пояс. Напротив Яши полная, дородная женщина в белом халате — то ли врач, то ли фельдшер. Потом и заголовок попал на глаза: «Будь донором, специалист!» И я стал читать. Вначале хлынули медицинские рассуждения, и только в середине статьи начались факты: «Безотказно, в любое время дня и ночи дают свою кровь специалисты колхоза имени Пушкина. Среди активных доноров — людей высокого долга — следует особо назвать Якова Мартюшова. Мы призываем всех жителей района следовать его примеру. Такие люди всегда ведут за собой отстающих. Ведь скоро мы торжественно встретим в районе свой ежегодный День донора. Давайте встретим его во всеоружии наших больших и малых задач. Равнение — на Якова Мартюшова!»

Я поднял глаза на Яшу. Он улыбался, и в улыбке опять была гордость. А мне стало скучно. «Зачем он собирает эти заметки? Зачем сидит сейчас у меня? Чего же он добивается? Не понимаю...»

Пианино за стеной давно молчало. Леночка, наверное, теперь смотрела в потолок и грустила. А может, опять засела за словари. Она изучала английский, мечтала стать переводчицей. И часто в мыслях я уже видел ее в толпе нарядных туристов. Она что-то им говорила, смеялась, а сама была всех лучше, красивей, и все туристы сразу в нее влюблялись, и я уже ревновал, ревновал к ней до боли, до какой-то смешной злости ко всем этим чужим, незнакомым людям, которых еще не было, а может быть, никогда и не будет. Но все равно я ничего не мог с собою поделаться. Вот и сейчас шевелилось в голове что-то обидное про этих туристов, про Леночку, но меня прервал Яша:

— А теперь послушай меня, писатель. И запиши, а то забудешь. Правда, ты еще холостой, не поймешь...

— Давай, Яша, давай...

— А ты не торопись. Семья — тоже велико дело. Это фундамент, на котором стоят все наши производственные успехи.

— Бюрократ ты, Яша! — невольно вырвалось у меня, но он как не заметил.

— Семью я создавал с дальним прицелом. Да и помогли мне в этом товарищи по работе. Они и подсказали мне познакомиться с Нечехиной Фаиной, которая приехала к нам после педагогического училища.

— Товарищи подсказали? — опять я не выдержал, усмехнулся.

Он брови нахмурил и как отрубил:

— Не лезь под руку! Не люблю! Значит, так: я подошел к Фаине после кино и проводил до дома. А вскоре узнал, что Фаина — человек передовой и находчивой. Она читает много педагогической и другой нужной литературы. Как-то... — Он загнулся. Я поднял голову. Он смотрел на меня прямым, ненавидящим взглядом. Его правая ладонь то сжималась в кулак, то разжималась. Я чувствовал: он еле сдерживался. Еще немного — и падут все замки, все запоры.

— Ты, писатель, свою улыбочку убер! Не-хо-ро-шо! — Последнее слово он так и произнес по слогам, потом навалился всей грудью на стол и задышал шумно, с натугой. — И над Файкой моей не скули! Она баба всех мер. А то, что вышла у нас неувязка, то разберемся. Я затем и приехал.

— Зачем, Яша?

— Потом об этом, потом! Знай сиди и пиши! — Он опять мне приказал и поне-много стал успокаиваться. И дыхание у него выровнялось, и глаза подобре-ли. — Так вот, землячок, запомни. Семья меня всегда выручат. Жена — подмога во всем. В большом и в малом, мелочей у нас нет. Как говорится: жена за оглоблю, а муж — за дугу — и покатила телега. Ну, если уж надо, то нет в колхозе Пушкина другой такой счастливой семьи! Отметь особо, запомни. — Яша от удовольствия даже прищурил глаза. Потом опять начал: — Жена помогает во всем Якову Мартюшова. Иногда она берет с его полочки книги, брошюры и читает ему вслух целы главы по уходу за молодым, по рациону. А муж в это время на кухне: стучит посудой, жарит и парит... — Вдруг Яша стих и перевел дух. — Устал, поди, Федорович? Ну, посиди покури.

Я достал сигарету и отвернулся от Яши. Меня душил смех. Теперь я понял причину его красноречия. Он, видно, заучивал целые колонки из районных газет. Написали про него, а он заучил. И теперь в голове все перепуталось: где свои слова, а где из газеты. «И все ж забавно: зачем он ко мне пришел, зачем мучит своими рассказами, зачем пыжится, почему?» Я курил, улыбался, смотрел в окно. Там уже стало синеть, скоро ночь, и потому так нежно пахли цветы. Этот запах поднимался снизу и заходил в мою комнату на третий этаж. Цветы всегда поливали на ночь, и я любил открывать обе половинки окна и так оставлять на всю ночь. Зато как хорошо спалось! Вот и сейчас я думал опять о цветах — и нестерпимо хотелось на улицу. Смех меня отпустил, а вместо него пришла злость. «Почему он сидит и приказывает? И какой голос, манеры — прямо павлин!» А он вздыхал за спиной и шуршал бумагами.

— Возьми еще, почитай!

— Больше, Яша, не буду, устал...

— Знаю это дело. А ты мне, землячок, не завидуй! И про тебя — заслужишь — напишут. А пока сиди и пиши.

— Чему завидовать, Яша?

— Ты не понял еще? Тогда открой эту газетку...

Я замешкался, и он нахмурился.

— Читай, читай, не соскучишься. Может, заговоришь по-другому... — И он устало махнул рукой, поморщился, — чего, мол, связаться-то с тобой связался, а толку-то мало.

И я опять подчинился. Статья называлась: «Родители — слово-то какое!» И начиналась статья исподволь, с дальним, хитрым разбегом: «С малых лет ребенок живет под влиянием старших. И этих старших мы называем родителями. Отец и мать! Кто заменит их? Какая любовь на земле естественней, изначальное? Как от горящей свечи негорящая возжигается, так и детская любовь любовью родительской вызывается. Мама у малыша — всегда самая красивая, папа — всегда самый сильный. Кто не слышал, как дети гордятся своим сходством с родителями. «Я тоже, как мама, люблю шоколад и заварное пирожное», — говорит, к примеру, маленькая Ирина. «Я тоже, как папа, умею водить «Жигули», — хвастается, к примеру, Толик шести с половиной лет. «А я буду пастухом или скотником!» — заявляет всегда Сашенька Мартюшов. И в этом тоже заслуга отца, его

большая работа. Да и кто не знает в колхозе имени Пушкина Якова Мартюшова! И для этого есть причины...» — дальше текст обрывался. У статьи края обтрепались, видно, побывала уже во многих руках, и прочитать конец было теперь невозможно.

— Сашенька — это сын мой! — сказал громко Яша.

— Я понимаю... — И вдруг припомнил опять ту далекую встречу около речки. И Яша снова встал в памяти и съинишка его. Как сидели оба на берегу, молчаливые, смиренные, как ловили из воды окуньков. «Неужели время так нас меняет? Или что-то другое? Почему мне его не узнать?» И тут мои мысли прервались.

— Ну как, земляк, подержал мой паспорт? Теперь будешь Яшку Мартюшова по отчеству?.. А я не возражаю. Давай! — Он захохотал и поднялся. Галстук у него сбился, глаза горели нехорошо. Мне не понравились ни смех, ни глаза его. Да и лицо стало совсем нахальное и довольное, и проступила в нем злость.

— Печать — великая сила, великая! И гордись, землячок! Захочете — и человека поднимете, не захочете — и катись, мелкота!..

— Неправда, Яша! Как поработаешь, то и заслужишь...

— Ха-а... — Он захихикал, утер губы ладонью. Его круглое лицо налилось краснотой, Яша нервничал и рвался в атаку. — Ерундой, землячок, занимайся! То ли, думаешь, я лучше других работаю. Нет, дорогой, не похвастаю. И получше меня есть дураки. С зари до зари, а что толку? Надо в газету попасть, а потом пошло дело, поехал. Первый след — тяжело, а потом затвердет лыжня...

— Ты философ...

— А ты, дорогой, не смейся! Хочешь жить — умеи вертеться! Помнишь удочки-то? Как мы с Сашкой рыбачили...

— Помню, Яша! Хорошо окуньки клевали.

— Нет, не хорошо. Вот на Песьяном озере у нас хорошо! Как-то корреспондент газеты приехал, я его сводил на Песьяно, да уха ему наварил, да бутылочку выпоил — оно и заработало зажигание. А на озере уточки крикают, да на зорьке-то опять половили. Потом написал он про озеро и про уточек, ну и про меня — главное дело. Так и завелся моторчик. Поехал я... — Глаза у него мечтательно сузились, он приподнял голову и задумался. Потом опять сел на стул, лицо стало веселое. С этой минуты мы поменялись ролями. Он размяк, успокоился, а я начал волноваться, накаливаться. И все уж в нем раздражало — даже белая кожа и рыжие волосы, даже галстук его и голос. Но я себя сдерживал. И задал ему новый вопрос:

— Значит, клонул на рыбку?

— Кто клонул? — Яша нахмурился.

— Корреспондент твой... — Я взглянул на него, но Яша ничего не ответил, и лицо опять стало доброе, а глаза устремились куда-то в даль. И опять он повел свою исповедь, и я видел, что ему нравилось говорить. Он любовался умом своим, ловкостью, и в каждом слове его, движении я видел гордость за себя, умиление.

— А потом неводок купил, выбрал прочной, из тонкой нитки. У меня блат небольшой в торговле. А что делать, писатель? Нынче как: ты — мне, я — тебе.

— Хочешь жить — умеи вертеться? Так, что ли, Яша? — Я улыбнулся, потянулся за сигаретой. Но он не заметил моей насмешки. Его опять понесло:

— Неводок мой — не удочки. И пошло дело. Места свои знаю. Где окунь, шучешка, а где и карась зайдет — тоже давай сюда. Вот и вздохнули, ожили...

— Неводами нельзя! — остановил я его. Надоело мне, стало скучно.

— Кому нельзя, а кого приглашают. Да ты подумай: все начальство — мое! Кто приедет с проверкой или газетчик, того к Мартюшовым. Развесели, мол, угоди человеку. А я что — всегда с удовольствием. Неводок на плечо — и на озеро. У меня там и шалашик. А потом уж уха, разговоры, ну и палки жгем до утра. Поговорим, повздыхаем, и человек все запишет, а через недельку — газета. Ну, а там — ясно дело: какой я работающий, отзывчивой...

— Отзывчивый, говоришь? — Опять я встрепенулся, как будто на стуле подкинуло. И на него злился и на себя — зачем сижу, не уйду. Надо что-то придумать: мол, заседание, собрание — и уйти, попрощаться. Но что-то меня удерживало — может, Яша так влиял на меня.

— С газеты я и поднялся, потому и в передовики попал. А что, не достоин? Почему глядишь на меня? — Он поднял голову и тяжело задышал. На лбу снова выступил пот, а щеки надулись.

— Достойн, достоин, — ответил я нехотя, и он снова стал ровно дышать.

— Вот именно, что достоин! Ничего не пожалео для нашего брата. Угостить, принять — это уж перво дело.

— И порыбачить свозить... — Я улыбнулся. И хорошо, что опять сдержался, а то бы недалеко до беды.

— Порыбачить — само хорошо дело! Недавно купил «Запорожец». Теперь неводок в багажник — айда хоть куда. А потом ночь наша — сиди у огня да записывай. Я могу рассказать!..

— Часто о тебе пишу?

— Ох, часто! Выстригать — время нет. Было дело — совсем на моду попал. Что ни газета, то Мартюшов улыбается. И портреты там, очерки, зарисовки.

— Разбираешься в жанрах. — Я усмехнулся, но он меня понял по-своему.

— Я во всем, земляк, разбираюсь. Голой рукой — то не тронь меня — живо отронишь. Я и тебя сильно ждал, ох и ждал, землячок! Все глаза проглядел, измаял. Так баба не ждет мужика, как я тебя дожидался. А ты не ехал...

— Не ехал, — выдохнул я и вдруг почувствовал странное беспокойство. Еще ничего не случилось, а я уж вздрагивал, и сжималось дыхание. Я знал, я чувствовал — скоро случится что-то тяжелое, нехорошее, и уже заранее все во мне напряглось. А Яша наклонился близко-близко ко мне и принял положение заговорщика. Огляделся по сторонам, зашептал:

— Просьба есть, землячок. Поди не обидишь?

— Говори скорей, говори...

— Напиши в областну про меня! Доверяю!

Удар был мягче, чем ожидал я. Но что-то ждет еще впереди? А он шептал прямо над ухом:

— Пусть вся область узнает. В районной кого? И привыкли к районной. А ты в областну ударь, я тебе уплачу... — Последние слова его как обожгли. Ведь на корню же меня покупает. Я отодвинулся и потянулся за сигаретой. Он чиркнул спичкой о коробок. — Кури, Федорович, отдыхай... — Он взглянул на меня долгим взглядом и не моргнул.

— Значит, Яша, покупаешь меня?

— Покупаю, землячок, покупаю, на преступление зову. — Он засмеялся, но смех вышел жидкий, придуманный, словно бы для меня. Потом помолчал и добавил: — Эх, ты, честяга, кому не поверил. Я вон вчера человека убил. Встретил в кустиках, за поскотиной, и зарезал. — Он опять засмеялся, но сейчас уже весело, широко, видно, довольный шуткой. Но и этот смех прошел быстро, как не было. Лицо его обвисло и посерело.

— Горе у меня, писатель. Фаина ушла от меня. И Сашку с собой.

— Как ушла?..
— Все бывает. Не прищуривайся. У людей бывает, и у тебя может быть. Так. Ушла Фаинька моя, дверью хлопнула. Не хочет дела иметь с пузырем.
— С кем?
— Да, да, с пузырем! Так жена прозвала, припечатала. Говорит, что раздули меня, верху бросили, а копни в пузыре—бело место.
— Не понял, Яша...
— Пустота в пузыре-то! Чего ты не понял. Таку цену она мне положила. Ты слушай—рассказываю. Набросала белья в чемоданишко и ушла. К теще—к матери. Неделю живут—не показывается.
— Из-за чего поссорились?
— Наши ссоры—не ссоры. Не понимала меня, така стерва.
— А ругаться зачем?
— А ты бы не заруался! Вот газетки про меня порвала. Только и сохранил, что в комодике...—Он сидел теперь бледный, подавленный, даже щеки опали. Он походил теперь на того, давнего Яшу, который стоял на берегу с удилицем, а рядом—Сашка-сынко. Та же вялость в глазах и покорность. Но это быстро прошло у него. — Давай, земляк, выручай. Я оказываю доверие. Заступиться за меня—тоже честь!
— Для кого?
— Для тебя, для любого... Пиши так, пропечатай, чтоб Фаина моя обмерла. Таки люди, как я, не вальются.
— Я же учитель, Яша. И пишу-то по настроению. Про тебя и так много...
— Много, немного... Запас брюхо не дерет. Да мне ж Фаину надо вернуть, а сына—больше того. То ли не понимаешь?
— А при чем я?..
— Она возьмет в руки газету, да газета-то областна, вот и узнает, кака цена Мартюшову. Вот так, землячок. Я ее заставляю ботинки мои зашнуровывать, а то ишь глаза подыала, побежала...
И он еще что-то бормотал, глухое, неясное, потом махнул рукой и повесил голову. И мне опять его жалко стало. И смешно и досадно. Ведь только что на него злился и обижался, а теперь—смотри ты—подобрела душа. Как же она отходчива, как доверчива—и ничего не поделает...
— Все у нас было, Федорович, к соседям занимать не ходили. И машина, и деньги, и Сашка мой подрастал. А она все запутала, стерва така, извини меня, землячок... Нет, ты скажи, что придумала—давай Сашку на меня натравлять. Однажды совсем вышло весело... Ты слушаешь меня или как?
— Слушаю, Яша, слушаю...
— Тогда продолжаю. Ну, что... Я ждал Петра Логиновских, из редакции позвонил. Петро будет у них фотограф, мы с ним давно по ручке. Позвонил мне: надо на озеро, у него выходной. Ну, я подготовился. В магазин сходил за припасом. Так что получилось...—Яша закрыл щеки ладонью, а плечи задергались. И скоро весь затрясся от смеха.—Ты подумай, что вышло. Они мне в бутылки чаю набузгали. Коньяк заменили на чай. И пробки завернули—чин чином. Ночью угощаю товарища, уж костерок запалили, уха. Петро выпил бокальчик и глаза вылупил: кто оно? Потом давай хохотать. Ну, и я с ним, а на сердце-то волки воют... Нет, ты подумай, земляк! Учудили. И Сашка матери помогал. Оба после сознались...—Он уже не смеялся теперь, помрачнел.—Пришел домой, даже виду не подал. Я ведь терпеливой, ох, терпеливой. Ни разу даже ее не ударил. И что бы Файке не жить со мной? Вон подружка у ней—Нинка Фуганова. Так на ей уж все побывало: и горшки все, ухваты и ведра, бутылки—ну, пьющий мужик-то. А я свою пальцем не тронул. А на людях всегда уж по отчеству—Фаина Григорьевна да Фаина Григорьевна. Ну, и получил за добро...
Он опять поднялся со стула и начал прохаживаться. Половые доски рассохлись и теперь под его весом прогибались, поскрипывали. Он морщился, как от боли.
— Присядь, успокойся.
Он сел и начал отпыхивать. Лоб был бледный и потный, потом опять краснота подошла, и лицо напряглось. И снова жалость во мне проснулась, и захотелось утешить.
— Ты не расстраивайся. Бывает и хуже...
— Хуже куда? Уж прозвищ мне надавала, говорит, что донесет на меня, расскажет, какой я стахановец. А я терплю. Ради семьи что не вытерпишь. Но всему есть конец: как начала Фаина грозиться, так я сразу на дверь показал. Она как ждала: чемодан на плечо, Сашку за руку—и к своей матерешке.
— Так вернется!
— Если сможешь мне, то конечно. Да кабы районна, а то областна!.. Ты как размажешь меня, размажешь—неуж баба устоит?! Нет, никогда! А моя и по-прежнему. На тебя вся надежда! Бери ручку, записывай, потом обработашь... Что молчишь?
А меня опять давил смех, я отворачивался, но потом, делать нечего, подчинился. Да и стало забавно, чем это кончится. А он уже говорил:
— Пиши сперва так: «Родился Яков Васильевич Мартюшов в простой крестьянской семье. С детских лет привык к труду, но о рекордах пока не мечтал. И не догадывался, что та же корова может молока давать в два раза больше, чем ей положено от рождения, что тот же трактор может пахать сильнее в несколько раз, если за ним следят упорные руки...»
— Слушай, Яша, ты ведь не свое говоришь. Я так не могу...
— Не свое. Это Логиновских писал! Так ты обработай. И выдай на область!
— Демагог твой Логиновских!
— Ты не ругайся. Так же и Фаина его обзывала. Так что пиши—статья моей бабе понравится.
— Ох, Яша, не знаю. Личное дело—сложное...
— А ты внуши Файке, что я для других живу, что по две смены нарываю, что ночей не сплю...
— По две смены?
— Ну, приврем, дак никто не проверит. Век правдой не изживешь.
— Хочешь жить—умей вертеться. Так, что ли, Яша?
— Злой ты, Федорович! К тебе по-простому, по-нашему, а ты сало давишь из человека. А еще педагог!—Он снова начал ходить. Пол под ним приседал и поскрипывал, живот у Яши вылезал вперед—борта на пиджаке натанулись. Смотрел в пол, словно чего-то выискивал. И опять я вспомнил того, далекого Яшу, молчаливого, тихого, с березовым удилицем в руках. А рядом с ним—мальчик, такой же молчаливый, подавленный: где он, где он теперь? И хотелось побыть, раствориться в том далеком видении, но Яша поднял глаза. В глазах—репимость и боль.
— А ты, между прочим, обязан. И сиди, не уваливай! Не каждый день таки гости.
— Какие?

— То ли не знаешь. Уважай передовиков из села!
— Я и так тебя уважаю,—сказал я ему мирным, спокойным голосом, и он усмехнулся.
— Ну, спасибо на том! А вот Файка моя размагнитилась. Но я первый не пойду на поклон. Иголка к нитке не ходит.—Глаза у него стали такие печальные, как будто пришел с похорон. И снова жалость на меня навалилась—как быстро меняется наша душа. Еще минуту назад я презирал его, насмехался, но пришла другая минута—и снова я в его власти. Ему тяжело—и мне вместе с ним. А из окна уже надвигалась ночь. Я силится разглядеть небо и звезды, но так и не мог. Чего-то не хватало, и было грустно. За стеной пианино заснуло, и, видно, потому было грустно. А Яша кусал губу. Ему, наверно, казалось, что наша пауза затянулась, что он где-то сделал ошибку, что нужно снова собрать все силы, идти на приступ. А неприятель был я, и он пошел в штыковую.
— В общем, так, статью от тебя дождусь?! И Файке утрем сопатку. Областная газета—не Петро Логиновских. Живо прибежит вместе с Сашкой. Они ведь ревнуют нашего брата. Как пропечатать про меня—живо хвост подожмет.
— Почему?
— А то ли не ясно? На областную моду попал человек. Теперь только гляди за ним, караул. Люба бабешка прицепится, не отобьешься. Но уж Фаина моя не позволит! Лучше сама вернется. На то и бьем, Федорович!—Он засмеялся, потом опять:—Хитрой я! А как жили-то—люди завидовали! И машина, скот, всяка птица. Двое телят-подростков взяли на мясо. А она бросила одним махом. Нет, здесь что-то не то. Поди, нас изурочили...
Я улынулся—узнавал Яшу. Он и в детстве был такой же мнительный, суеверный.
— Как тебе, Яша, не стыдно?! Ты же молодой еще, а веришь в разных чертей.
— Ну, ладно. Не ругайся, писатель. А лучше торопись, бери факты из первых рук. Так это у вас называется?
— Я же учитель, Яша! А газета—другое дело...
— Не прибуднейся. Бери ручку, пиши!
Я машинально взял ручку, и он сразу заговорил. И снова быстро, уверенно, как по книге:
— Значит, так. На любом участке производства он трудится с душевной выдумкой, огоньком. Недавно Мартюшов выступил на собрании в колхозном гараже и внес предложение—принимать по акту каждую отремонтированную машину. Это, конечно, не ново дело, но в колхозе пока что не делалось. А скотник Мартюшов взял да и выступил с личной инициативой. И заметьте, как раздвинулись горизонты работы—скотник помогает шоферам, механизаторам!.. А в нынешнюю уборку я опять на комбайн попросился. Это про меня в прошлом году написали...
— Логиновских?
— Кто больше? И портретик был. Я стою, поднял руку.
— Как ты запоминаешь? Как стихи учишь или...
— Само оно. Даже вышибат порой, то ли было где-то написано, то ли сам уже от себя.—Он признался доверительным голосом, потом добавил мечтательно:—Если бы в областну попасть! Да-а. Зачесала бы жена право ухо. Да и землячки бы поохали.
— Чудной ты, Яша. Зачем тебе слава?..
— Это ты чудишь, притворяешься. Я же тебе говорил: слава нынче дороже денег. И ты знаешь, и я знаю. Кто на моде, тот и в почете. И я добьюсь любыми путями!
— Любыми, Яша, не надо.
— Э-э, дорогой, ты как Фаина. Век честным не проживешь. А други, други-то! Зайдешь в магазин—шаром покати. А мигнул продавцу—все есть под прилавком. Он—тебе, ты—ему. Хочешь жить?..
— Умей вертеться! Так, что ли, Яша?—Я засмеялся и отвернулся к стене. Опять возвращалась злость.
— Во-во, Федорович! И я у тебя в долгу не останусь. Только помести меня, пусть прочитают. Значит, так, бери ручку, не отставай... «Недавно передового скотника Якова Мартюшова пригласили в школу на воспитательный час. Ребята очень довольны. А потом он ответил на многочисленные вопросы. И волновался и переживал Яков: ведь выступал он в родной восьмилетке. И в этом классе, возможно, даже стояла та парта, на которой сидел в свои детские годы».
— Кончай, Яша! Мы ж с тобой в соседней деревне учились. Всю зиму пешком, на своих двоих. Это потом нам школу построили.
— Вроде так. Но Логиновских не будет врать.
— Оно, конечно, раз Логиновских...—Я усмехнулся, но он не заметил. Смотрел на меня упрямыми глазами и опять барабанил:
— «Ребята спрашивали на разные темы. О кормлении скота, о поенны. А под конец задали: кака у вас, Яков Васильевич, мечта? И он ответил: быть всегда впереди!»
— Кто «он»? Ты, что ли, Яша?—переспросил я и засмеялся.
— А ты не скалься! Имей выдержку, тон. И пиши давай, не отваливай. А то поговорим в одном месте.
И в этот миг зазвонил по телефону. Я вышел в коридор и взял трубку. Звонили из вечерней школы, просили прийти,—я там замещал учителя, и теперь меня все время дергали по ночам. Но сейчас звонок был как спасение. Я вернулся к Яше сияющий:
— Извини, друг. Меня требуют. Приезжай в другой раз, и запишем...
Он молчал, даже не пошевелился. Только глаза стали большие, широкие. Налились, как неспелая слива, зеленым. Щеки тоже раздулись, точно их накачали. Я понял—это молчание перед грозой, и потому гнал события. Лишь бы скорее!..
— Мне срочно в школу. Я собираюсь.
Он задыхался тяжело, с шипением и хлопаньем,—как будто лопнула шина и в прокол хлынул воздух. И когда заговорил, то начал захлебываться:
— Я тебе покажу «срочно в школу»!.. Я тебя выведу на чистую воду! Ишь, завлялся—интеллиго...
— Яша, меня вызывают!
— А ты сними вызов!.. Я тебе не полова тряпка. Я найду ходы-выходы! За передовика горой встанут...—Он еще якал, грозился, но я уже был у двери, вставил ключ. Руки дрожали, не слушались, еле вставил.
— Я все начальство подниму на тебя! Перед всеми раздену.
Но я уже был в коридоре. Он выскочил за мной—я захлопнул дверь. Он кричал вслед, стучал ботинками. Я думал, что он в меня что-то бросит. И только на улице вздохнул посвободней. Из дома вдруг ударило пианино. Это с моего этажа. Но кто же? Да Леночка!—вдруг понял я и прибавил шагу. Музыка летела веселая, звонкая, поднималась все выше и там лопалась, как пузыри. А я почти бежал, как будто спасался, но все равно сквозь музыку мне чудились крики и брань. И только на большой, на широкой улице я стал успокаиваться. Шли люди, шуршали плащами, смеялись. Какое счастье! И я смеялся с толпой.

Рассказываем
об актрисе
Елене ПРОКЛОВОЙ,
лауреате премии
Ленинского
комсомола.

ОТ ДЕРВОВОГО УЛИЦА

Сергей ВИШНЯКОВ.
Фото Игоря ГНЕВАШЕВА
и Николая ГНИСЮКА.

Помните Таню Нечаеву—девочку из фильма «Звонят, откройте дверь!»? Наверное, помните. Прошло уже довольно много времени, а в памяти все еще сохраняется ее серьезный, искренний взгляд, упрямый и одновременно доверчивый, горькие, безутешные слезы и неожиданная улыбка.

Елена Проклова, ныне известная профессиональная актриса, лауреат премии Ленинского комсомола, охотно рассказывает, как впервые попала на съемочную площадку. История действительно занятая. В большинстве пересказов, в которых не хватает всего лишь нескольких деталей, она звучит именно так, как грезились тысячам девочек, мечтающих стать кинозвездами. Тайком от дедушки-кинематографиста привели девочку на «Мосфильм», режиссер увидел ее и понял: это—она! А в конце рассказа—приз за лучшее исполнение женской (не детской, а женской!) роли! С неба падают цветы—подставляй ладони...

А как было на самом деле? Почти так же. Дедушка Лены Виктор Тимофеевич Проклов был когда-то актером, стал потом работать так называемым вторым режиссером, по существу, ближайшим помощником режиссера-постановщика. Когда внучка подросла, он сделал все, чтобы она и не мечтала об актерском поприще. Даже поглядеть, как он работает, и то не разрешал.

Ей было одиннадцать, когда молодой режиссер Александр Митта приступил к постановке фильма по сценарию Александра Володина «Звонят, откройте дверь!». Долго и безуспешно искали исполнительницу главной роли. Дали объявление в «Пионерской правде», после чего на студию пришло около 10 тысяч девочек и даже мальчиков. И тут Митте сказали о внучке второго режиссера. Он спорился с родителями, и однажды поздно вечером Лену привезли на студию.

Первое впечатление было не особенно обещающим: постановщику виделась черноглазая и черноволосая задумчивая девочка, а в павильон привели светленькое, голубоглазое, шустрое существо. Но решили попробовать. Митта предложил Лене разыграть небольшой этюд с помощью автора сценария, оказавшегося здесь. Представь себе, мол, что твой дедушка тяжело заболел, а как вызвать врача по телефону, ты не знаешь и бежишь к соседу-доктору. Он только что пришел домой, усталый после операции, и должен скоро снова идти на работу. И твои слова кажутся ему обычной детской выдумкой. Но ты обязана, понимаешь, обязана уговорить его пойти к вам и помочь дедушке!

Три раза Лена весело вбежала в павильон. И каждый раз понимала: она делает что-то не то. В конце концов режиссер, уже рассердившийся, сказал ей: «Ты не любишь своего дедушку!» А драматург, решивший, что ничего не вышло, поудобнее расположился в кресле: он и в самом деле устал. Но тут с девочкой произошло то, что можно назвать, пожалуй, душевным потрясением. С закипающими на глазах слезами она влетела в павильон, крича, умоляя, хватая за руки этих двух взрослых людей, не желая слушать никаких «хватит!» и «довольно!». Она требовала, чтобы они оба немедленно поехали к ней домой, и заставила их подчиниться.

Видимо, слова режиссера: «Ты не любишь дедушку!»—пробудили в Лене Прокловой ту «истину страстей», которая и движет настоящим актером. Так раскрылась особенность ее дарования—умение

ЗА ЧАС ДО СПЕКТАКЛЯ.

жить в предлагаемых обстоятельствах с какой-то обезоруживающей всех подлинностью чувств, искренностью и, пожалуй, даже душевной незащищенностью...

Потом она заболела и не смогла участвовать в кинопробах, но худсовет утвердил ее заочно, так сильна была убежденность режиссера в том, что именно она должна играть у него...

Иногда дети снимаются в кино легко и весело, словно бы играют в необыкновенную игру. У Лены было по-другому. Дедушка, Виктор Тимофеевич, смирившись с таким поворотом событий, заставил внучку относиться к съемкам с рвением и обязательностью настоящего профессионала. Здесь не могло быть и речи об опоздании хотя бы на минуту, или о незнании задачи на сегодня, или о каких-нибудь детских капризах.

И он же преподавал девочке первые уроки той сложной стратегии выбора, которая определяет творческий путь артиста. Внушил, что талант, способности, одаренность—все это дает результат только при серьезнейшем отношении к тому, что делаешь, при огромной самодисциплине, при полном понимании смысла своей роли. Наконец, при самоограничении. Нужно уметь отказываться и от обычных ребячьих радостей и от соблазна принять вроде

бы лестное, но на самом деле творчески бесперспективное предложение.

— Наша профессия женственна,—говорит повзрослевшая Елена Проклова.— Эта женственность, я думаю, очевиднее всего в материнском, по сути своей, отношении к законченным, отошедшим от тебя ролям... Или, скажем, в необходимости и потребности думать о своей внешности. Но я сейчас—о другом. О выборе. Актер подобен девушке на свиданье, которая сидит у окошка и ждет суженого. Этот вроде бы и хорош собою, да не умен. Тот красив и умен, да староват. согласишься, а вдруг завтра придет твой идеал? Откажешься, а ну как никто больше не посватается? Ситуация усугубляется тем, что выбор надо делать не раз и не два, а каждый год, и тем еще, что артист обязан трудиться, поддерживать себя в форме.

...В тот день, когда в маленьком просмотровом зале «Мосфильма» она впервые увидела законченную картину и себя в ней, ее поразили своей и в то же время не своей голос и эта чужая и в то же время такая знакомая девочка на экране. Она даже немножко испугалась. Но это уже был испуг человека, который, стиснув зубы, поднялся на отвесную скалу и, лишь посмотрев вниз, понял, как это было страшно.

Потом было еще несколько ролей: Герда в «Снежной королеве», Оля в «Переходном возрасте», безымянная девочка в многосерийной телевизионной ленте «Встречи» студии ДЕФА. Медленно накапливала она мастерство и постепенно обретала уверенность, что первая удача не была случайной. Фильм Ричарда Викторова «Переходный возраст» тоже принес ей ежегодный приз, но уже за исполнение детской роли. Последней работой этого периода стала роль Крыси—героини фильма Митты «Гори, гори, моя звезда». В этом угловатом, пробуждающемся, ломком характере проглядывали черты новой—взрослой и сильной—актерской индивидуальности. Роль вызвала интерес не столько тем, что в ней состоялось, получилось, сколько тем, чего можно было ждать от исполнительницы в недалеком будущем.

Но Проклова перестала сниматься. Это было неожиданно. И только спустя годы выяснилось, что она дала честное слово не играть в кино ректору школы-студии МХАТа В. Радомысленскому—лишь при этом условии была она принята в 15 лет на актерский факультет.

— Мне было нелегко в годы учебы,—признается актриса.— Школа-студия стала для меня, как говорится, суровой школой. Мои соученики были в подавляющем большинстве гораздо старше меня, а актерского опыта не имели. И трудно было убедить их, что я не зазнайка, не выскочка, не баловень удачи. Еще сложнее было с педагогами. Снявшись в пяти картинах, я научилась легко, почти без подготовки включаться в заданное состояние души, буквально «впрыгивать» в предлагаемый характер, а надо было по учебному плану проходить все положенные этапы: этюды с предметами, этюды без предметов, отрывки ролей... Преподавателей раздражало, что я предпочитаю играть сразу, без внутренних репетиций, импровизируя. Помню, как я однажды заигралась, изображая юродивую в «ожившей картине» (была и такой

вид обучения), вернее, чувствуя себя ею, и мне сделали форменный выговор: не увлекайся! А почему?

Но я решила учиться и училась. Смотрела на педагогов преданными глазами, со страшным рвением делала все, что полагалось, зубрила, репетировала, жила этим. Думаю, что школа дала мне многое — пусть не все, чему я научилась, относится к актерскому мастерству, но зато относится к актерской профессии. Например, терпение, бесконечное терпение, без которого артисту плохо приходится. Или готовность к борьбе, к открытому соперничеству, к профессиональному состязанию — кинопробы очень часто становятся та-

ким соперничеством. И вообще, роли ведь не падают с неба, свое право на них надо доказывать...

По-видимому, умение легко «включаться», о котором говорит Проклова, особенно необходимо актеру кино. Съёмочная площадка не дает исполнителю времени на разбег, на тщательное формирование своего душевного состояния. Может быть, точнее назвать эту профессиональную способность своего рода влюбчивостью, даром молниеносно, с первого взгляда проникаться острым чувством привязанности к своему персонажу, талантом, едва узнав человека, начать думать и чувствовать, как он. Важно еще вот что. В театре актер в течение спек-

такля проживает жизнь своего героя, в кругу других действующих лиц он постепенно, последовательно приходит к тому, к чему ведут его драматург и режиссер. В кино же он сегодня, скажем, на натурных съемках играет трагическую гибель героя, а завтра в павильоне переживает минуты безоблачного его счастья. Надо не только помнить, каким должен быть этот образ в той или иной декорации, но и уметь быстро и точно восстановить созданное месяцы назад. Тут без «впрыгивания», конечно, не обойтись. Но странный парадокс: огромное большинство тех, кто создал на экране значительные характеры, изо всех сил стремятся работать в театре. Вот и Елена Проклова, когда получила диплом и освободилась от своего обещания, сначала пришла в театр.

— Я тогда проболела целое лето, даже в дипломном спектакле не участвовала. Выздоровела, и вдруг мне говорят: тебя вызывает Олег Николаевич Ефремов. Прихожу. Вся трясусь от страха — шутка ли, сам Ефремов, главный режиссер МХАТа! Он меня спрашивает: «Что бы вы хотели сыграть?» Чувствую, надо отвечать, а слова вымолвить не могу. Банальностей говорить не хочется, а в то, что ради меня он возьмется за новую пьесу, не верю. А он как разгневается: «Что за молодежь такая, ничего не хотят, ни к чему не стремятся! Ну,— спрашивает,— а из мхатовского репертуара что хотела бы сыграть?» Опять молчу, теперь уже вконец запуганная и расстроенная. Олег Николаевич тяжело вздохнул и сжалился, подсказал: «В пьесе «Валентин и Валентина» главную роль?» Тут я облегченно выпалила: «Да!» «Ну, идите оформляйтесь...» С тех пор я уже три года играю в очередь с другими исполнительницами Валентину, Митиль в «Синей птице», Маису в «Кремлевских курантах».

«КЛЮЧ БЕЗ ПРАВА ПЕРЕДАЧИ». МОМЕНТ СЪЕМКИ.

После окончания школы-студии Елена Проклова вернулась в кино. Нагрузка в театре позволяла сниматься одновременно в нескольких картинах. И первой стала роль официантки Тани Фешевой в фильме «Единственная», который снял Иосиф Хейфиц по рассказу Павла Нилина «Дурь». Рассказ удивительный, всего сильнее в нем образ женщины, любящей и любимой, но глубоко несчастной.

Поначалу казался неожиданным выбор, сделанный постановщиком «Единственной». Тем приятнее и интереснее было убедиться в обоснованности такого решения. Теперь уже трудно представить другую Таню Фешеву, с другим лицом и другими глазами.

— Когда я начала сниматься в этом фильме, я испытала редкое чувство — чувство необъяснимой естественности. Как-то раз я пришла в деревню. На меня и на мое платье, туфли, причёску поглядывали с некоторым осуждением, да и я ощущала там себя чужой, заезжей пижонкой. Но вот женщина протянула мне кружку только что надоевшего парного молока. Я никогда раньше не пила парное молоко, но сделала глоток... Да, у парного молока должен быть именно такой нежный, родной, добрый вкус. Все естественно...

В Тане Фешевой меня привлек не характер, не мировоззрение, а устройство души. Она такая, какой ее увидишь. Плохая ли, хорошая — не скажешь. Она просто живет, любит, страдает. Она не может иначе. И у нее не укладывается в голове, почему ее можно за это осуждать. Она искренняя, честная, не изменяющая себе самой, простая душа. И ее надо любить или не любить такой, какая она есть...

Откуда у актера знание того, что он должен передать зрителям? Откуда у Елены Прокловой знание души официантки из провинциального городка, по

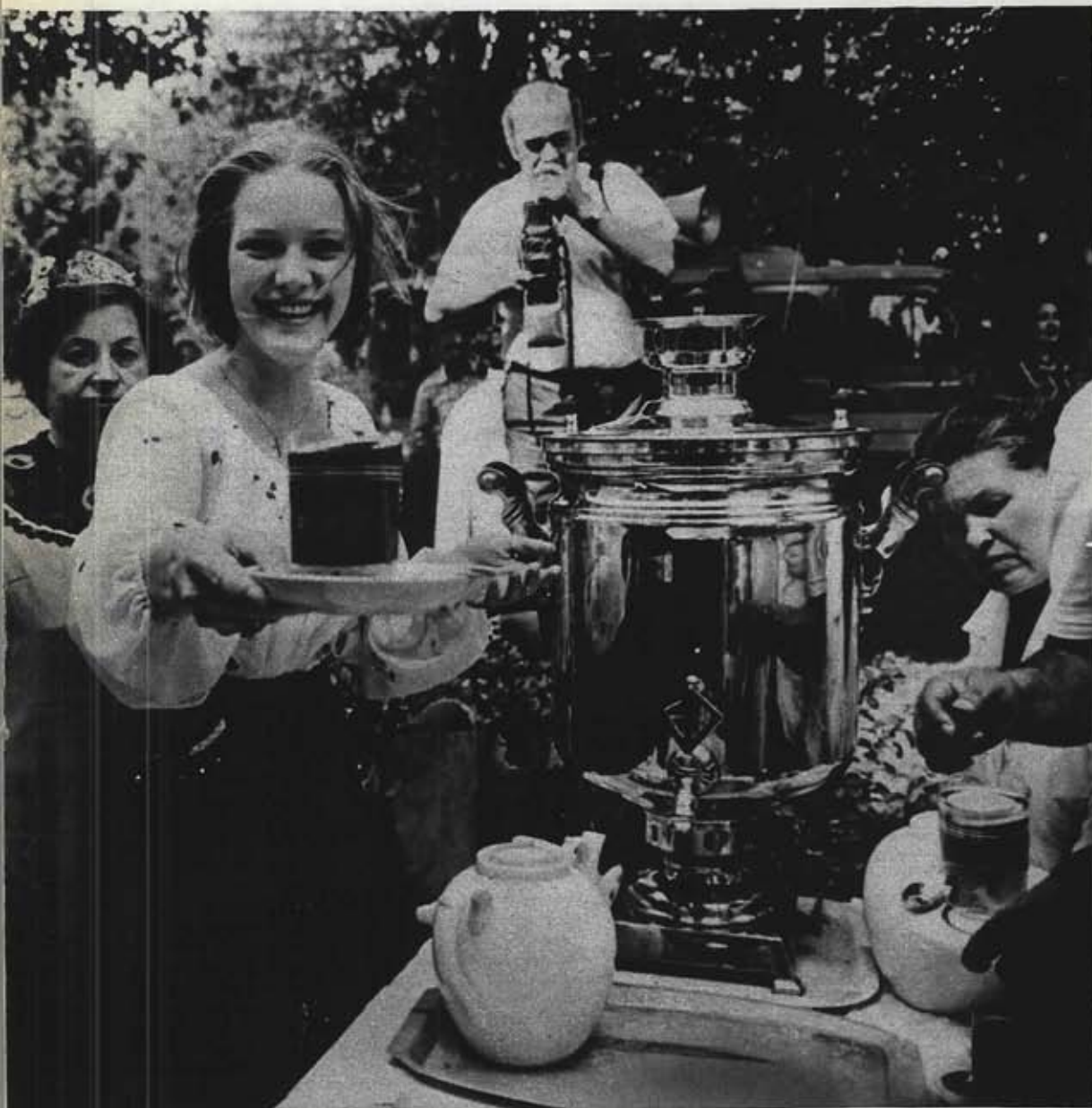
тамошним меркам считающейся весьма легкомысленной? А ведь есть у нее это знание, есть некий эмоциональный опыт, который, воплотившись в роль, заставляет нас поверить в подлинность характера. Это, вероятно, самая большая загадка профессии артиста, который в какой-то миг вдруг находит в себе все, из чего состоит мир его героя...

Проклова строга к себе и своим работам. Любопытно, скажем, что сама актриса оценивает позицию своей героини — учительницы Марины Максимовны — в картине «Ключ без права передачи» несколько иначе, чем, скажем, критики — фильм Динары Асановой вызвал очень широкий и доброжелательный отклик. Большинство зрителей пленилось обаянием юной учительницы литературы, восхищалось тем, что она не «проходит» с ребятами русскую словесность, а прививает им истинную любовь к книге, водит десятиклассников слушать настоящие стихи, воспитывает в них необычайно высокие нравственные принципы.

— ...А я чуть побаиваюсь этого максимализма Марины Максимовны. Как-то смущает меня то, что она, так сказать, приручает неокрепших, не закаленных еще юношей и девушек, заставляя их пренебрегать простыми радостями, свойственными их возрасту. Учит ценить только высокое и нетленное. В конечном счете школа должна готовить человека к той жизни, которая начнется за школьным порогом. А здесь им создаются тепличные духовные условия, ребятам (и исполнителям их ролей, тоже школьникам) будет, наверное, трудно потом. Мне ближе точка зрения директора школы, которого прекрасно сыграл Алексей Петренко. Он учит и крепко стоять на ногах и уважать, по крайней мере не презирать тех, кто не читал Бодлера или Цветаеву.

ГОСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО КИНОФЕСТИВАЛЯ НА «МОСФИЛЬМЕ».

ПОСТИЖЕНИЕ ОБРАЗА...

Елена Проклова много работает и работает интересно. Но утверждает, что ни одна роль не исчерпала ее целиком. Странно, не правда ли?

— Мне кажется, что этого и не должно быть. Если какая-то роль исчерпала душевные ресурсы исполнителя, значит, он не актер, а в лучшем случае удачно найденный режиссером типаж.

Актер — это общеизвестно — выразитель замыслов, идей, представлений и драматурга, и режиссера, и даже оператора. Он, как принято выражаться, полпред всего съемочного коллектива. И в этом качестве Елене Прокловой доводится выступать довольно часто. Недавно актриса побывала у молодых строителей Саяно-Шушенской ГЭС, в августе в составе нашей делегации принимала участие в фестивале дружбы советской и финской молодежи. Елене Прокловой приходится общаться с самой различной аудиторией и прежде всего, разумеется, с кинозрителями. Все это так, конечно. Но слушая ее долгий и откровенный рассказ о своей актерской судьбе, вспоминая сыгранные ею роли, я все-таки пытался понять: от чьего же лица ведет эта актриса диалог с многомиллионной киноаудиторией? Мне кажется, от первого. От своего собственного лица.

САМЫЙ УПРЯМЫЙ КЛИЕНТ

Жорж СИМЕНОН

ПОВЕСТЬ

Глава 1

«МИНИСТЕРСКОЕ КАФЕ»,
ИЛИ ЦАРСТВО ЖОЗЕФА

В анналах полиции еще не было зарегистрировано такого случая, чтобы человек так настойчиво или демонстративно выставлял себя напоказ, пожалуй, даже позировал в течение стольких часов, точнее, шестнадцати, кто приковывал бы к себе, вольно или невольно, внимание десятков людей, из-за чего был специально вызван инспектор Жанвье, который разглядывал его почти в упор. И все же, когда позднее пришлось устанавливать его приметы, то портрет получился невообразимо расплывчатым и неточным—до такой степени, что некоторые—из тех, кто не отличался способностью к воображению,—сочли такое упорство незнакомца неслыханной хитростью.

Но нужно час за часом проследить тот день 3 мая, теплый, солнечный, когда воздух с особыми дуновениями, присущими парижской весне, с утра до ночи врывался в прохладный зал кафе, принося чуть сладковатый аромат каштанов с бульвара Сен-Жермен.

В восемь часов утра, как обычно, Жозеф открыл двери кафе. На нем были жилет и рубашка с засученными рукавами. На полу еще оставались древесные опилки, рассыпанные им накануне после закрытия, стулья громоздились на мраморных столах.

«Министерское кафе», расположенное на углу бульвара Сен-Жермен и улицы Сен-Пер, оставалось одним из немногих парижских кафе, оборудованных еще по старинке. Оно не поддавалось мании устройства стоек для посетителей, которые только и заходят, чтоб быстро уйти. Оно не поддавалось также современной пристроенности к позолоте, скрытому освещению, к облицованным зеркалами колоннам и шатким столикам с пластиковым покрытием.

Это было типичное кафе для завсегдатаев, где у клиентов есть свой излюбленный стол-уголок, своя колода карт или шахматы и где официант Жозеф знал каждого по имени: начальников отделов или референтов министерств, расположенных главным образом по соседству.

Да и сам Жозеф был своего рода персонажем. Тридцать лет он работал официантом в кафе, и его трудно было представить себе, как любого другого, в пиджачном костюме; его бы и не узнали на улице, если б повстречали в пригороде, где он построил себе домик.

Восемь часов утра—время уборки. Двустворчатая дверь, выходящая на бульвар, широко раскрыта. Часть тротуара уже залита солнцем, но внутри царит прохладная голубоватая тень.

Жозеф курит сигарету. Только в это время он позволяет себе курить в заведении. Он зажигает газ под кофейным аппаратом и полирует его потом до зеркального блеска. Затем следует серия чуть ли не ритуальных жестов, сменяющихся в строгом порядке: расставляются на полке бутылки с аперитивами и спиртными напитками, затем выметаются опилки, располагаются вокруг столов стулья...

И вот ровно в восемь часов десять минут вошел человек. Жозеф, склонившись над кофейным аппаратом, не видел, как он заходил, и позднее пожалеет об этом. Влетел ли он как человек, за которым гонятся? Почему выбрал «Министерское кафе»? Ведь как раз напротив, по другую сторону улицы, находилась закусочная, где уже было многолюдно.

Впоследствии Жозеф скажет:

— Я обернулся и вдруг увидел посреди кафе мужчину в серой шляпе, с чемоданчиком в руке.

По сути, кафе казалось открытым—входная дверь была распахнута,—но оно считалось закрытым потому, что в такой час никто сюда обычно не заходил. Кофе не был готов, вода только начинала согреваться в аппарате да и стулья по-прежнему громоздились на столах.

— Я ничего не смогу вам подать раньше чем через добрых полчаса,—сказал Жозеф.

Он решил, что разговор исчерпан. Но посетитель, не выпуская чемоданчика из рук, снял стул с одного стола и уселся. Просто и спокойно, как человек, которого нельзя заставить переменить решение, он пробормотал:

— Это не имеет значения.

Этого было вполне достаточно, чтобы испортить Жозефу настроение. Он походил на тех домашних хозяек, которые не терпят, когда кто-то во время уборки путается у них под ногами. Час «надраивания» был его часом. И он процедил сквозь зубы:

— Долгонько же придется тебе дожидаться своего кофе!

До девяти часов он спокойно проделывал свою каждодневную работу, то и дело украдкой поглядывая на клиента. Десять, двадцать раз он проходил совсем рядом с ним, задевал, даже чуть толкал его, то выметая опилки, то снимая стулья со столов.

Наконец, в девять с минутами Жозеф надумал подать клиенту чашку горячего, как кипятка, кофе, молочник со сливками и два кусочка сахара на блюде.

— У вас нет рогаляков?

— Их можно купить напротив.

— Это не имеет значения.

Любопытно: упрямый клиент, который должен был понимать, что он мешает, что здесь ему не место, что не время сейчас расслаживаться в «Министерском кафе», униженностью своей вызывал нечто похожее на симпатию.

Что-то еще в нем начинало нравиться Жозефу, а ведь он привык к посетителям, которые зааживали, чтобы просто посидеть на бархатных диванчиках. В течение целого часа этот человек ни разу не пытался вытащить из кармана газету, не просил, чтоб ему ее подали, не заглядывал в телефонные справочники или адресные книги. Он даже не заговаривал с официантом, не закидывал ногу за ногу, не курил.

Крайне редко встречаются люди, способные просидеть в течение часа в кафе, не шевелясь, не поглядывая поминутно на часы, так или иначе не проявляя нетерпения. А этот посетитель если и ждал кого-нибудь, то проявлял при этом поразительное спокойствие.

В десять часов, когда «надраивание» закончилось, он все еще оставался на своем месте. Одна любопытная деталь: уселся он не подле окна, а в самой глубине зала, рядом с лестницей красного дерева, ведущей в туалетные комнаты. Именно по этой лестнице Жозефу нужно было спуститься, чтобы переодеться. С помощью рукоятки он уже опустил оранжевый тент, сумрачный зал слегка осветился.

Но прежде чем сойти вниз, Жозеф побренчал мелочью в жилетном кармане в надежде, что клиент поймет намек, надумает расплатиться и уйдет.

Ничуть не бывало. И Жозеф ушел, оставив посетителя одного, сменил манишку с пристяжным воротником, причесался и надел короткую куртку из альпага.

Когда он вернулся в зал, клиент сидел на том же месте перед пустой чашкой. Пришла кассирша, мадемуазель Берта, уселась за кассовый аппарат, вынула из сумочки нужные предметы и принялась раскладывать жетоны в аккуратные стопочки.

Мадемуазель Берта и Жозеф переглянулись. Кассирша—полная, рыхлая, розовая и спокойная, с волосами, обесцвеченными перекисью,—принялась разглядывать клиента с высоты своего табурета.

— Он мне показался очень мягким, вполне приличным, но я подумала, что усы у него крашенные, как у полковника.

У клиента были усики вверх концами, видно, завитые щипцами, и цвет у них был иссиня-черный,—такой бывает при окраске.

Поставщик привез лед—еще один утренний ритуал. Колоссальный мужчина с мешковиной на плече вносил молочно-мутные блоки, ронявшие на пол прозрачные капли, и закладывал их в морозильный шкаф.

Колосс этот потом скажет,—он тоже заметил странного клиента:

— Мне он казался похожим на тюленя.

Почему на тюленя, этого он объяснить не смог.

Жозеф, следуя обычному распорядку, снял с длинных держалок вчерашние дневные газеты и заменил их вечерними.

— Вас не затруднит передать мне одну из них?

Вот это да! Клиент заговорил. Голос мягкий, даже как будто робкий.

— Вам какую? «Ле Тан»? «Ле Фигаро», «Ле Деба»?

— Это не имеет значения.

Ответ навел Жозефа на мысль, что посетитель, очевидно, не парижанин. Но он, пожалуй, и не иностранец: акцента у него не было. Скорее всего провинциал, только что прибывший в столицу. Однако вокзала поблизости нет. Почему же, сойдя с поезда еще до восьми утра, он прошел несколько кварталов с чемоданом, чтобы расположиться в явно незнакомом ему кафе? У Жозефа была прекрасная память на лица: никогда ранее не видел он этого человека. Бывало, конечно, что в «Министерское кафе» заходили случайные посетители, но они быстро чувствовали, что им здесь не место, и тут же уходили.

Одиннадцать часов утра. Время появления хозяина месье Моннэ, который спускается из своей квартиры. Он свежеевыбрит, седоватые волосы тщательно приглажены, на нем серый костюм и неизменные лакированные туфли. Месье Моннэ уже давно мог бы отойти от дел,—для каждого из своих детей он приобрел в провинции кафе. Жить в Париже он продолжает только потому, что этот уголок бульвара Сен-Жермен—единственное место в мире, где он может жить и где клиенты—его друзья.

— Все в порядке, Жозеф?

Хозяин тут же замечает клиента и чашку кофе перед ним. Его взгляд становится вопрошающим. И официант, нагнувшись из-за стойки, шепчет:

— Он здесь с восьми утра...

Потирая руки, месье Моннэ похаживает мимо незнакомца, как бы приглашая его вступить в разговор. Хозяин любит поболтать со своими клиентами, играет с ними в карты или домино, знает о маленьких семейных тайнах и о разных мелких событиях на службе.

Посетитель и усом не ведет.

— Он показался мне крайне усталым, словно провел бессонную ночь в поезде,—скажет потом в своих показаниях месье Моннэ.

У всех троих, Жозефа, мадемуазель Берты и хозяина, Мегрэ позднее спросит:

— Быть может, он кого-то высматривал на улице?

Но ответы будут совсем разными.

Месье Моннэ:

— Нет.

Кассирша:

— Мне показалось, что он поджидает женщину.

И, наконец, Жозеф:

— Несколько раз я ловил его на том, что он поглядывал на бар напротив, но он тут же отводил глаза.

В одиннадцать двадцать незнакомец заказал стакан «виши». Кое-кто из клиентов пьет минеральную воду, но их знают, и причина такой привычки известна. К примеру, полковник Блан из Военного министерства соблюдает диету. Машинально Жозеф отмечает, что клиент не курит и не пьет, что бывает довольно редко.

В последующие два часа никто больше им не интересуется, так как настало время аперитивов; появляется все больше завсегдатаев, официант заранее знает, что и кому подать, на какие столики принести карты.

— Гарсон...

Ровно час дня. Незнакомец все еще сидит на том же месте, его чемоданчик стоит под обитым красным бархатом диванчиком. Жозеф делает вид, будто у него спрашивают счет, вполголоса подсчитывает и говорит:

— Восемь с половиной франков.

— Не могли бы вы подать мне бутерброд?

— Сожалею, но бутербродов не держим.

— И даже булочек нет?

— Мы не подаем никакой еды.

Это и правда и ложь. Случается, что по вечерам игрокам в бридж, не успевшим поужинать, подают бутерброды с ветчиной. Но это делается в порядке исключения.

Клиент кивает головой и шепчет:

— Это не имеет значения...

Жозефа на этот раз поражает легкое подрагивание губ и отрешенное, болезненное выражение лица незнакомца.

— Подать что-нибудь еще?

— Еще чашку кофе и побольше молока.

ЕНТ НА СВЕТЕ

Перевели с французского
Л. БОГОМОЛОВА и Ф. ФЛОРИЧ.

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

Он просто голоден и рассчитывает, что молоко хоть чуточку его подкрепит. Он больше не просит газет, а ту, что взял, прочел от первой до последней строчки, включая объявления.

Пришел полковник и был очень недоволен, что незнакомец занял его место; полковник больше всего боялся сквозняков и считал весенние дни самыми предательскими.

Жюль, второй официант, который после трех лет службы так и не обрел облика настоящего гарсона кафе, пришел в час тридцать. Жозеф ушел за стеклянную перегородку, чтобы съесть завтрак, который ему принесли с первого этажа.

Почему у Жюля сложилось впечатление, что незнакомец похож на торговца коврами или земляными орехами?

— Он мне не показался прямодушным. Мне не понравилась его манера смотреть исподлобья, а физиономия была при этом какая-то сладковатая, липкая. Будь моя воля, выставил бы его за дверь, — здесь ведь и в самом деле не закусовая!

И другие посетители тоже заметили этого человека, особенно вечером, в это время он все еще оставался на том же месте.

Потом в силу случая станут известны наблюдения профессионала, однако и они окажутся столь же мало существенными, как и все остальные.

Еще в начале своей работы официантом Жозеф десять лет служил в «Брассери Дофин» — кафе, расположенном в нескольких шагах от Кэ д'Орфевр, куда заходило большинство комиссаров и инспекторов уголовной полиции. Жозеф подружился с одним из лучших сотрудников Мегрэ, инспектором Жанвье, на своянице которого он потом женился, став таким образом как бы его родственником.

В три часа после полудня, видя, что клиент не покидает своего места, Жозеф разозлился уже не на шутку. Одно за другим он стал строить предположения, говорил себе, что такое упрямство клиента объясняется вовсе не тем, что ему так уж по душе атмосфера «Министерского кафе», а просто у него есть основательные причины не уходить.

Выйдя из поезда, рассуждал Жозеф, этот человек заметил, что за ним следят, и на всякий случай зашел в кафе, чтобы скрыться от полиции.

Жозеф позвонил на Кэ д'Орфевр, в уголовную полицию, и попросил соединить его с Жанвье.

— У меня здесь весьма странный клиент, который сидит в своем углу с восьми утра и, видимо, твердо решил не двигаться с места. Он ничего не ел. Не кажется ли вам, что стоит заглянуть к нам и посмотреть на этого типа?

Жанвье, человек добросовестный, захватил последние списки и фотографии разыскиваемых лиц и отправился на бульвар Сен-Жермен.

Любопытное совпадение: когда Жанвье зашел в кафе, там никого не было.

— Смысла? — спросил инспектор у Жозефа.
Но тот указал на спуск в подвальное помещение.
— Попросил жетон и пошел вниз позвонить по телефону.

Жаль! Приди инспектор на несколько минут раньше, он мог бы предупредить службу подслушивания и узнать, кому и зачем тот тип звонит.

Жанвье уселся и заказал себе кальвадос. Незнакомец вскоре вернулся и занял свое место, все такой же спокойный, может, несколько озабоченный, но без нервозности. Жозефу, который уже к нему пригляделся, показалось, что он вроде даже расслабился.

Добрых двадцать минут Жанвье рассматривал клиента с ног до головы. Вполне достаточно, чтобы сравнить это полноватое, немного расплывчатое лицо со всеми фотографиями разыскиваемых типов. В конце концов он пожал плечами.

— В наших списках его нет, — сказал он Жозефу. — Думаю, что это просто несчастный малый, которого надула женщина. Видимо, страховая агент или что-то в этом роде.

Жанвье даже пошутил:

— Не удивлюсь, если окажется, что он агент похоронного бюро... Во всяком случае, я не имею права просить его предъявить документы. Нет такого правила, которое запрещало бы человеку сидеть в кафе сколько ему вздумается и оставаться без еды.

Они еще немного поболтали с Жозефом, и Жанвье вернулся на Кэ д'Орфевр, потом у них произошло совещание с Мегрэ по поводу подпольного игорного дома, и он позабыл рассказать комиссару об этом типе с бульвара Сен-Жермен.

Несмотря на тент, затенявший витрины, косые лучи солнца уже проникали в кафе. В пять часов три столика заняли игроки в белот. За одним из столиков напротив незнакомца играл хозяин, изредка бросавший на него взгляд.

В шесть часов зал был переполнен. Жозеф и Жюль сновали между столиками, балансируя подносами с бутылками и рюмками, и запах перно стал постепенно перебивать сладковатый аромат каштанов.

В такие часы у каждого из официантов был свой сектор. Столик незнакомца оказался в секторе Жю-

ля, менее наблюдательного, чем Жозеф. Кроме того, Жюль то и дело уходил за стойку, чтобы пропустить стаканчик белого вина, и с наступлением вечера события стали путаться в его голове.

Потом он сумел лишь вспомнить, что в кафе вошла женщина.

— Брюнетка, мило одетая, приличная на вид, вовсе не из тех женщин, которые заходят в кафе, чтобы завязать разговор с клиентами...

Словом, если верить Жюлю, это была одна из тех женщин, которые посещают общественные места лишь для того, чтобы встретиться там с мужем. В то время еще оставалось три или четыре свободных столика. Она села за тот, что был рядом со столиком незнакомца.

— Уверен, что они не говорили друг с другом. Она заказала портвейн. Помнится, что, кроме сумочки из коричневой или черной кожи, у нее был пакетик, перевязанный шпательком. Вначале он лежал на столе. Когда же я принес вино, его уже там не было, наверно, она его положила рядом с собой на диванчик.

Жаль! Жозеф очень бы хотел увидеть эту женщину. На нее обратила внимание и мадемуазель Берта с высоты своего сиденья за кассой.

— Она произвела приятное впечатление, — лицо почти без косметики, синий костюм с белой блузкой. Не знаю почему, но мне показалось, что она незамужняя.

До восьми вечера, то есть до обеденного часа, поток клиентов не иссякал. Позднее в зале стало свободнее. В девять часов было занято только шесть столиков: за четырьмя сидели шахматисты, за двумя — игроки в бридж, которые неизменно сражались здесь ежедневно.

— Ясно одно, — скажет потом Жозеф, — тот мужчина понимал толк и в шахматах и в бридже. Могу поклясться, что он даже силен в этих играх. Я понял это по взглядам, которые он бросал на своих соседей, по его манере следить за игрой.

Значит, клиент не так уж был поглощен своими мыслями... Или, может, Жозеф ошибся?

В десять вечера были заняты только три столика. Работники министерств ложатся спать рано. В девять тридцать ушел с работы Жюль: его жена ожидала ребенка, и он договорился с Жозефом, что в эти дни будет освобождаться пораньше.

Посетитель все еще оставался на месте. С восьми утра он выпил три чашечки кофе, стакан «виши» и стакан лимонада. Он не курил. Не пил ничего спиртного. Утром прочитал «Ле Тан». После полудня у разносчика, сновавшего между столиками, купил вечернюю газету.

Как всегда, в одиннадцать часов Жозеф стал складывать стулья на столы и посыпать опилками пол, хотя за двумя столиками все еще продолжалась игра.

Чуть позже, когда партия закончилась, месье Монне пожал руки своим партнерам — среди них был и полковник — и отправился наверх спать, унося дневную выручку в полотняном мешке, куда мадемуазель Берта положила банкноты и разменную монету.

Выходя, он еще раз взглянул на упрямого клиента, о котором весь вечер говорили заведующий кафе, и сказал Жозефу:

— Если он станет доставлять неприятности, позвоните мне...

Стоило нажать кнопку за стойкой, как в квартире хозяина раздавался звонок.

Вот и все. Когда на следующий день Мегрэ начал расследование, никаких других сведений он не получил.

Мадемуазель Берта уходила без десяти одиннадцать, чтобы не пропустить последний автобус на Эпине, где она жила.

Она тоже в последний раз внимательно посмотрела на клиента.

— Не скажу, чтобы он показался мне взвинченным. Но и спокойным он также не был. Если бы, к примеру, я повстречалась с ним на улице, то испугалась бы, понимаете? А если бы он сошел вместе со мной с автобуса в Эпине, то я не решилась бы идти домой одна...

— Почему?
— У него был взгляд «внутри себя»...
— Как это понять?
— Казалось, все вокруг ему безразлично.
— Шторы уже были спущены?
— Нет. Жозеф их опускает лишь в самую последнюю минуту.

— С вашего места виден угол улицы и кафе-бар напротив... Не заметили ли, чтобы там прохаживался кто-нибудь подозрительный? Не казалось ли, что кто-то подкарауливает вашего клиента?

— Нет, не заметила... Как на бульваре Сен-Жермен, так и на улице Сен-Пер всегда спокойно, там постоянно проходят люди... Да и в кафе-бар то и дело одни входят, другие из него выходят...

— Выйдя на улицу, вы тоже никого не заметили?
— Никого... Впрочем, да. На углу стоял постовой... Все верно, это подтвердил и квартальный комис-

сар. К сожалению, полицейский должен был вскоре покинуть свой пост.

Два столика... Супружеская пара, зашедшая выпить аперитив после кино, люди хорошо известные — врач с женой, которые живут поблизости и часто заходят в «Министерское кафе» перед возвращением домой. В тот момент они уже расплачивались.

Позднее врач заметит:

— Мы сидели как раз напротив, и я заметил, что вид у этого клиента нездоровый.

— Чем он болен, по-вашему?

— Все всякого сомнения, у него болят печень.

— Сколько ему лет, как вы думаете?

— Трудно сказать, я не так уж пристально к нему пригляделся, как мне хотелось бы сейчас. По моему, он из числа тех людей, что выглядят старше своих лет... Может, ему сорок пять или даже больше, усы-то ведь крашенные...

— А они действительно крашенные?

— Мне так показалось... Но у меня были пациенты тридцати пяти лет с такой же дряблой и бесцветной кожей, такие же, как вы потухшие...

— Может, он так выглядел, потому что с самого утра ничего не ел?

— Возможно... Но мой диагноз остается в силе: плохой желудок, плохая печень — и добавлю: плохой кишечник...

За последним столиком все еще продолжалась партия в бридж. Она закончилась только без десяти двенадцать.

— Господа, мы закрываем, — вежливо предупредил Жозеф, раскладывая последние стулья на столах.

Он получил деньги с игроков, а тот клиент даже не пошевелился. И тогда — потом он в этом признался — официанта обурял страх.

Нужно было попросить заведующего задержаться на несколько минут, чтобы иметь время выставить за дверь незнакомца. Но Жозеф не решился к ним обратиться, так как четыре игрока, выходя, продолжали обсуждать ход игры и, прежде чем разойтись, даже остановились на углу бульвара Сен-Жермен.

— С вас причитается восемнадцать франков семьдесят пять сантимов.

Они были одни в кафе, где Жозеф уже выключил половину ламп.

— На самом углу стойки я поставил сифон, — признался потом он Мегрэ, — и стоило ему пошевелиться, я бы стукнул его по голове.

— Для этого вы и сифон подвинули?

Совершенно очевидно, что за шестнадцать часов, проведенных в обществе загадочного клиента, нервы Жозефа взвинтились до крайнего предела. Человек этот как бы стал его личным врагом. Официант был недалеко от мысли, что и сидит он здесь лишь для того, чтобы сыграть с ним плохую шутку или, когда они останутся одни, напасть на него и ограбить.

И все же тут Жозеф допустил оплошность. Пока клиент, оставаясь на месте, искал по карманам деньги, официант, боясь опоздать на свой автобус, стал опускать все шторы. Правда, дверь по-прежнему оставалась широко раскрытой, и на тротуаре бульвара Сен-Жермен все еще появлялись прохожие.

— Гарсон, получите...

Двадцать один франк. Два франка двадцать пять сантимов чашевых за целый день! Официант в сердцах было не швырнул сдачу, и только огромная профессиональная выдержка этому помешала.

— Может, вы к-тому же и побавались его, — заметил Мегрэ.

— Право, не знаю. Во всяком случае, мне не терпелось поскорее от него избавиться... За всю мою жизнь ни один клиент не приводил меня в такую ярость... Если бы я только мог утром предположить, что он проторчит здесь весь день!

— Где именно вы стояли, когда он выходил?

— Дайте вспомнить... Сначала я напомнил ему, что его чемоданчик стоит под диваном, — он чуть было его не позабыл...

— Он был недоволен, что вы об этом напомнили?

— Нет...

— Обрадовался?

— Также нет... Был безразличен... Из всех спокойных типов, кланусь, этот самый спокойный... Я повидал всяких клиентов, но чтобы просидеть шестнадцать часов за мраморным столиком и не почувствовать, как по ногам бегают мурашки...

— Так где же вы все-таки стояли?

— Подле кассы... Пробивал восемнадцать франков семьдесят пять сантимов... Вы заметили, что у нас две двери — большая двустворчатая, выходящая на бульвар, и узкая, ведущая на улицу Сен-Пер... Когда он направился к ней, я хотел было сказать, что он не туда идет, но потом только пожал плечами, — в конечном счете мне-то было все равно... Оставалось только переодеться и запереть кафе.

— В какой руке он держал чемоданчик?

— Не обратил внимания...

— А вы не заметили, держал ли он руку в кармане?

— Не знаю... Пальто на нем не было... Стулья на столах загромождали его от меня. Он вышел...

— Вы оставались на том же месте?

— Да. Точно вот здесь... Я вытаскивал чеки из кассового аппарата... Другой рукой вынимал из кармана последние жетоны... Услышал выстрел... Звук едва ли был громче тех, что раздаются здесь круглый день, когда портятся моторы у автомобилей. Но я тут же понял, что это не машина... И сам себе сказал: «Ну вот! Его все-таки подстрелили!» В таких случаях мысли приходят с необыкновенной быстротой. За свою жизнь мне доводилось присутствовать при очень серьезных драках. Такая уж у меня служба. И меня всегда удивляло, как скоропалительна при этом мысль... Я сам на себя разозлился... Ведь он оказался просто несчастным типом, который здесь прятался, ибо знал, что стоит ему высунуть нос наружу, как его тут же прикончат... Меня мучила совесть... Он ничего не ел... Может, у него и денег-то не было, чтобы вызвать такси и прыгнуть в него раньше, чем тот, кто его подстерегал, успеет нацеливаться?..

— И вы не поспешили на улицу?

— Ну... Если говорить честно... — Жозеф испытывал неловкость. — Кажется, какое-то время я оставался на месте, размышляя... У меня жена и трое ребят, понимаете?... Сперва я нажал кнопку звонка, связанного со спальней хозяина. Потом раздалась торопливые шаги людей, голоса, женщина сказала: «Не вмешивайся, Гастон!» Свисток полицейского... Вот тут я вышел... На улице Сен-Пер стояли трое мужчин — это в нескольких метрах от нашей двери.

— В восьми метрах, — уточнил Мегрэ, сверяясь с донесением.

— Возможно... Я не измерял... Над распростертым на земле телом склонился какой-то человек. Потом я узнал, что это был врач, который возвращался из театра, тоже наш клиент... У нас много клиентов среди врачей... Он распрямился, говоря: «Ну, этот свои счета покончил!». Пуля вошла в затылок и вышла через левый глаз». Подошел полицейский... Я знал, что меня станут допрашивать. Хотите верить, хотите нет, но я не мог решиться взглянуть на землю... От слов доктора, особенно о левом глазе, все внутри у меня перевернулось... Не хотелось видеть своего клиента в таком виде, с пустой глазницей... Я говорил себе, что тут есть и моя вина, что я должен был... Но что я мог сделать на самом-то деле?..

У меня и до сих пор стоит в ушах голос полицейского, который держал в руках блокнот и спрашивал: «Кто-нибудь его знает?» И только тут я решился наконец наклониться, посмотреть и кланусь вам, месье Мегрэ, — ведь вы меня знаете столько лет, тысячу раз я подавал вам пиво и кальвадос в «Брассери Дофин», — кланусь, что в жизни я не испытал такого волнения. ЭТО БЫЛ НЕ ОН!.. Какой-то совершенно неизвестный мне тип, я его никогда не видел, высокий блондин, который был в бежевом плаще, несмотря на то, что день был так прекрасен, а вечер настолько теплый, что хоть ночуй на улице... У меня отлегло от сердца... Может, это и глупо, но я был очень доволен, что не обманулся... Если бы мой клиент оказался убитым, а не убитым, я бы всю жизнь казнил себя... Видите ли, с самого утра я чувствовал, что этот тип не такой уж правоверный... Готов был поклониться, положив руку в огонь... Ведь не зря же я позвонил Жанвье.

Только вот Жанвье, хоть он мне почти что шурин, ничего, кроме своих инструкций, не видит... Вы только представьте, спросил бы он документы у клиента после того, как его вызвал... Уверен, что они не были в порядке... Разве честный человек проторчит весь день в кафе, чтобы под конец в полночь убить кого-то на тротуаре?.. И заметьте, с какой быстротой он скрылся... После выстрела ни одна душа его не видела. Если бы не он стрелял, то он мог бы остаться на месте... Ведь он и десяти метров не смог бы пробежать после того, как я услышал выстрел... Но я себя спрашиваю: за каким делом сюда приходила женщина — та, которой Жюль подал портвейн? Ведь я не сомневаюсь, что приходила она ради этого типа... К нам не так уж часто заходят женщины, которых никто не сопровождает... Не такое у нас заведение.

— Но я думал, — возразил Мегрэ, — что они друг с другом не разговаривали...

— А разве обязательно нужно разговаривать?.. Когда она вошла, у нее был пакетик, верно? Жюль его видел, а он не лгун. Он заметил его сперва на столе, а потом, когда его там уже не оказалось, Жюль подумал, что она переложила пакет на диванчик... А когда дама выходила, мадемуазель Берта провожала ее взглядом... Ей так понравилась ее сумочка, она захотела и себе купить такую же. Так вот, мадемуазель Берта не заметила в руках у дамы никакого пакетика. Такие-то вещи, согласитесь сами, не ускользают от внимания женщин. Говорите что хотите, но я по-прежнему думаю, что провел целый день в обществе убийцы и, несомненно, счастливо отделался!..

Окончание следует.

Красота родной земли

АМУР

Михаил БЕЛОВ.
Фото Владимира ЧЕИШВИЛИ.
Специальные корреспонденты «Смены».

Амур — крупнейшая река нашей страны, протяженность ее от истока реки Аргунь до устья, включая Амурский лиман, 4440 километров. Среди других рек Азии Амур уступает только Янцзы и Меконгу. Площадь бассейна Амура — 1855 квадратных километров, по этому показателю он занимает четвертое место среди наших рек после Оби, Енисея и Лены и десятое место среди рек земного шара.

Все эти географические данные, небезытересные сами по себе, пригодятся нам, и их надо бы запомнить, потому что разговор у нас дальше пойдет об Амуре, о людях, населяющих его берега, о городах и селах, построенных ими, о красоте приамурских просторов.

Рожденный среди степей и сопок, Амур течет с запада на восток, прихватывая в пути воды больших и малых таежных и горных рек, чтобы скорее стать одной из величайших водных магистралей страны. И становится ею! Становится у Хабаровска, приняв в себя воды Зеи, Буреи, Сунгари и Усури.

У Хабаровского утеса Амур особенно величествен и красив. Мощные потоки

МОЛОДЫЕ ДОКЕРЫ.

воды, ударяясь о базальтовые скалы и не в силах сдвинуть их с места, круто сворачивают на северо-запад, к левому берегу, образуя великое множество бешено крутящихся воронок. Они поглощают в свое чрево все, что попадает на пути. Вращаясь, воронки уходят за утес и там в плавном танце уплывают вниз.

Может быть, на этот утес поднимался Ерофей Хабаров, положивший начало освоению Приамурья. Поднимался, чтобы осмотреть окрестности и порадоваться своим открытиям привольных земель. Примечательно, что слово «хабар» означает «удача». Так толкует его Владимир Даль и так его понимали в Вологодской губернии, откуда родом Ерофей Хабаров. Удачными людьми были Хабаровы, коли носили такую фамилию. И самым хабарным в роде Хабаровых был Ерофей Павлович.

Это после него русские люди хлынули на Амур. Тамбовские мужики, оседая на диких берегах, называли свои поселения Тамбовками, вятские — Вятками, владимирские — Владимировками, костромские — Костромами... Названия первых русских поселений сохранились по сей день. И сейчас под Хабаровском сразу три Воронежа и две Тамбовки. Нанай-

ские и ульчские названия сел и поселений перемежаются с русскими: Сикач-Алян, Троицкое, Нерген, Софийское, Булава, Богородское...

Хабаровск основан в 1858 году, а городом назван в 1880 году. Русский писатель Н. Гарин-Михайловский, побывавший в Приамурье в конце прошлого века, писал: «...серенький Хабаровск тянется по овражкам рядами деревянных, без всякой архитектуры, построек... Жителей 15 тысяч. Но, очевидно, это не предел, город продолжает строиться». А еще говорили про Хабаровск: в нем две дыры и три горы. На трех горах теперь пролегли лучшие магистрали города — улицы Ленина, Карла Маркса и Серышева.

*Исчезнет облаков курчавая отара,
Предутренний рассеется дымок.*

И вот встает хребтами крыш

*Хабаровск
На гребнях трех задумчивых холмов.*

А «две дыры» — овраги Чердымовка и Плюсика — сегодня отыскать совсем невозможно. Тенистыми аллеями и яркими цветниками манят сюда горожан Амурский и Уссурийский бульвары.

Город громадным полукружием лежит на излучине Амура и тянется с юга на север почти на пятьдесят километров. Утес находится в середине этой линии, как бы скрепляя союз реки и города. Амур и Хабаровск — они неотделимы друг от друга. И оба прекрасны. В любое время года.

Приходит зима. Ты сидишь дома и читаешь книгу. Ты оставляешь книгу и оглядываешься: в комнате будто посветлело. Подходишь к окну и замираешь: на бульваре свежий слой сверкающего снега, а сверху сыплются и сыплются новые мириады снежинок. Полчаса, не меньше, ты стоишь у окна, глядя, как мимо несутся снежные хлопья, как на бульваре исчезают впадины и тропинки, как белая окантовка ложится на черные ветви деревьев. Потом ты одеваешься и выходишь на улицу. В парке пустынно. И на утесе никого. На Амуре снег и тишина. Тишина и снег. Ты глядишь вниз и в белой пелене замечаешь темные пятна. Это рыбаки — неугомонное племя — уже «машут» над лунками.

Весна в городе наступает неожиданно. Март на исходе, и солнце светит ярко, и ветры дуют, не переставая, а тепла нет и луж нет. На Амуре еще держатся зимние дороги. Но снег на улицах и в скверах ноздреватый, тронешь — рассыплется, да и воробьи галдят повеселенному. А в середине апреля вдруг придешь на утес и видишь: уже ледоход, а еще вчера Амур лежал сплошным белым полем. Ну и чудеса! Ты спускаешься на берег и слышишь серебристые голоса льдинок...

Летом в городе жарко и так много солнца, что можно ослепнуть. Бывают дни, когда асфальт плавится под его яркими лучами. Пляжи переполнены. По субботам и воскресеньям полгорода садится на моторки, теплоходы, баржи с толкачами и отправляется на многочисленные острова и протоки.

Осенью полукружие окутано золотистым дымком. На набережных пылают желтым пламенем тополя. С кленов падают оранжевые лапчатые листья. Опаившая листва печально шуршит под ногами. А на Амуре осенний ледоход. Плынут, сталкиваясь друг с другом, льдины к морю, печально звенят, налетают на песчаную косу и замирают...

Речные ворота — самые старинные ворота города. Сколько людей прошло через них! Голубые дороги Амурского речного пароходства протянулись сегодня на семнадцать с лишним тысяч километров, через Охотское море они пролегли в Охотск, Магадан, в японский город-побратим Ниигату. Новые ворота города на Амуре — Хабаровский аэропорт, один из крупнейших в стране — пропускает в год миллионы пассажиров. Самолеты улетают в Москву и Анадырь, на Сахалин и в Киев, в Токио и Улан-Батор... Более пятидесяти пассажир-

ских поездов ежедневно принимают и отправляют железнодорожные ворота города.

На привокзальной площади приезжих встречает сам Ерофей Хабаров. Он стоит на гранитном постаменте в накинутой на плечо шубе, в заломленной шапке, как бы обращаясь к гостям: «Добро пожаловать в мой город. Хабар вам в пионерном крае!»

Он прав, бронзовый Хабаров. Наш город — город удачников. И 724 из них — однофамильцы Ерофея Павловича. Фамилия Хабаровых — из самых распространенных в Хабаровске. Ее носят многие известные люди Приамурья. Теми же водными путями, что и его легендарный однофамилец, плавают самый молодой капитан Амурского пароходства Геннадий Хабаров. Доставляя грузы в районы строительства БАМа, его теплоход проходит за сутки расстояние, преодолеть которое на кочках (парусных подках) когда-то можно было лишь за месяц. Самой современной техникой владеют сегодня речники. И, конечно, среди ее создателей тоже есть Хабаровы. Слесарем на судостроительном заводе до недавнего времени работал отец Геннадия — Николай Александрович. Ему уже за шестьдесят, но на пенсию он ушел в дни празднования Великого Октября, к юбилею которого завершил свою личную пятилетку. Отец Николая Александровича был мастером, жил здесь же, на берегу Амура. Его семья ютилась в полуразвалившейся землянке. А семья слесаря Хабарова живет в благоустроенной трехкомнатной квартире. К слову сказать, возводил этот дом опять же Хабаров — Федор Петрович, строитель с 35-летним стажем.

Но, конечно, не только Хабаровыми славен Хабаровск.

Двадцать лет назад приехал сюда по путевке комсомола Иван Гамалей, здесь приобрел профессию, стал опытным строителем, потом бригадиром, вступил в Коммунистическую партию, удостоился высокого звания Героя Социалистического Труда. Гамалей со своей бригадой одним из первых в стране начал сооружать дома из крупных панелей. Слава о нем давно перешагнула за пределы города. Подсчитано: бригадой Гамалея построено столько домов, что из них можно составить улицу длиной в четырнадцать километров.

На старейшем заводе «Дальдизель» двадцать Панасенко, семь из них — рабочие, одиннадцать — инженеры и техники, двое — служащие. Общий трудовой стаж этой династии составляет около восьмисот лет. Глава династии Петр Евстафьевич — слесарь инструментальщик, коммунист, общественный деятель, Герой Социалистического Труда. «В нашей семье, — говорит Петр Евстафьевич, — есть представители почти всех главных на заводе профессий. Если собрать нас и расставить по технологической цепочке, то мы сможем изготовить от начала до конца судовую двигатель. Найдется кому и испытать дизель на стенде и даже отвезти на склад готовую продукцию. Семья наша дружная, хабарная...»

Удачливых людей в Хабаровске много. Влюбленные в Амур, в его просторы, они навсегда связали свои судьбы с этим городом. Город удачи! Полнее, наверное, не скажешь!

Мы с вами, читатель, выезжаем из Хабаровска через речные ворота города. Позади остались и утес и амурский мост, берега стали низкими, более отлогими. Где основное русло реки, не поймешь. Амур «ушел» в протоки. Берега то сближаются, то разбегаются. Садится солнце и колдовскими переливами красит небо и тальники. На тихой глади воды оранжевые всплески — щука вышла на охоту за мелкой рыбешкой. Откуда-то тянет дымком. Поворот — и взору открываются костры на берегу, домики, лоскутки огородов, рыбацкие сети на вешалах. Это Дада, большое нанайское село. Катер мягко тычет в песчаный берег, и мы сходим на землю.

Рустем КУТУЙ

*Час осени... Приходит дивный час.
Стихает ветер, и за красной баней
высокий тополь — чистая свеча —
струит негаснущее пламя.
Латунные осыпались листья.
Октябрь настраивает лиру.
Час осени... Горят мои мосты.
И я один на жердочке пред миром.
Но вот он наступает, дивный час,
и сердце растворяет двери.
Вчера все было. А сейчас —
мгновение, в которое я верил.*

Час осени — мой час...

Гость

*В деревню ты приехал, городской.
К тому ж еще поэт...
Не просто так явился на постой.
О нет!
Вот подорожник простой,
два деревца с негромкою листвою,
а там околица
и мост как будто бы резной...*

*Ну вот и встретился с родимой стороной.
И тут тебя охватит болью —
счастливой, сладостной, звучащей волной
к деревне подступает поле.
У клуба девушки режутся,
джигиты возле к срубам приросли.
Конечно, скоро будут танцы
на пятачке остуженной земли.
Красивый вечер. Светят сигаретки.
Немногословный разговор.
Телега. Коновязь. Забор.
В деревне нет секретов,
все на виду здесь с давних пор.
И сам ты здесь, как на ладошке,
не блудный сын, но и не свой,
хоть свет и теплится в окошке
за погибающей листвою.
И вдруг в какой-то миг прослышишь,
и запылает голова:
половой с зерен
по-над сельской тишью
прочь улетают чужеродные слова.*

*Теперь о дочери я чаще вспоминаю,
она приходит в полусне.
Там лист скользит, а там — тишайший снег.
И посерединке девочка больная.*

Мой друг, нанайский писатель Григорий Ходжер, перед отъездом сказал, что нас встретит директор школы Юна Николаевич Бельды. Хорошо иметь такого друга, как Ходжер, у него на Амуре кругом родственники. Недаром свою первую документальную повесть он назвал «Амур — река родственников». Так и есть, спешит к нам Юна Николаевич — издал приветливо машет рукой. Ему под пятьдесят, а выглядит он совсем молодым: подвижен, строен, улыбка.

Юна Николаевич приглашает в гости. Просторный, светлый дом сельского интеллигента. Мы пьем чай с лимонником. Хозяйка ставит на стол тарелки с крупной черной смородиной, крыжовником, в вазе — ароматный липовый мед. Все это свое, домашнее. Хозяин рассказывает о прошлом и настоящем, сопоставляет, сравнивает.

Испокон веков нанайцы были охотниками, ходили за соболями, добывали белку и лис. В вечной погоне за удачей охотник удалялся от родных мест, добирался до отрогов Джугджур, углублялся в дебри Уссурийской тайги. Порою удача отворачивалась от охотника: проходило ползими, а в мешке еще ни одного хвоста. И тогда — нечем платить долги. Тогда — голодная смерть. По данным Приамурского отдела Русского географического общества, год от года нанайцев становилось на один процент меньше. В одной из книг того времени приват-доцент Дальневосточного университета утверждал, что «гольды (нанайцы) через 70 лет совершенно вымрут».

Великий Октябрь круто изменил судьбы всех малых народностей нашей страны. За годы Советской власти численность нанайского населения на Амуре увеличилась с шести с половиной до десяти тысяч. Не сбылось предсказание «просвещенного» приват-доцента. Ушли в безвозвратное прошлое времена, когда охотник, помогая собакам на крутых речных кривунах и водоразделах, сотни километров тянул свою нарту, чтобы добыть пушнину и прокормить семью. Сейчас в тайге на охотничьих угодьях построены избышки, а охотников к местам промысла доставляют на вертолетах. Народ посветлел ликом, набрался сил, здоровья и мудрости. Я перевожу глаза с предмета на предмет: вполне современная европейская квартира, только самобытные нанайские ковры придают ей национальный колорит.

А вот каким увидел в свое время нанайское жилье писатель и путешественник В. К. Арсеньев: «Вдоль стен с трех сторон тянулись каны, сложенные из камней. Они имели ширину в рост чело-

века и покрыты были циночками, сплетенными из тростника. Потолка в фанзе нет вовсе: крыша поставлена прямо на стены, а сверху под самым коньком сделано небольшое отверстие для выхода дыма. Пол земляной. Очагов два. Печи часто дымят. Поэтому все предметы, находящиеся в фанзе выше роста человека, так закопчены, что не всегда удаётся узнать, что именно находится под слоем копоти». Эти наблюдения были сделаны Арсеньевым в амурском селе Найхин, где тогда в восемнадцати фанзах жили 136 человек.

В такой фанзе родился Сулунгу Оненко, первый нанайский ученый, ныне заведующий сектором языка народов Сибири в Институте истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР. В такой же фанзе родились Павел, Максим, Александр, Иннокентий Пассары.

Ныне Найхин — это большое современное село с добротными домами, с двумя школами, клубом, больницей. Над крышами — телевизионные антенны. Пассары в селе занимают семь домов. Вся их жизнь связана с Амуром и тайгой, которые кормили их и служили дорогами летом и зимой. Добрый, трудолюбивый род.

Деды нынешних Пассаров устанавливали Советскую власть на Амуре, отцы защищали Родину в годы Великой Отечественной войны. Первый ушел на фронт Павел Пассар. Когда он пал смертью храбрых, на смену ему пришел Максим Пассар. В первом же бою под Сталинградом Максим, который любил приговаривать: «Зверя в нос бьем, шкура снимаем, шуба шьем», — уничтожил двенадцать гитлеровцев, всего же на его счету двести тридцать фашистов. Гитлеровцы боялись «амурского тигра» и охотились за ним. В сорок третьем году батарея шестиствольных минометов накрыла рошу, где замаскировался Пассар... Похоронили его на окраине Сталинграда, а потом прах славного нанайского воина был перенесен в братскую могилу на площади Павших Борцов, где горит Вечный огонь. Снайперскую винтовку старшего брата принял Иннокентий. Место в строю защитников города на Волге занял и Александр Пассар, который за мужество и отвагу был удостоен звания Героя Советского Союза.

Так таежная, на сто дворов нанайская деревушка навеки породнилась с большим русским городом. «Письмом в Европу» назвал поэму о подвигах своих братьев самый младший из старшего поколения Пассаров, поэт Андрей Пассар.

...Одна из самых ярких страниц новейшей истории великой реки — Амурск, город, выросший на месте нанайского се-

Она всегда казалась мне больной, в глазах огромных боль сквозила. Под ней вращался шар земной, и каблучки несла живая сила. Я так боялся — упадет, как будто ей начертано паденье, и не поможет в еженощном бденье ничей спасительный полет. А жили мы на разных полюсах, разъединенные чужой причудой. Так на лице задумчивом глаза живут воспоминанием о чуде...

Мне в детстве обещали карусель. Никуда не деться: зашел я в круг и сел. Понесло меня, дурачка, будто глаза полетели, по плечам застучали деревья. Было удивление, от себя удаление, словно я умножился и в каждом стеклышке отражался...

Сошел на землю — карусель за спиной: динь! Земля большая, и я один.

За горами война, за горами обуглилась большой головой... А здесь ласточки разыгрались над остренькой травой. Тополь гнезда качает, клею весны пропах. Как по стовору нечаянному, мужики в белом хрусте рубах подле вишен беседуют. Тишина. Покой. Из одного кисета табачок крутой. Хлеб в сельмаге дышит душисто. Бугор на воду лег, как утюг. «Егор-то, Егор-то, мшь ты, справил новенькую культу... Разопьем бутылочку, а, Егорка?» Вожжи враскрутку: «Пошел!» Нынче сладко в краю, не горько. День победы. Не воздух — шелк. Щелк! — кнутом... А там за горами нога Егорова проросла: в камень вцепившись корнями, сосенка — чистое пламя, заплаканная краса.

ла Падали. Село перенесли на новое место, государство отпустило на переселение около миллиона рублей. Однако многие жители села, особенно молодежь, остались строить новый город. Но город не только нанайский, он в такой же мере и русский, и латвийский, и украинский, и узбекский...

Он летом зеленым приветлив, Он осенью яростно ярк В сплетенье конструкций и веток, С плакатами вдоль тротуаров. Он кажется парусом алым, Далекой, еще не открытой Планетой амурских туманов С прекрасною Азлитой...

Когда плывешь по Амуру, город открывается как-то сразу сказочным бело-снежным кораблем среди гигантских зеленых волн. Многоэтажные ансамбли, подчеркивая причудливый рельеф сопки и распадков, создают сложную панораму, теснят тайгу, а она опирается, окружает и подпирает город густой изгородью из зелени. Оттуда, с холмов и распадков, бегут к Амуру улицы с каскадами домов, асфальтом тротуаров, скверами. И встречает их набережная, названная Амурской, где всегда многолюдно. Одни приходят любоваться Амуром, другие — встречать теплоходы, третьи — рыбачить. Праздники зимы тоже устраиваются на набережной. Горят костры, пекутся блины и оладьи, из пузатых самоваров льется горячий чай, и носятся по набережной тройки с бубенчиками. А с неба падают и падают пушистые снежинки...

Амурск — город лесохимиков. Корпуса целлюлозно-картонного комбината в глубине, за несколько километров от набережной. Сегодня комбинат выпускает сотни тонн целлюлозы ежесуточно. А что такое целлюлоза, знает каждый. Из нее можно сделать бумагу, шелк, женскую шубку и многое другое. Сырье для комбината рядом. На безбрежных просторах амурской тайги около четвертой части союзных запасов ели и пихты. Используй богатство разумно, по-хозяйски, и его хватит на сотни лет.

Чуть ниже по течению путешественников радушно встречает старший брат Амурска — легендарный Комсомольск-на-Амуре. Сегодня это большой индустриальный центр Дальнего Востока. Ровен и ритмичен трудовой шаг комсомольчан. Они в бесперывном движении вперед, поэтому жизнь у них полнится радостью. Конечно же, в таком большом городе есть институты, техникумы, училища, есть клубы, дворцы культуры, парки, драматический театр, студия те-

левидения и радиовещания, кинотеатры. Только нет древних кремлей, нет зданий, овеянных ветрами столетий. О самом давнем событии в истории Комсомольска напоминает установленный на берегу Амура гранитный валун. На нем вырублены слова: «Здесь 10 мая 1932 года высадились первые комсомольцы — строители города».

Сразу же за Комсомольском берега еще в зелени, но чем дальше на север, тем заметнее дыхание осени. Тайга стоит желтая, оранжевая, пурпуровая. Сопки с каменистыми россыпями на вершинах сжимают Амур с обеих сторон. Великолепен, особенно когда смотришь с реки, Самсонов утес. Это высокая, с острой вершиной сопка, словно распиленная гигантской пилой пополам. Левая половина рассыпалась и ушла в Амур, правая круто уходит вверх. А там на малюсенькой площадочке — «Ласточкино гнездо» — беленький домик с высокой мачтой, на которой реют разноцветные сигнальные флаги. У подножия утеса — громадные черные валуны. Веками бьются о них холодные воды Амура, стремительно поворачивая в этом месте к другому берегу, а за утесом — тихая заводь, где печальные ивы роняют в воду желтые листья...

Мы свернули в один из последних больших притоков Амура — в светлые струи Амгуню. Это, пожалуй, самая безлюдная река в бассейне Амура. И самая красивая. Она не течет, а именно струится меж крутых берегов, прозрачная и холодная.

Поднявшись вверх по реке километров на двадцать, раскинули лагерь. Прошлись по берегу, прислушиваясь к многоголосому шуму реки. Воздух пропитан густым ароматом хвои, прохладной воды и еще чем-то особенно таежным, очень вкусным. Напротив нашей стоянки — падь, оттуда с высоты пятидесяти метров в Амгуню низвергается горная речушка. Она сверкает как хрусталь. Хочется потрогать ее рукой — может быть, правда хрустеть?

Склоны пади сплошь покрыты кустами дикого шиповника и рододендрона. А вершины, в лиловой дымке днем, к вечеру заиграли всеми переливами красок — от золотой до огненно-красной, затем лиловой и, наконец, иссиня-черной. А когда за вершинами встала молодая луна, на бледно-зеленом небе вырезались силуэты гор. Взора не оторвать!

Вечером мы наловили рыбы и сварили тройную уху с запасом на утро. Но утром «запаса» не обнаружили, ведро из-под ухи валялось на берегу около катера. Кто же это похозяйничал? Мой напарник шагнул к катеру и тут же отпрянул

назад. Да и было от чего — на сиденье, удобно устроившись, преспокойно спал медвежонок.

Разбуженный нашим шумом, ночной гость с ревом бросился прямо в воду и поплыл к берегу, там сел у хрустального водопода и сидел все время, пока мы кипятили и пили чай, с интересом наблюдая за нами. Путешествие наше подходило к концу, и мы охотно поделились с медвежонком запасами продуктов, оставив ему вполне приличный завтрак.

Уже в катере я рассказал своему попутчику еще об одной, вспомнившейся мне таежной встрече.

От Бичевой, поселка в среднем течении реки Хор, основанного украинскими переселенцами в начале века, я добрался на газике до «Южного». Проезжали места лесозаготовок — долины, поросшие ольшаником и березой с редкими островками молодого кедрача. На пятнадцатом километре шел дождь, на тридцать втором его сменил снег, на сорок первом небо очистилось, и выглянуло солнце. А дорога все так же петляла по распадкам и склонам сопки.

Постепенно в этом однообразии начали появляться черты и черточки, сливавшиеся в нечто новое. Лес стал выше и гуще. Столетние кедрки обступили машину со всех сторон. Мы поднимались вверх, в такой простор, с такой открывающейся за ним широкой горизонтальной, какую редко случается видеть. Мы поднимались, а мир за нашей спиной падал, и за этой опускающейся бездной из зелени вырастала во всю линию огромного горизонта величественная панорама сопки, долин, ущелий. Слово вырубленная гигантским топором, стояла стена скалы.

Мы были на Амбанском перевале, который в народе называют тигриньим.

Шофер почему-то вдруг сбавил скорость, и я не успел спросить, почему, как впереди, метрах в пятидесяти от «газика» увидел двух тигров, ленивой трусцой бегущих друг за другом. Отрывистые гудки машины, казалось, нисколько не смущали властелинов тайги — оглянувшись назад, они спокойно продолжали свой путь. Но вдруг тигр, который бежал вторым, встал поперек дороги и оскалил зубы. Вытянув шею и шевеля усами, двухметровый красавец долго принюхивался к незнакомым запахам и, как показалось, всматривался в наши лица, потом резко прыгнул с дороги в тайгу, лишь мелькнуло над землей полосатое тело. Его товарищ, покрупнее размером, еще несколько минут бежал по дороге, прежде чем скрыться в чаще.

Шофер дал полный газ. Мы стремительно проскочили место, где укрылись тигры. Но они и не собирались преследовать нас. Видимо, в тайге у них были дела поважнее.

В таежной гостинице, где мы тогда остановились, мой рассказ о необычной встрече не произвел на слушателей особого впечатления. Такие случаи, оказывается, здесь не редкость. Хорская тайга с древних времен была жилищем тигра. Сейчас в тайгу пришел человек. Но ведь возможно и мирное сосуществование?

...«Сидим в Николаевске-на-Амуре, куда прилетели на самолете, над совершенно дикими и дьявольски красивыми местами мы летели... Все, что здесь в крае творится, настолько необыкновенно... На этом материале можно делать десятки сценариев и романов, но факты действительности бьют всякий вымысел», — писал Александр Фадеев 24 сентября 1933 года.

Мимо этих «дьявольски красивых мест» плывем и мы. До Николаевска остается семьдесят километров. Минув низменный остров, теплоход выходит на простор. Амур расплеснулся здесь широко, километров на десять. Кругом синеют гористые берега, горят желтым бездымным пламенем распадки между сопки, и трудно понять, куда бежит Амур, но знает капитан, куда, и держит курс на мыс. А из-за мыса выплывает клубящееся белое облако и расплывается по реке. Порыв ветра, второй,

третий, и... загулял Амур. Посередине уже катятся огромные волны с белопенными гребнями. Запахло в воздухе надвигающимся штормом. А с Николаевской набережной, заложив правую руку за борт офицерского сюртука, спокойно наблюдает за разбушевавшейся стихией основатель города Г. И. Невельской. Серебристый памятник стоит на взгорке перед управлением морского порта.

«Завоевание устьев Амура является одним из самых крупных шагов цивилизации», — писал о подвиге Г. И. Невельского А. И. Герцен.

«Первого августа я достиг мыса Куенга и здесь, в присутствии собравшихся из окрестных деревень гуляков и при салюте из фальконета и ружей, поднял русский военный флаг. Оставив при флаге военный пост, названный мною Николаевским и состоявший из шести человек матросов при фальконете и шлюпке, я сам отправился дальше», — заносит в дневник Г. И. Невельской в 1850 году.

В годы иностранной интервенции Николаевск был почти полностью уничтожен, чудом уцелело только несколько зданий. «Николаевск сожжен, ему никогда не подняться из пепла», — такую судьбу предрекали городу белогвардейцы из Харбина.

А город есть. Неоновые огни на улицах. Зеркальные витрины магазинов. Это прежде всего бросается в глаза. Лишь потом видится то, что называется местным колоритом. Его создают рыбаки, моряки и речники, молодые бородачи, только что вернувшиеся из геологических экспедиций. Людской поток движется, спешит, штурмует столовые, рестораны, и тысячи уст повторяют главное слово города: «Путина».

...Дорога стремительно взбирается на сопку и так же стремительно падает в распадки, кружит у лимана, почти касаясь прибрежной полосы воды. Моросит мелкий дождь. Серым плащом стелется небо. Безлюдье — на огромном пространстве редко встретишь человеческое жилье. Машина выскакивает в узкую долину, широким растробом выходящую в лиман. На берегу — фигура рыбака. Седой красивый старик.

— Максим Емельянович Шульга, юнга с «Авроры», матрос Балтики, ныне бакенщик, — представляется рыбак.

И сразу же повеяло огненным дыханием семнадцатого года: красногвардейцы с ярко-алыми бантами, матросы в тельняшках, опоясанные пулеметными лентами. Гулкий топот ног у Зимнего дворца в ветреную осеннюю ночь...

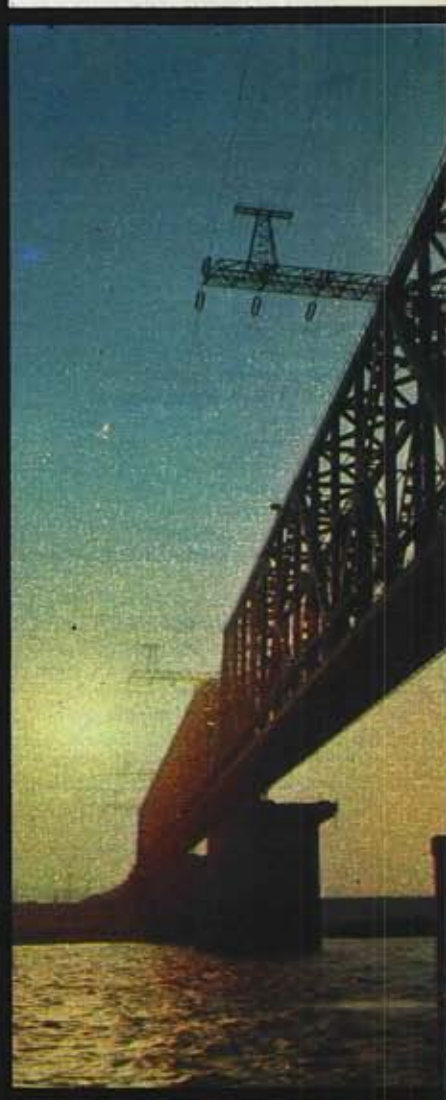
— Я сам с Гомельщины, — продолжает между тем Шульга. — Долгие годы плавал на Балтике, демобилизовался, вышел на пенсию, но жить на Гомельщине уже не мог: привык к морю. Приехал в низовье Амура — лиман, что море, широк, разная рыба в нем водится...

Да, рыбный промысел — самый древний в здешних краях. И сегодня Нижний Амур славится рыбой.

Оремфи — рыбная база колхоза имени Ленина. Поселок стоит в окружении густой тайги. Аккуратные деревянные дома с белыми занавесками, клуб, школа, столовая, магазин, пекарня. На берегу — приемный плот, засольный цех, ледник. Всем хозяйством управляет мастер со знаменитой фамилией Ермак. Глаза пронзительные. О таких глазах говорят — ястребиные. Может быть, он потомок того Ермака, который, как поется в песне, сидел на «диком бреге Иртыша»? Василий Яковлевич смеется и качает головой.

На плоту жизнь идет своим чередом. Резчицы быстро и сноровисто разделяются с бело-серебристыми кетинами. Подавая только! Не успеешь оглянуться — кета распотрошена, ястыки икры летят в ящик, сами рыбины — на стол мойщик, оттуда по транспортеру — к засольным чанам.

Икорный цех. Здесь кудесничает русоволосая, сероглазая Галина Серебрякова. Перед ней на стеклянной крышке

НАСКАЛЬНЫЕ РИСУНКИ НА БЕРЕГУ АМУРА.

стола икра, подсвеченная снизу электрическим светом. Одни икринки она откладывает в сторону, другие лопаточкой бросает в крутобокий бочонок, целые ряды которых стоят тут же у стенки: посмотришь—кажется, что маки в поле цветут.

Пахнет рыбой, дождем и еще чем-то хорошим, очень свежим и веселым. Сказочная музыка—шум волн, порывы ветра, шорох транспортеров—стелется над лиманом, цепляется за берега и упирается за сопки...

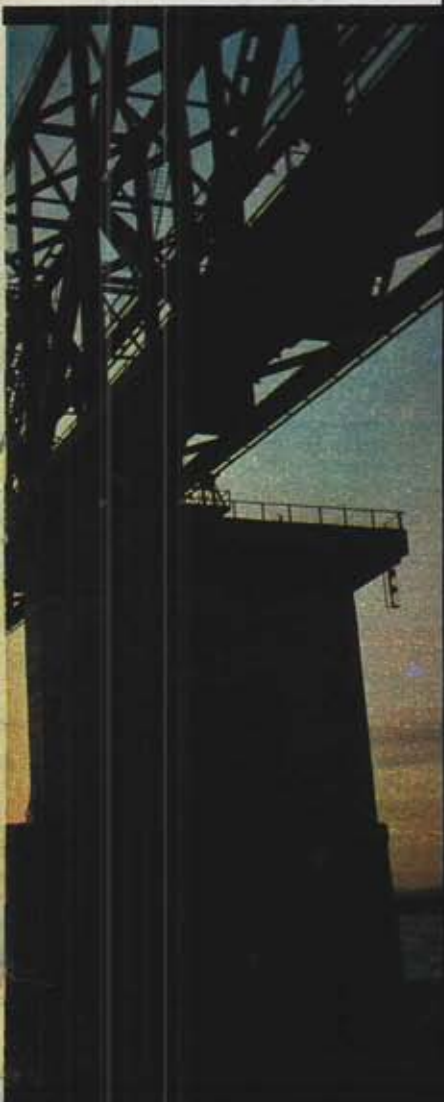
В бухточке стоит рыболовный флот колхоза—промысловые катера и сейнеры, сошедшие со ступеней Николаевского судостроительного завода. Завод этот известен всему Дальнему Востоку, а в Николаевске-на-Амуре—самое крупное предприятие. Оно снабжает промысловыми морскими судами рыбаков Камчатки, Сахалина, Советской Гавани. Колхозный флот отремонтирован, подготовлен и только ждет команду, чтобы выйти в Тихий океан на осенне-зимнюю путину.

...И опять стремительный спуск и стремительный подъем. Слева крутая

УЛЬЧИ—КОРЕННЫЕ ЖИТЕЛИ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА.

КРУПНЕЙШИЙ МОСТ БАМа.

ДАРЫ АМУРА.

МОЛОДОСТЬ «НАШЕНСКОГО КРАЯ».

каменная стена, окаймленная сверху густым зеленым ельником, справа все тот же безбрежный лиман.

Поздно вечером возвращаемся в Николаевск. Красив в своем вечернем сиянии город на «краю России». Стоит он на конечной точке великой реки, там, где Амур «скреживает шпагу» с Охотским морем, где граница между речными и морскими створными знаками. Белыми лебедями в густеющих сумерках кажутся издали морские буксиры, заночевавшие на рейде. У причальной линии расчерчивают небо громады порталных кранов. Шестикилометровую ширь Амура пересекает лунная дорожка, в зеркальной глади воды отражаются тысячи портовых огней.

На высоком берегу стрелой в небо поднимается подсвеченный снизу обелиск в честь мореходов и землепроходцев, поднявших русский флаг на этих далеких землях. Рядом с обелиском раскинулся пионерский парк. Это — хозяйство самых юных граждан города, тех, кому нести в грядущее эстафету старших поколений, продолжать их труд, приумножать их славу.

**НАБЕРЕЖНАЯ ХАБАРОВСКА.
ГОРОД СТРОИТСЯ И МОЛОДЕЕТ.**

«КАЖДЫЙ ИЗ НАС ВЫРАСТЕТ НАСТОЯЩИМ ЧЕЛОВЕКОМ, ПРЕДАННЫМ ВЕЛИКОЙ СТРАНЕ СОЦИАЛИЗМА»

Итоги конкурса
на самое интересное
читательское письмо

ПАМЯТНЫЕ УРОКИ

Никогда не забуду своего отца — друга, учителя. Чем старше становилось, тем глубже понимаю его уроки жизни.

— Правда, — говорил он, — это не красная девица, что всем нравится. Это — умение выдержать, отстоять, доказать свое. И насколько это будет трудно, настолько достовернее ее смысл, ее право на жизнь.

Помню его разговор с мужиками вечером при керосиновой лампе. Он вспоминает годы войны, а я лежу тихо, будто сплю, а сам все слушаю:

— Немцы уже рвутся к Москве, а нас, новобранцев, в тылу еще всяким приемам да военной тактике обучают. — Хватит! — кричат ребята. — Мы фашистов и так передумим, голыми руками. Смотрите, какие мы молодцы, как на подбор, и кулачицы по печному горшку! Потом под Волоколамском, и под Оршей, и по всей земле русской матушке начался великий бой... Помню, я от взрыва скатился в овраг и ползу, а навстречу раненый командир взвода Сапронов. — Убей, — говорит, — меня, убей, не могу больше! Повернул я его на спину, собрал внутренности на шинель и думаю: может, выберемся. Даже страх прошел: ведь мы вдвоем теперь. Но недолго он жил. Все Риту звал...

Многое еще я услышал тогда. Нам-то, ребятам, отец ничего не рассказывал, все как-то некогда было: зимой мы учились; до школы пять километров топать, — мать пораньше нас спать укладывала. А летом он сам с утра до ночи в поле на своем «детешке», как мы прозвали его трактор «ДТ». Смотрю я на сегодняшних мужчин, чуть ли не ровесников его, и думаю: неужели мой отец мог бы стать таким «от времени», какими некоторые становятся? Помню, ночью однажды проснулся я от сту-

ка в дверь. Кто-то приходил к отцу за помощью. Натянул я свои самошитые, бескарманные брюки, фуфайку материнскую — и следом за ними. Присел сзади на трактор, чтобы отец не видел. Потом он, конечно, заметил, когда в Пронихином рву машину прицепляли стали, но ничего не сказал, только в сторону отвел. Дело осенью было. Ночь морозная, холодно, а мне не до того, обида была: почему у моего отца такой трактор слабенький, что машину вытащить не может? А трактор-то и один на гору никак не въедет: земля ледяной коркой покрылась, колеса вертятся, а трактор назад бежит. Тропинка над крутым обрывом была узка и наклонна, и сердце мое замирало при каждом вздохе мотора, а пальцы крепче сжимали холодный металл. Как меня ни гнали, ни уговаривали мужики, не мог я отойти от отца: вместе с ним переживал.

Все помню, каждый шаг отца, движения его и скупые слова. «Учиться надо, сынок» — это осталось для меня главной заповедью. С виду-то все кажется обычно и просто, а задуматься — так это был опытный, настоящий учитель, потому что он ненавязчиво, не словами, а собственной жизнью воспитывал нас. Сейчас я все это понимаю, но где мне тогда было разобраться в его глубоком, чутком и богатом духовном опыте, в его безошибочной, цельной жизни?

Понимание придет ко мне только потом, после его смерти...

Понял я, что в жизни есть общедоступная школа, которую кончают, однако, немногие и в которой отец был педагогом, — это школа правды.

Николай СУД,
Московская обл.

По характеру я не самый сговорчивый человек. Уж если мне втемяшилось в голову проехать на велосипеде 5 тысяч километров, то я обязательно проеду.

И вот я в пути. Так хорошо! Ощущаю себя чертовски удалым и отважным парнем. И мысли мои бойки, как маршевая музыка.

Конечно, я понимаю: человек способен поступать безрассудно, но не безумно. Если мы не совершили никаких дел в молодости, если нам никогда не приходилось напрягать все свои силы, то нам не о чем будет вспоминать, — ведь победа над собой есть лучшая из побед.

На второй день руки натерты до крови. На седьмой день пути пыль проселочных дорог покрыла меня толстым слоем с головы до ног. Были происшествия: то на меня напала свора бродячих псов, и я еле отбил от них; то вдруг гвоздь проколол шину велосипеда, и я остался на пустынной дороге без надежды на помощь. Тарахтение мотора я воспринял сначала как мираж. Шофер грузовой машины, улыбаясь, предложил свою помощь. Однако же то и дело застревали, и я бегал босой по кюветам у дороги, собирая сучья под скаты. А под вечер засели на болоте — и засели все-таки. Ночью в кабине я вспомнил о своем дне рождения — увы, прошедшем.

А вот другой эпизод. Над Иртышом поползли зловещие языки туч, дохнуло холодом, хлестануло ветром с песком. Никогда еще не ощущал я такой гнетущей тоски. Но вот под-вернувшееся село, приют у добрых стариков, обед с картошкой в сметане и безмятежнейший за всю мою одиссею сон, который влил в меня новые силы.

После крюка Новосибирск — Павлодар — Омск, где я еще как бы брал разгон, мною окончательно завладела страсть крутить на запад, через Челябинск, Уфу, Куйбышев, а там уже повернуть на Кавказ.

Дорога открывала мне истины, которые я не сумел прочувствовать раньше: узнавал, как человеку нужен человек, как важно дорожить крышей над головой, чистой постелью, возможностью утолить голод и жажду. Открывал в людях удивительную щедрость и доброту и сам становился уверенней в себе и доверчивее к ним.

На двадцать пятый день я переваливал Урал. После Уфы на счету было 3 тысячи километров, в основном по грунтовым дорогам. И вдруг я почувствовал страшную усталость, апатию. В Пензе меня потянуло на железнодорожный вокзал, да, к счастью, испугался очереди за билетами.

Миновал Саратов, Волгоград, Волгодонск, приближался к Ростову-на-Дону. Отменная дорога и участвительный ветерок в спину уже с середины дня сулили рекорд. Наконец я возликовал: есть 220 километров в день и ни малейшей усталости! Для любителя это прекрасно.

На сорок пятый день я достиг, наконец, Кавказа. Терек, Дарьяльское ущелье, Военно-Грузинская дорога — сколько об этом было читано! Теперь я пожираю глазами дивные окрестности. Меня предупредили о надвигающейся грозе, которая могла меня застигнуть на Крестовом перевале; на высоте свыше 2 тысяч метров. Предлагали подвезти вместе с велосипедом: грузины — добрейший народ. Я отказался, рассчитывая на будущее удовольствие при спуске за перевалом, ради которого, быть может, стоило крутить 5 тысяч километров...

Ливень с грозой налетели столь неожиданно, что я лишь успел убраться с дороги и расположиться на камне, развернув над головой полиэтиленовую пленку. От грохота и огнистых полыханий, каких я прежде не представлял себе, голова моя ушла в плечи, я стал ждать самого страшного. Зигзаги молний врезались в землю то слева, то справа, все ближе и ближе.

Так я и торчал живым изваянием на голом камне, промерзнув до зубной чечетки. Потом я стал соображать, что если уж не погибну от молнии, то за ночь наверняка замерзну.

И вдруг мне стало все ни о чем: вышел на дорогу, вскочил в седло и, себе на удивление, пошел одолевать подъем, тогда как до этого места полдня взбирался пешком. На перевале я неожиданно увидел жилище, огни очага, силуэты людей... Назавтра я въехал в Тбилиси, счастливый тем, что преодолел.

Владимир АНДРЕЕВ,
Кемерово

ЛЮБИМИЦА БАТАЛЬОНА

В конце сентября 1943 года 3-й стрелковый батальон 730-го стрелкового полка 204-й стрелковой дивизии, в котором санитруктором служила Ксения Константинова, вел тяжелые бои за участок шоссе на дороге, идущей из Смоленска на Витебск, у деревни Изгорки. Батальон нес большие потери. Ксения еле успевала выносить в безопасное место раненых.

В полдень наши войска выбили немцев из деревни. Ксения в это время возвращалась в медсанбат за медикаментами.

— Сестра, — вдруг окликнул ее солдат, прижимая к груди окровавленную руку. — Комбата ранило. Беги туда. — И, видя, что Ксения направляется к нему, расстигивая на ходу медицинскую сумку, хрипло сказал: — Оставь индивидуальный пакет. Сам справишься.

Девушка отдала раненому бинты, а сама побежала туда, где только что отстремел бой.

Доставив в санбат раненого командира, Ксения захватила там санитарную повозку и вместе с ездовым направилась обратно. В лошадке ее ждали раненые бойцы. Уложив в повозку несколько тяжелораненых, девушка приказала ездовому:

— Как только доставишь, сразу возвращайся!

Но вдруг на вершине холма показались фашисты. Заметив повозку с ранеными, они открыли огонь.

— Быстрее гони, я задержу их, — крикнула Ксения.

Повозка быстро скрылась в ложбине, а Ксе-

ния, схватив автомат, дала несколько длинных очередей по фашистам. Начали стрелять и раненые. Немцы залегли. А Ксения, перебежав с одного места на другое, подбадривая ослабевших солдат, все стреляла и стреляла... Немцы подползали ближе и ближе, кольцом охватывая бесстрашную русскую девушку. Ее ранили в голову, по щеке потекла кровь. Кончились патроны... Тогда, поднявшись во весь рост, Ксения бросила несколько гранат в орущую группу фашистов, которые были в нескольких шагах... Обессиленную Ксению Константинову фашисты схватили и подвергли нечеловеческим пыткам: отрезали ей нос, груди, выкололи глаза, полуживую прибили колом к земле... Так погибла восемнадцатилетняя героиня.

На другой день наши войска выбили немцев с этого участка фронта. Вот тогда-то бойцы и нашли тело зверски замученной героини. Похоронили любимицу батальона со всеми воинскими почестями недалеко от села Изгорки, на вершине холма у березового леса. Посмертно ей присвоили звание Героя Советского Союза.

Жители Липецкой области свято чтят память своей землячки. Имя Ксении Константиновой носит площадь областного города, школьная пионерская дружина в ее родном селе; в медицинском институте, где она училась, создан зал боевой славы.

Анатолий БОЛОТОВ,
участник
Великой Отечественной войны,
Липецк

МОЯ СЕМЬЯ

Мне захотелось принять участие в конкурсе на интересное письмо. Интересно ли другим узнать о моей жизни, не знаю, но что поучительно — уверен. Совсем недавно я переступил порог третьего десятка. Детство мое прошло в одном из сел нечерноземной полосы. В семье я был старшим. Мне часто вспоминается беззаботное детство, но уже тогда у меня появились первые определенные обязанности по хозяйству. После четвертого класса летом я, как и все сельские ребята, стал помогать взрослым в совхозной работе: мы распахивали землю под картофель, сгребали сено, сажали корнеплоды. Частенько на жаре намаешься, устанешь, но зато с какой гордостью входишь в село — с гордостью рабочего человека: ведь ты самостоятельно трудился, зарабатываешь деньги. Каждое утро, проснувшись чуть свет, бежишь на наряд (это место, где, написанный бригадиром, висел список с расписанием дня, с фамилиями колхозников). Сколько было переживаний и огорчений, если в этом листке не увидишь своей фамилии! Ходишь сам не свой. Иногда целый день мы, ребята, дежурили возле дома бригадира, чтобы он не забыл о нас завтра.

В семье нашей стало уже шестеро детей. Жили мы хорошо, недостатка ни в чем не ощущали. Я учился в девятом классе, когда трагически погиб отец. На всю жизнь запомню то тяжкое время: я все уговаривал мать, чтобы она меньше волновалась, обещал, что мы справимся с посевными работами, запасем топливо. Мать вскоре пошла работать на ферму телятницей. С хозяйством и детьми управлялась бабушка. Иногда мы целую неделю не видели маму. Она уходила на работу, когда мы еще не проснулись, и приходила, когда мы уже спали. Все, казалось, начало налаживаться: ведь мы выросли. Но вдруг новое горе: от сердечного приступа умерла мама. Сказалась утрата отца и тяжкий труд... Сейчас трое из нас уехали из семьи, трое остались на попечение бабушки. Мы приезжаем, помогаем им, особенно в горячее летнее время.

И сейчас у моих младших сестер и брата постоянные обязанности по дому: привезти воду, вымыть полы, перебрать картофель. Конечно, жаль, когда укорачивается время беззаботного детства и на плечи ребенка десяти лет возлагаются обязанности взрослого человека. Но что ж поделаешь? Чувство долга у нас воспитывалось с детства, нас никто никогда не заставлял что-либо делать и не контролировал, потому что каждый понимал важность и необходимость своего дела.

Так, у меня в свое время, а сейчас у моих младших сестер никто не проверяет уроки, но старший всегда поможет младшему, если возникнут какие-нибудь трудности. И все в семье учатся только на хорошо и отлично. Мы трое, окончив школу, учимся кто в институте, кто в техникуме и работаем к тому же. Все в нашей жизни сейчас хорошо, все наладилось... Одно несчастье — слишком рано из жизни ушли самые дорогие и близкие люди; но это не породило в нас черствости и бессердечности. Конечно, трудно учиться (в материальном отношении), так как в студенческие годы находишься «на собственном хозрасчете». Но я думаю, что каждый из нас вырастет настоящим человеком, преданным великой стране социализма.

Мне, бы хотелось от всей души выразить благодарность нашей партии и нашему правительству за ту помощь, которую оказывают нам, чтобы мы могли жить достойно, получить образование, выйти в люди.

Может, мне не стоило писать: что значит судьба одного человека из 250 миллионов? Но мне хотелось сказать, что у людей нужно с детства воспитывать чувство ответственности, долга, силу воли. Тогда наша Родина будет еще сильнее и краше.

С уважением,
Игорь ДЕДКОВ,
Брянская область

Я СТАЛ УЧИТЕЛЕМ

В юные годы я никогда не предполагал, что стану учителем. Сам я учился плохо, да и некогда нам было учиться: шла война. Город переживал тревожные дни. Не хватало топлива, еды. Во время налетов мы, мальчишки, дежурили вместе со взрослыми. По утрам шли в школу голодные, невыспавшиеся, в изношенной, холодной одежде.

В седьмом классе я безнадежно отстал по немецкому языку. Да и вообще с грехом пополам окончил семилетку. Как и многих мальчишек, меня манила романтика дальних путешествий и море.

Случай представился неожиданно. Мой дружок Витя Колосов «пронохал», что через райком комсомола идет набор в школу юнг. Уже на другой день мы толкались в райкоме, а еще через несколько дней уезжали в неизвестность с маленькими чемоданчиками в руках и большими надеждами.

До сих пор с благодарностью вспоминаю нелегкую морскую службу. Там я узнал одну из главных истин: каждая минута времени должна быть рассчитана и прожита с пользой.

Строгий режим дня и железная дисциплина явились для нас, довольно неорганизованных мальчишек, серьезным испытанием. На военном корабле я понял наконец, что очень мало знаю: сложное корабельное оборудование требовало солидной теоретической подготовки по физике и математике. И я взялся за книги.

После службы на Северном флоте я устроился матросом первого класса на научно-исследовательское судно. Мы ходили в океан, бывали в иностранных портах. Нередко я слышал иностранную речь, но понять, естественно, ничего не мог.

И вот однажды вечером, сменившись с вахты, я постучал в каюту штурмана, человека еще молодого, но очень зрелого.

— Выучить иностранный язык не так просто, — ответил он, выслушав мою просьбу, — но можно, все можно.

Он усадил меня рядом, взял чистый лист бумаги и написал первые буквы английского алфавита.

С того времени в расписание моих занятий

по самообразованию вошел новый предмет — иностранный язык.

Летом 1957 года я был участником Международного московского фестиваля молодежи и студентов. Люди со всех уголков земли съехались в столицу нашей Родины. Там я увидел, как хотя бы простые люди общаются, взаимопонимания. Я решил стать студентом института иностранных языков. Полетели дни еще более напряженных занятий: философия, латынь, литература, немецкий язык.

Прошло еще одно десятилетие. Я учитель. Должность эта почетна и ответственна. Обязанностей — нет предела. Но главная из них — воспитать настоящего человека, широко образованного, достойного своего времени. Ежегодно первого сентября я будто впервые вхожу в класс, встаю за учительский стол. Мне хочется, чтобы каждый из мальчишек и девчонок мог сам сказать слова приветствия, мира и дружбы не только на своем родном языке. Ради этой высокой идеи я стал учителем.

Владимир СЕРОВ, г. Горький

МАМАЕВ КУРГАН

Даже у равнодушного человека здесь дрогнет сердце... Я в третий раз приезжаю сюда. Когда наша экскурсия подходила к концу, неожиданно пошел дождь. Наше внимание привлёк высокий седой мужчина, стоявший под дождем. Он что-то пытался сказать, но не мог. Казалось, будто ему не хватает воздуха, он задыхается. Видимо, он очень хотел что-то сказать, но от бессилия, оттого, что не может этого сделать, движения его рук, тела были судорожными.

Мы догадывались, что этот мужчина — фронтовик, что, возможно, даже участник Сталинградской битвы и что приехал он

сюда, на Мамаев курган, чтобы поклониться всем павшим в этой жестокой битве. Мы только догадывались об этом. А когда мужчина вдруг резким движением руки что-то достал из кармана пиджака, затем сжал ладонь в кулак и также резко разжал — мы увидели на его ладони орденовские планки. У нас уже не было сомнения в том, что этот седой мужчина — участник боев за Сталинград. Вдруг он с трудом произнес одно лишь слово: «Война!» И мы его услышали. Слово прозвучало как взрыв, в него было вложено все: и ненависть, и гнев, и боль, и скорбь... Мужчина плакал.

Подавшись, он поднялся по ступенькам и пошел туда, где росли молодые березы. Он шел по той земле, которая когда-то была изуродована войной. Он шел по той земле, за которую сражались, за которую пролили кровь его друзья и он сам.

Дождь кончился. А мы все еще стояли под навесом стены-руины и смотрели вслед уходящему человеку. Мне кажется, каждый из нас в те минуты думал: самое страшное, что было и может быть в мире, — война, что самая горькая память та, которую оставила человечеству война.

Людмила БОБЫЛЕВА, Саратов

КОНКУРС ЗАВЕРШЕН!

Редакция получила большое количество писем на конкурс интересного письма. Часть из них была опубликована в №№ 12, 14, 15, 16, 17, 18, 19.

Редакция решила присудить премии — годовую подписку на наш журнал — следующим читателям: Людмиле ЯБЫКОВОЙ с западного участка БАМа, Ольге ГОЛУБЕВОЙ из Саратова, Николаю БОГАТЫРЕВУ из Воронежа, Владимиру ВИРЧИКУ из Москвы, Владимиру АНДРЕЕВУ из Кемерово. Мы поздравляем победителей и благодарим всех читателей за активное участие в конкурсе.

КОНКУРС ПРОДОЛЖАЕТСЯ!

В 1978 году конкурс на самое интересное письмо продолжится и будет посвящен 60-летию ВЛКСМ. Хотелось бы, чтобы в юбилейном для комсомола году самое активное участие в конкурсе приняли комсомольцы и молодежь. Тема письма свободная. Это может быть письмо-исповедь, письмо-раздумье о том, что ты дал комсомолу и что комсомол дал тебе; это может быть рассказ о собственной судьбе, о духовных поисках, о самообразовании, о трудовых достижениях или о том, что мешает эффективно и качественно выполнению заданий десятой пятилетки; это может быть разговор о ровесниках, о том, что вам в них нравится и чего вы не приемлете, о взаимоотношениях личности и коллектива.

Мы будем ждать писем и от читателей старших поколений, от ветеранов комсомола, чьи рассказы о днях тревожной и славной молодости, чьи советы и наставления, основанные на богатом жизненном опыте, безусловно, окажутся полезными для юношества.

Наиболее интересные письма будут опубликованы в «Смене». Победителей конкурса, как и в 1977 году, ждут премии — годовая подписка на журнал «Смена».

Рисунок Валерия АШМАНОВА

Рисунок Владимира КАЗАНОВСКОГО

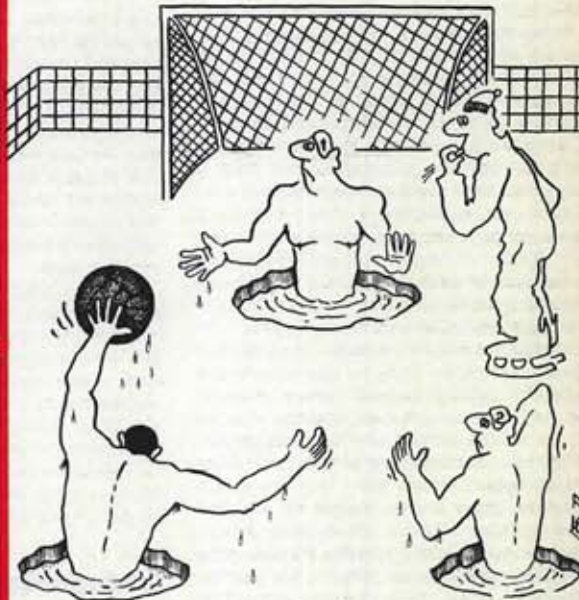
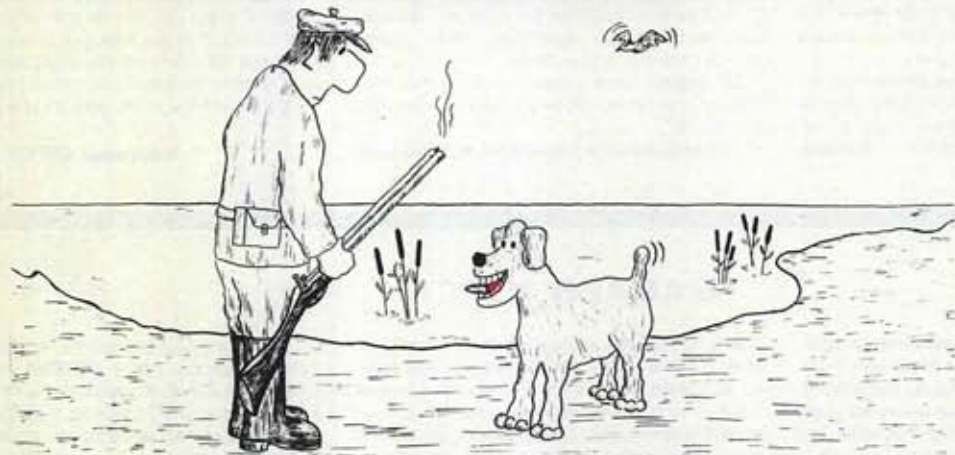
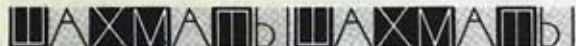

Рисунок Андрея ДМИТРИЕВА

Рисунок Андрея БИЛЬЖО

Под редакцией заслуженного тренера РСФСР Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

ЧЕМПИОНОМ СТАЛ АРТУР ЮСУПОВ

Советские шахматисты в нынешнем году порадовали своих почитателей многими победами на ответственных международных соревнованиях. Свою лепту в нашу золотую копилку внес и 17-летний москвич Артур Юсупов. Первостепенный экономический факультета МГУ, воспитанник студенческого спортивного общества «Буревестник» и прославленной шахматной школы Михаила Ботвинника, он представлял нашу страну на юношеском первенстве мира в Инсбруке (Австрия). 10,5 очка из 13 возможных — с таким высоким спортивным результатом Артур завоевал золотую медаль чемпиона мира среди юношей старшего возраста и звание международного мастера.

Для игры нового юного чемпиона на турнире в Инсбруке были характерны высокое мастерство, наступательный порыв, содержательность.

Вот два примера.

К такому положению пришла после 12-го хода белых партия А. Юсупова (у него были черные) против шахматиста из Сальвадора

И. Армандо. Эффектной жертвой качества и ценою потери права на рокировку черные завязывают выгодные для них осложнения, в которых умело ориентируется молодой мастер.

12. ...Кс6—d4! 13. Кd5—c7+ Фd8:с7 14. Фf3:a8+ Кре8—e7. Выясняется, что в случае кажущегося естественным хода 15. с3 последовал бы пренебрежительный для белых вариант 15. ...b4! 16. cb Фb6! и т. д.

15. Ла1—d1 Кd4:с2+ 16. Ка3:с2 Cf5:c2.

Удержать благоприобретенное качество белые не в состоянии. Запоминается красивый вариант с жертвой ладьи—17. Лd2 Ch6!! 18. Ф:h8 Фа5, и черные пленяют короля противника.

17. Фа8—d5 Cc2:d1 18. Фd5:d1 Cf8—h6 19. Фd1—b1 Лh8—c8 20. Cf1—e2 Фс7—a5+ 21. b2—b4 Лс8—c1+!

Черные искусно переводят игру в русло эндшпиля, где пешечное превосходство оказывается эффективнее, нежели ничейные тенденции пресловутых разноцветных слонов.

22. Ce2—d1 Лс1:b1 23. b4:a5 Лb1—a1 24. a2—a4 b5:a4 25. 0—0 d6—d5 26. Cd1—c2 Ла1:f1+ 27. Kpg1:f1 a4—a3 28. Cc2—b3 d5—d4 29. Kpf1—e2 e5—e4.

Дуэту подвижных центральных пешек черных (к тому же лишней!) белым нечего противопоставить. 30. f2—f3 d4—d3+ 31. Кре2—f2 e4—e3+ 32. Kpf2—e1 Ch6—g7!, и белые сдались.

Здесь вы видите позицию, которая возникла в поединке А. Юсупова с М. Сиснига, молодым мексиканским шахматным мастером. Тематической комбинацией А. Юсупов, на этот раз игравший белыми, завоевывает центральную неприятельскую пешку.

19. Кd4—c6 Фd8—d6 20. Фd1:d5! Фd6:d5 21. Кс6—e7+ Kpg8—h8 22. Ke7:d5 Лf8—d8 23. Ch3—f5 Лd8:d5 24. Cf5:e4 Лd5—d4 25. Ce4—f3 Kph8—g8 26. e2—e3 Лd4—d2.

А сейчас несложным тактическим ударом белые выигрывают вторую пешку, и на поле боя создается соотношение сил, как две капли воды напоминающее предыдущую концевку.

27. Лb7:f7! Kpg8:f7 28. Cf3:a8 Kpf7—e6 29. a2—a4 g7—g5 30. h2—h3 h7—h5 31. Лf1—c1 h5—h4 32. g3:h4 g5:h4 33. Лс1—c4 Ce5—f6 34. Лс4—с6+ Лd2—d6 35. Лс6:d6+ Кре6:d6.

И в этой схватке пару связанных проходных (и тоже лишней пешек!) удержать невозможно — наличие разноцветных слонов не спасает. 36. f2—f4 Cf6—c3 37. Kpg1—f2 Kpd6—e6 38. Kpf2—f3 Cc3—d2 39. e3—e4 Кре6—f6 40. e4—e5+ Kpf6—f5 41. Са8—e4+ Kpf5—e6 42. Ce4—с6!, и черные капитулировали.

НА МЕМОРИАЛЕ ЧИГОРИНА

В увлекательной борьбе прошел недавний международный турнир

в Сочи, посвященный памяти великого русского шахматиста Михаила Чигорина (1850—1908 гг.). Предлагаем вниманию читателей «Смены» два фрагмента, характерных для оживленных баталий чигоринского мемориала.

Перед вами нешаблонная ситуация, создавшаяся после 10-го хода черных в партии мастера из Таллина Хиллара Кярнера (он играл белыми) с известным чехословацким шахматистом Л. Фтачником. Ради захвата инициативы белые предприняли спорную, но весьма заманчивую жертву фигуры за две пешки.

11. c2—c3!? d4—d3 12. Ce2:d3 e5—e4 13. Cd3:e4 Kc5:e4 14. h5:g6 f7:g6 15. Фd1—d5 Ke4—f6 16. Фd5—c4 Cc8—f5 17. Kf3—g5 Фd8—d7 18. 0—0 Лa8—c8 19. Лf1—e1+ Кре8—f8 20. Kb5—c7 Каб:c7 21. d6:c7 h7—h6?

Решающая ошибка: черные напрасно считают, что белые обязаны отступить конем. Следовало поспешить с уничтожением белой пешки, пробравшейся в лагерь соперника на поле «с7».

22. Cc1—e3! Фd7:c7. Эффектно достигали белые це-

ли в варианте 22. ...b6 23. Лад1 Ф:c7 24. Лd8+!, черные оставались бы без ферзя или получали мат.

23. Ce3—c5+!, и черные сдались.

На диаграмме приведена позиция, сложившаяся после 17-го хода черных у гроссмейстера из Саратова Николая Крогиуса во встрече с международным мастером из Румынии М. Шуба. Временной жертвой коня советский шахматист, игравший белыми, подготавливает условия для штурма на королевском фланге.

18. Кd4—f5! g6:f5 19. e4:f5 Фа7—e3 20. f5:e6 f7:e6 21. f3—f4! Фе3—с5 22. Кс3—e4 Фс5—f5 23. Cb2:g7 Kpg8:g7 24. g2—g4!

Поскольку эта пешка неуязвима из-за возможной связи черного ферзя, находящегося со своим королем на одной вертикали, белые наращивают наступление в стремительном темпе.

24. ...Фf5—f7 25. Фс2—с3+ Kpg7—g8 26. f4—f5 e6—e5 27. g4—g5 Фf7—h5 28. c4—c5! Фh5—e2 29. Лf1—e1 Фе2—b5 30. c5:d6 c7—с6 31. Фс3—h3!, и черные прекратили сопротивление.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 253-30-87. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 18/X 1977 г. А 02146. Подписано к печати 11/XI 1977 г. Формат 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1200 000 экз. Изд. № 2660. Заказ № 1301. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

РОДИНА МОЯ

Слова
Роберта РОЖДЕСТВЕНСКОГО
Музыка Давида ТУХМАНОВА.

Я, ты, он, она,
Вместе — целая страна.
Вместе — дружная семья.
В слове «мы» — сто тысяч «я»!
Большеглазых, озорных,
Черных, рыжих и лыняных,
Грустных и веселых
В городах и селах.

Над тобою солнце светит,
Родина моя.
Ты прекрасней всех на свете,
Родина моя.

Я люблю, страна, твои просторы,
Я люблю твои поля и горы,
Сонные озера и бурлящие моря.
Над полями выгнет спину
Радуга-дуга.
Нам откроет сто тропинок
Синяя тайга.
Вновь настанет время спелых ягод,
А потом опять на землю лягут
Белые, огромные, роскошные снега,
как будто праздник!

Припев:
Будут на тебя
Звезды удивленно смотреть,
Будут над тобой
Добрые рассветы гореть
Вполнеба.

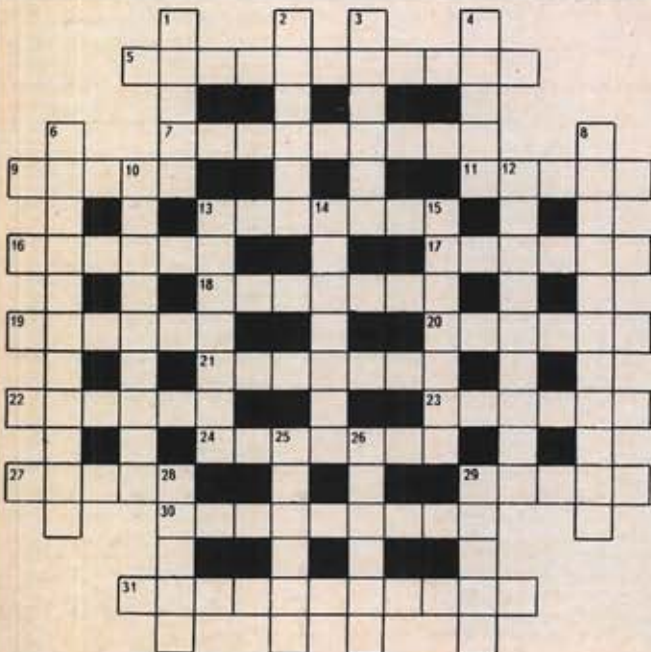
В синей вышине
Птицы будут радостно петь,
И будет песня звенеть
Над тобой в облаках
На крылатых твоих языках.
Я, ты, он, она,
Вместе — целая страна.
Вместе — дружная семья.
В слове «мы» — сто тысяч «я»!

Над тобою солнце светит,
Льется с высоты.
Всё на свете, всё на свете
Сможем я и ты.
Я прилну, земля, к твоим березам
Я взгляну в глаза веселым грозам
И, смеясь от счастья,
Упаду в твои цветы.
Обняла весна цветная
Ширь твоих степей.
У тебя, страна, я знаю,
Солнечно в судьбе.
Нет тебе конца и нет начала,
И текут светло и величаво
Реки необъятные, как песня о тебе,
как будто праздник!

Припев.

КРОССВОРД

Составил М. КАРИК,
Симферополь

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

5. Предоставленное право, возможность быть избранным.
7. Командная спортивная игра.
9. Опера В. Беллини. 11. Актер МХАТа, народный артист СССР.
13. Река на юго-востоке США. 16. Манера держаться, выправка.
17. Административный центр провинции в Италии. 18. Эфиромасличное растение. 19. Рыбообразное животное. 20. Государ-

ство в Центральной Америке. 21. Фрукты, ягоды, сваренные с сахаром. 22. Сезон лова рыбы. 23. Приток реки Москвы. 24. Научное сочинение. 27. Африканское жвачное животное. 29. Народный художник СССР, лауреат Ленинской премии. 30. Прибор в самолете, высотомер. 31. Воспроизведенный в печати рисунок, картина.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Гидротехническое сооружение, земляная плотина. 2. Народный артист СССР, Герой Социалистического Труда. 3. Химический элемент. 4. Несущая поверхность самолета. 6. Основной закон государства. 8. Журнал, основанный А. С. Пушкиным. 10. Струнный музыкальный инструмент. 12. Обществен-

ное состояние, исключающее классовые и социальные различия. 13. Город в Башкирии. 14. Сложный орнамент. 15. Стопа в стихосложении. 25. Действующее лицо пьесы А. П. Чехова «Дядя Ваня». 26. Площадка железнодорожного вагона. 28. Дирижер балета, народный артист СССР. 29. Морское путешествие.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 22

По горизонтали:

9. Метранпаж. 10. Ломоносов. 12. «Перикл». 13. «Жатва». 14. Творог. 15. Теркин. 16. Кварты. 17. Беликов. 19. Колба. 21. Штиль. 23. «Блокада». 24. Платина. 28. Неман. 29. Гонки. 30. Нервюра. 31. Беринг. 34. Салака. 38. Кошара. 39. Олово. 40. Рапорт. 41. Товаровед. 42. Казакевич.

По вертикали:

1. «Жеребенок». 2. Прииск. 3. Анилин. 4. Баржа. 5. Томат. 6. «Восток». 7. Богота. 8. Коростель. 11. Стулица. 17. Балатон. 18. Беранда. 20. Балка. 22. Танго. 25. Береговая. 26. Доватор. 27. Экскурсия. 32. Ибадан. 33. Глагол. 34. Сергач. 35. Лаптев. 36. Докер. 37. Топаз.

„КАЛИНКА“

Светлана ДУДЧЕНКО.
Фото Юрия УСТИНОВА.

беседовал с учителями, советовался с ними, собирал ребят на переменах и рассказывал им об искусстве хореографии, которая дарит своим приверженцам красоту, изящество, уверенность в себе...

Балетмейстерский опыт у Филиппова был. Проходя срочную военную службу, он танцевал в ансамбле гвардейской Таманской дивизии, поставил там несколько танцев. Практический опыт плюс образование, полученное в ГИТИСе, — с этим вполне можно было начинать.

Сегодня в ансамбле 240 человек. «Калинка» выступает с концертной программой, состоящей из двух отделений, представляя на суд зрителей более двадцати танцев и танцевальных миниатюр. Занятия в ансамбле, гастрольные поездки, выступления — это, помимо всего прочего, еще и воспитывает в ребятах драгоценное чувство духовной общности, ощущение того, что их танец не мо-

«РЕВЕРАНС».

РЕПЕТИЦИЯ.

...В огромные окна рекой льется весенний свет. Четко звучит голос педагога-хореографа:

— И-раз, и-два, и-раз, и-два... Первая позиция — пируэт, третья позиция — баланс!

Идет репетиция одной из девяти танцевальных групп ансамбля «Калинка» Дома культуры имени Серафимовича.

Так получилось, что с «Калинкой» я познакомилась заочно. Перед майскими праздниками по телевидению передавали получасовой концерт этого коллектива. Одна хореографическая миниатюра, другая, третья... В каждой легко прослеживался ясно прочерченный рисунок. В главном танце «Калинка» этим рисунком была фольклорная тема — хоровод девушек в узорчатых сарафанах венком опоясывает сцену, затем на сцену вихрем вылетают танцоры, девичий хоровод рассыпается, дробится и вновь собирается живым венком...

— Сколько лет «Калинке»? — спрашиваю я художественного руководителя ансамбля Александра Филиппова.

— «Калинка» не молода, — отвечает он. — Ей уже семь лет!

Когда Александр Филиппов, выпускник курсов балетмейстеров при Государственном институте театрального искусства, пришел в Дом культуры имени Серафимовича, его встретил танцевальный коллектив, состоявший всего из нескольких девочек. Будущих участников ансамбля нужно было сначала найти.

Первым делом, не полагаясь на то, что дети случайно услышат от кого-нибудь о наборе в ансамбль, Филиппов отправился в окрестные школы. Он

УКРАИНСКИЙ ТАНЕЦ.

«ПРИГЛАШЕНИЕ».

жет жить только в ком-нибудь одном, пусть даже в самом талантливом из них. Их танец живет в каждом исполнителе — в каждом! — а значит, и во всем ансамбле. Потому что их «Калинка» — это танец для всех!

...На сцену выбегает солистка ансамбля Катя Токмань — она участвует в миниатюре «Озорник» вместе с Володей Теняевым. Танцуют ребята удивительно легко, и зал провожает их громкими аплодисментами. Но зрители аплодировали и до того, как Катя начала танец. Им понравились костюмы. Капроновое платье сочно-желтого цвета с пышной юбкой и аккуратными рукавами-фонариками удивительно контрастировало с костюмом Озорника — его нелепой кепкой и рубашкой с напуском, небрежно заправленной в брюки...

В каждом ребенке таится мечта выразить себя в движении. И нужно не так уж много, чтобы эта мечта реализовалась в танце. Обыкновенный школьный зал, обыкновенный рояль и несколько часов в неделю для занятий. Но прежде всего нужен педагог, нужен воспитатель, в душе которого живет жажда помочь детям отыскать то прекрасное, о котором они пока лишь смутно догадываются. И очень важно, чтобы с такими педагогами дети встречались уже в начальной школе...

Цена номера 25 коп.

Индекс 70820